

К 84(2Рос)

В 67

ЛЕОНИД БАБАНИН
АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

ВОЛКИ ИДУТ СЛЕДОМ

Север... Дикий, необъятный Север нашей великой и могущественной державы – России! «Сколько богатств скрывают его недра, сколько неразведанных месторождений нефти и газа!» – не перестаёт восхищаться столица и жители центра. Север – это не только баррели нефти, Север – это баррели любви и незыблемого счастья, свойственных только лишь людям-романтикам, патриотам своего края. Зная всё это, я с удовольствием читаю прозу нашего земляка Леонида Бабанина. Читаю на одном дыхании, переживаю, сопереживаю, чувствую... Такую же бурю эмоций испытываю, читая стихи другой творческой природы Севера – поэта Андрея Тарханова. Те же неповторимые образы северной природы, та же широкая душа, только в стихах. Произведениям поэта А. Тарханова и прозаика Л. Бабанина присуще ощущение баланса – мирного, а порой и противоречивого содружества человека и природы.

Раскрытие человеческого характера через образы дикой и прекрасной северной природы – это талант, это противопоставление устоявшимся стереотипам бескрайних просторов, особенной атмосферы дикого и неприступного Севера...

Александр Маков

Леонид Бабанин
Андрей Тарханов

ВОЛКИ ИДУТ СЛЕДОМ

- 0149474 -

© Бабанин Л.Н., 2010
© Тарханов А.С., 2010
Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство

2010

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84(2Рос-Рус+Ма)6-4+5
Б 12

ISBN 978-5-7529-0973-2

© Бабанин Л.Л., 2010
© Тарханов А.С., 2010
© Туманов А.М., оформл., 2010
© Средне-Уральское книжное
издательство, 2010

ЛЕОНИД БАБАНИН

ОБЕЗЬЯНА

Под фарами мчавшегося в ночной дождливой темноте полноприводного КамАЗа метнулась в отчаянии собачушка, застигнутая врасплох, которые лишь подтвердили её обреченность ударами: тук... тук... тук!!!

— Эх... — поморщился Санька, — на дальнем бы шёл — увидел, — и переключил фару опять на дальний. — Да... вот судьба-то какая штука, — сказал Санька, — думала ли собачка ещё в обед, что будет расплющена колёсами какого-то КамАЗа, оказавшегося здесь, может быть, раз за сто лет... Нет, конечно, судьба, значит, да и мне тоже рот не разевать, а вдруг человек бы оказался... Сколько раз зарекался на ближнем не ездить. Ну ладно, буду бороться с собой.

Санька переключил фары с дальнего на ближний. Вжик... прожужжал встречный автомобильный состав... На место и, щёлкнув переключателем, включил опять дальний. Вот получше, хотя экран от дождя на дальнем, ладно, пусть так и светит... Так думая и об этом тоже, Санька мчался в Ханты-Мансийск на КамАЗе рыбокомбината, загруженном рыбоконсервной продукцией. «Ну что... к пяти успеваю, там — в гаражный душ, мужикам магарыч, рыбка северная, водовка и в кабак. Может, там какую хорошую барышню и сниму — не такую, какие у нас в деревне... «колхозяры». А видную, стройную, умную, чтоб говорить можно было с ней и о науке, и о работе... А ещё б лучше, чтоб бухгалтером была, как у друга моего Витьки, та до копейки проверит, как ему зарплату на предприятии начислят...» Так мысли Санькины летели одна за другой в такт движениям КамАЗа, как неожиданно впереди почти на дороге перед КамАЗом мелькнул силуэт женщины.

— Епт... твою мать! — и с ужасом в душе надавил на тормоза, когда что-то гулко ударило о кабину машины.

«Всё, — подумал Санька, — копец! Убил человека, отъездил к чёртовой матери. Вот тебе гараж, вот тебе и кабак».

Ноги сами спустили его вниз, и на негнущихся ногах Санька обходил машину, чтоб оглядеть труп. В кювете белел какой-то силуэт. Вокруг стояла ночь с проливным дождём, двигатель КамАЗа мягко урчал свою дизельную песню, говоря о тепле и уюте в кабине, шоссе было пустынно, где-то в конце дороги, вдалеке, сполохом мелькал свет какого-то транспорта. Да... боясь подойти к трупу... влип... И тут настойчиво стала доминировать откуда-то появившаяся мысль: «А что, может, по газам и дальше? Покойнику-то, пожалуй, забота особо-то и не нужна. Рассветёт, кто-нибудь увидит, сообщит – и всё! Такова судьба...». С белого пятна Санька внимательно перевёл взгляд на перед КамАЗа: бампер, фартук, фары, вроде всё цело, а если тряпкой протереть, на всякий случай по грязи проехать – всё шито-крыто... Сглотнув слюну и струйки дождя, стекающего по лицу, Санька попятился назад, ближе к кабине, за тряпкой. Ноги задним ходом заводили его за кабину к двери. Так... Санька открыл дверь: вот тряпка, пойду затру и – по газам. Перед Хантами по грязи проеду – и всё. Уже скорым шагом на цыпочках Санька подбежал опять к передку машины и стал протирать... С грохотом разъехался тяжёлый КраЗ с полуприцепом. Ну и всё, руки привычно заходили с тряпкой по передку машины, стирая всё, что осенило ужасом его водителя. И вдруг в кювете послышался какой-то тихий плач.

– Ну и всё!?! – сник Санька. «Представление начинается: врачи, менты, адвокаты... Попадалово, короче. Хорошо, что трезвый. Давай иди, что рот разинул», – сказал себе Санька и на полусогнутых пошёл в кювет к своей жертве. Скользя по грязи, Санька оказался возле этого белого пятна, которое почему-то всхлипывало и, всхлипывая, не обращало ни на что внимание.

– В горячке, наверное, – определил Санька. – Сейчас осмотрим, баба вроде.

Баба сидела в грязи, опустив голову на колени, и плакала.

– Жива? – спросил её Санька.

– Ага! – хлипнула она и опять, как маленькая собачушка, заплакала. Немножко выждав, пока она выплечется, Санька осторожно спросил:

– Где болит?

– Везде болит, – ответила она и заплакала ещё пуще прежнего.

– Да... бля!.. – задумчиво произнёс Санька вслух. – Попал!..

– Не материтесь, – поправила она его своим нежным, почти детским голоском.

Так... если поправляет, значит, вменяема и не так повреждена.

– Пойду за фонариком схожу! – гулко произнёс он, таким образом стараясь оттянуть время, чтоб привыкнуть к ситуации. Интересно, она сильно поломана или нет? Тяжело вздыхая и сопя, Санька пятился назад к своему КамАЗу. «Впутался, – со слезами на глазах переживал он. – Принёс её на дорогу чёрт». Открыв дверь привычным движением, просунул руку, достал оттуда шахтёрский фонарик, щёлкнул тумблером и, постояв, пошёл к ней. Та сидела в том же положении, что и вначале, бесперестанно всхлипывая. Осветив её фонарём и не увидев ни капли крови, спросил:

– Ноги шевелятся?

– Не знаю, – проплакала она.

– А ты попробуй!!

– Не попробуй, а попробуйте! – опять поправила она.

– Ну попробуйте, – уже миролюбивей попросил Санька.

Чуть шевельнувшись, ответила:

– Да, шевелятся!

Если шевелятся, значит, позвоночник и кости целы, это уже лучше.

– Давайте встать попробуем, я помогу!

– Давайте, – сказала она и протянула руку. Ручишка-то тонюсенькая, как в детском саду, а уцелела – не поломалась. Натужившись, девушка встала и облокотилась на Саньку.

– Где болит? – спросил он.

– Здесь! – сказала она.

– Ну где здесь? – нетерпеливо спросил Санька.

– Не кричите, – опять возразила девушка, – Вот... – сказала она, кивнув куда-то вниз.

– А понятно, – сказал Санька, – там пройдёт.

– А вы не смейтесь... сами наехали, а теперь смеётесь.

– Да не смеюсь я, а помогаю, – опять возразил Санька. – А зовут как тебя?

– Надя! – представилась она.

– А меня Саша, – назвался Санька. – Ну что, может, попробуем идти или на руках донести? – предложил он.

– Попробую сама, – своим нежненьким голоском сказала Надя и сделала первый шаг вперёд.

«Ух, здорово, – подумал Санёк, уловив носом аромат женского тела, смешанный с ароматом хорошего парфюма. – Наши бабы так не пахнут!» И увидев её глаза на уровне своих, подметил – и росточек повыше наших сибирских низкозадых. Не фотомодель ли она случайно? И так вдвоём они пошли вверх из кювета в машину. Поскользнувшись у самой машины и не удержавшись от эмоций, Санька громко выругался...

– Ёпт... ать!..

Надя посмотрела на него строго – из чего стало понятно, что компания с ней отличается от компании в гараже. И как бы оправдываясь, он забежал вперёд, отрыл ей дверь и позвал:

– Вот подымайся, иди, помогу!..

– А вы куда едете? – в нерешительности спросила девушка. – Я с незнакомыми не езжу!

– Куда-куда... – пробурчал Санька. – Куда тебе надо – туда и увезу. Так-то в Ханты еду.

– Ой, и мне туда же.

– Садись тогда, тут осталось-то три км.

Осветив ей фонариком подножки, Санька показал путь в кабину. Увидев от света фонаря и кабины свой грязный плащ, она на мгновение остановилась, ойкнув пожаловалась:

– Плащ-то грязный, я там всё замараю, – и решительно остановившись, стала снимать его.

Да, точно аристократка. Да и так внешне ничего, где-нибудь в кабаке к такой и не подойти. Не по ранжиру девушка, кто-то ж пользуется такими. Начальство поди или «комерсы». Да и хрен с ним.

Надя между тем сняла плащ, нашла платок, счистила грязь с сапог и попросила:

– А вы не дадите тряпочки, грязь затереть? – обдав опять Саньку ароматом духов и тела.

«Ещё немного, и я тебе отдам всё!» – подумал про себя он.

— Шас... — сказав пренебрежительным голосом, Санька пошёл к своей дверке за тряпкой. «Ухаживай за тобой, а приедем — в ментовку сдашь, да ещё денег потребуешь. Ладно уж, зевнул, теперь получай, товарищ водитель, умнее будешь».

Тряпка лежала, где и положено ей лежать — в кармане двери. Санька вообще водитель был, как говорят, «от бога»: машина исправна, в чистоте, всё на своём месте. Да и другому нельзя в дороге.

— Возьми!.. — протянул он ей тряпку.

Надя выпрямилась, искренне посмотрела ему в глаза и, дыша на Саньку приятным запахом, сказала:

— Спасибо! — и принялась счищать с себя грязь, бурча про себя что-то типа: — А плащ слегка подчищу и отдам в химчистку.

«А она молодец всё-таки. После такой переделки, а за собой следит. Да и в кабине чисто будет». Закончив с грязью, она посмотрела виновато на Саньку и смущённо спросила:

— Я вас очень задержала?

— Да так... — неопределённо хмыкнул Санька, показывая тем самым своё пренебрежение к ней.

— Ну я всё, — продолжала она.

— Можно сесть в кабину... —

— Высоко-то как... — тут же вылетела из неё эмоция о КамАЗе.

«Ещё б ты ездила!.. В КамАЗах с дальнобойщиками...» — про себя подумал почему-то в её защиту Санька. Чуть морщась от боли, Надя забралась в КамАЗ.

КамАЗ урчал свою дорожную песенку, печка подогрела кабины нагнетала тепло, от которого становилось всё уютней и уютней. И пережитое ещё недавно на дороге уходило в недалёкое прошлое.

— Ну я и вляпалась, ворона, — неожиданно засмеялась она.

— Сама взяла, дура, и залезла под грузовик... ещё едва жива осталась. — И засмеялась над собой истерическим смехом... —

«ЭЭЭЭ!!!! — подумал Санька, — как бы кукушка у неё не съехала... опять проблема — сдавай её в психушку. Не брат, не окончились вроде у тебя ещё приключения... — косо поглядывая на свою пассажирку».

Немного успокоившись, она как бы виновато спросила:

– Ничего, что я так себя веду?

Угожливо улыбаясь ей, Санька бросил:

– Да нормально всё, едем ведь... расслабляйся по полной и будет всё ништяк!!!

Надя, немножко подумав, спросила у него:

– А ништяк – это что такое по-вашему?

– По-нашему? – вслух повторил он её вопрос, а про себя подумал: «А действительно, по-нашему ништяк – это что такое? Вот – вляпался, дурак, и она молодец: подрубила меня как». И, не попадая врасплох, натягивая на лице улыбку, ответил: – Ништяк по-нашему – это когда всё хорошо кончается!

– Действительно, – сказала Надя своим прелестным голоском, – сегодня всё у нас вроде хорошо и закончилось. Вот до дому бы добраться ещё и было б здорово. А вы где будете ночевать?.. У вас в городе есть знакомые или родственники?..

Чуть задумавшись Санька неопределённо ответил:

– Ну как где?.. У водилы один дом – машина, вот в кабине и переночую.

Надя почему-то чуть сникла, как бы уйдя на время в себя. КамАЗ тем временем въезжал в город. Дорога уже заливалась светом стоящих у обочины фонарей. Над дорогой кричали банеры рекламных щитов, зазывающих к себе клиентов, и вот первые вросшие в землю дома окраины города.

– Ну, въезжаем вроде, – как кондуктор объявил Санька.

– А вы знаете, – неожиданно встрепенулась она, – а давайте вы сегодня переночуете у меня, я вам постелю, у меня есть куда.

Конечно же, Саньке хотелось этого. Ещё бы... во-первых новое знакомство и не с кем-то, а с девушкой, да с такой, с какой общаться ещё не приходилось. Да и что тут говорить: или гараж с водилами, кабак с пьяными бабами, или тут как король на именинах, с бабой, при чае, а может, позволит и водочки хлебнуть.

– Да неудобно как-то, – забуксовал в уме и вслух Санька.

– Ну не отказывайтесь, – сморщилась в обиде и со слезой на глазах Надюшка. – Я вас очень прошу.

– Ну ладно, – согласился Санька. – Вот машину-то во дворе есть куда приткнуть?

– Да, – сказала она, – у меня как раз двор большой, и под окнами можно поставить, как на ладони будет, я на втором этаже живу.

– Ну что ж, – улыбнулся Санёк, – тогда предложение принимаю... Говори только куда теперь.

– А вот тут, недалеко, – обрадовалась она. – Вот сейчас выезжаем на проспект и по нему направо, а там я покажу.

Урча двигателем, КамАЗ выехал на проспект Мира, пренебрегая предписывающие знаки о запрете движения грузового транспорта. «Пировать дак пировать!!!» – торжествовал про себя Санька, с удовольствием нарушая правила дорожного движения...

– Так, – руководила движением КамАЗа своим интеллигентным бархатным голоском Надежда, – теперь ещё направо... по Рознина... – И машина, обдувая выхлопом прохожих, покатила по улице Рознина Ханты-Мансийска. – Ну вот к этой пятиэтажке, первый подъезд мой! – показывала на свой дом Надечка.

КамАЗ зарулил к подъезду, спятил подальше на газон, погасив фары и выдохнув из себя воздух. Санька сказал:

– Всё!

– Как здорово, – обрадовалась она... – наверное, можно идти...

– Ты иди, а я тут всё приберу, закрою и зайду.

– Ладно, – сказала она. – Вот только как я по подъезду пойду, увидят меня такую, а ещё на КамАЗе приехала, что подумают?.. – неожиданно застеснялась она.

– Ну проскальзывай как мышка, – посоветовал, улыбаясь ей, Санька.

– Ладно, – сказала она и, поизучав ручку на двери машины, открыла её и осторожно спустилась на землю. – Пятая квартира у меня. Звони, а я чай пока поставлю... – и скрылась в подъезде своего дома.

«Да... теперь она дома наверное другая будет... кожу натянет на лице... и будет умничать... Ну и хрен с ней, я лягу спать на простынях... и пусть натягивает дальше. А там походит-походит, спесь сойдёт – глядишь и подлягет, что зря зазвала, что ли.

Они, интеллигентные, все такие — с шоферами блядуют, а умным мозги пудрят. Но ничего, разберёмся, не такие ребусы разгадывали». Привычными движениями Санька прибрался в кабине, заглушил двигатель, выключил массу, накинул на себя куртёшку, взял пакет с полотенцем и мылом... пусть видит, что водилы тоже моются... не хуже их. Подобрал подмышку термос, выпрыгнул из кабины, закрыл её, обошёл машину, вроде всё нормально. И выпрямившись, посмотрел на подъезд как на амбразуру дота, который надо взять, и широкой походкой пошёл внутрь. Чистый подъезд, горшочки с цветами на подоконниках, красивые двери. Осторожно ступая, как в коридорах милиции по повестке в ожидании окрика, Санька продвигался к указанной ему пятой квартире. Наконец и она. Дверь конечно была поскромней чем у других, но тоже железная... непокрашенная, мелом по железу была написана цифра «5». «Ну... — мысленно скомандовал он себе, — звони!..» И большой палец, прихваченный чёрными рубцами мазуты, нажал звонок.

— Заходи, заходи... — заговорила за дверью Надя своим прелестным голоском, — дверь не закрыта.

И широко открыв её, Санька шагнул внутрь.

— Здравствуйте... — неожиданно для самого себя сморозил он.

Видя замешательство гостя, Надя заулыбалась и тоже выпрямившись, озаряясь при этом в улыбке, произнесла:

— Здравствуйте! Здравствуйте... Проходите, гости дорогие, — и закрыла за его спиной дверь.

«Всё! Отступать некуда, вперёд», — сказал он себе и поставив свою утварь на пол, стал расшнуровывать шнурки на своих десантных бахилах. Вдыхая приятный аромат её комнаты, он неожиданно покраснел при мысли... ведь сейчас паханёт «от карасиков»!!! Мало ей не покажется... хотя носки одевал в дорогу свежие...

— Вот тапочки, — пододвинула она ему громадные тапки.

— Мужчины у меня нет, но тапки держу... Ты раздевайся, над душой стоять у тебя не буду. Пойду в ванную, а ты проходи на кухню и смотри, что есть в холодильнике... Хочешь — разогревай, хочешь — чай пей... а выйду и помогу тебе... — И исчезла в ванной комнате.

Поставив свои ботинки в угол, Санька удовлетворительно увидел, что от носков смок не исходит, и для гарантии, напялив на ноги тапки, пошаркал, озираясь по углам квартиры, в кухню. Ничего у неё кухонка... не меньше по размеру, чем и у нас в деревняшках, только сияет вся белизною и в плитке... И откуда они денег берут? Ничего пока не деля, Санька присел на табуреточку и вживался в новую панораму, раскрывшуюся как по велению волшебной палочки. На столе стояло так же, как рано утром, когда она уезжала в свою деревню... Пожухлый сыр, пара кружочков колбасы, ломтик зачерствевшего хлеба. «Как немка, видно, утренний чай с бутербродом... Название-то какое, – брезгливо подумал он. – Да... городские... Вот вы, значит, какие, – продолжал озираться он. – Ничего-ничего, сейчас мы вас изучим, потом будем знать с какого края вас громить. Так... сначала... выйдет из ванной – пообещаю ей рыбки нашей обской, потом оленинки, а там глядишь – клюнет! Бабы же все дуры – это факт. Им где повкусней да потеплей.

Вот на этом фронте я капкан ей и поставлю. Так... теперь бы сообразить как поставить чайник». Перед ним стояла белая электрическая плитка. Стараясь разобраться, как её включить, он всматривался в ручки на панели.

«Какое миниатюрное, чёрт побери, – выругнулся про себя он, – то ли дело у нас...»

– Саша!.. – послышался из ванной голос Надюши. – Если хочешь, открой холодильник, там рыбина какая-то лежит, в газете завёрнутая, говорят, вкусная!

Родившемуся на Оби слово «рыба» – это что-то нечто, даже если её не есть, житель Оби не утерпит, встанет и посмотрит, что ж это за рыба. Встал и Санька, открыл холодильник, и точно: судя по размеру свёртка, крупная рыба лежала на полке холодильника. Пристально посмотрев на неё, Санька всё-таки взял её, положил на стол, развернул свёрток и охнул:

– Мама моя! Муксун! И муксун-то какой, что ни на есть настоящий!

И к стыду своему подумал: «Таких крупняков-то я и сам не видел, хоть и на Оби родился, где хоть такого она взяла, интересно», – удивился про себя Санька. Ободрённый рас-

положенностью к нему Надюшки, Санька всё-таки решил помочь ей разделать рыбину и даже стать в этой уютной кухне соучастником уже ночной трапезы. Ну что, надо тогда этого муксуна «почикать». Глаза пробежали вроде бы и по пустой кухне, но кухне, в которой было для уюта практически всё. Такой своего рода пяточок для поваренной жизни. Так уж случилось сегодня, товарищи, – селяви! Какое-то чувство неловкости всё равно присутствовало в его душе, всё-таки чужая квартира, чужая кухня, продукты, как на халюву заехал. Понимал, что это чувство ложное, но всё равно избавиться от него не мог. Иногда становилось не по себе, когда представлялось: серый мрачный гараж, промасленные запчасти автомашин, просаленная ветошь, небольшая тёмная неприглядная комнатка. Стол, облитый разной снедью, прикрытый пятислойной газетой, почерневшие кружки на нём, чёрные от замасленной одежды топчаны, в принципе привычная для Саньки атмосфера – и вдруг аж поморщился от неловкости он: в эту каморку входит Надюшка, такая же хрупкая и нежная, как сегодня, в белоснежном платье.

Саньке сейчас всё казалось так же, как и представил, только наоборот это – он в чистой квартире у этой хрупкой, чистой, интересной девчонки. Хотя и не чёрт, оглядел себя Саня. Нормальные джинсы и кофточка ништяк, на рынке как с месяц купил – довольно увидел себя как бы со стороны он.

«Ладно, – поморщился Санька, отбрасывая в сторону все сомнения. – Не жениться ведь я на ней собрался». И найдя всё-таки в шкафчике добротный нож, разрезал поперёк толстого, как хороший хряк, обского красавца – жирного муксуна. Пять минут работы, и аппетитнейший кусочек рыбы, как египетская пирамида, занял первое место на столе Надюшкиной кухни. Как салат-ассорти, на второй тарелочке выложил кусочки муксуновой икры, потрошки, нутренний жирок.

«Пожалуй и всё – похлопав друг об друга ладошками, довольный своей работой, подумал Санька. – Теперь надо, пока она там намывается, навести шик и блеск. Мы хоть и деревенские, но аристократы». И пропитавшуюся рыбьим жиром газету аккуратно скомкал, бросил в обтянутую целлофаном урну.

– Ну всё, – выдохнул он из себя и с чувством законченного дела сел на своё место, с неподдельным аппетитом поглядывая на тарелки с благоухающим ароматом вкуснятины.

Надюшка как стрела вылетела из ванной комнаты, приветливой улыбкой подбодрила Саньку, бросив на ходу:

– Я сейчас, – и прокопалась где-то там ещё минут пять. Белая как лебедь, торжественно вошла она в кухню, и увидев приготовленное Санькой на столе действо, обрадованно произнесла:

– Вот это да!.. Сразу чувствуется, что в доме мужчина! Как, Саша, ты всё-таки рыбу красиво сделал! – восхитилась Надюшка.

– А можно, Саш, я кусочек попробую? – и своим ноготочком зацепила кусочек муксунового потрошка. С удовольствием похрустывая её твёрдой мякотью, зажмурила от удовольствия глаза. Санька глянул на тарелочки с рыбой, оглядел их и загордившись своей работой, заулыбался от какого-то нового чувства вместе с Надюшкой.

– Хорошо-то как! – замерев от восторга вечера, Санька изо всех сил старался не глядеть на пышущие из-под халата живые груди и почти как девичье тело Нади. Дожевав кусочек потрошка, она улыбнулась и спросила:

– А что это я съела?

– Потрошок – желудочек, – просто ответил ей Санька.

– Серьёзно? – не веря, переспросила она.

– Серьёзно! – опять подтвердил Санька.

– А это к кишкам не относится?

– Не, – поморщился Санька, – не кишки это, а потрошка это. – И для пущей важности, закатив умно глаза, добавил: – Как у Крылова!

– На вряд ли, только скажу вам, Крылову доставляли в те времена из Оби муксунов, – сделала выводы Надюшка.

Санька украдкой глянул на кухню, дверной проём, ведущий в тёмную комнату со спальней внутри, Надюшку, настоящую королеву и невольно поймал себя на мысли: «Вроде б уже познакомились, хоть и не пьём, а всё равно кайфуем, радуемся. А про секс и вообще намёка нету. Может, предложить ей бухнуть? Ладно», – даже слегка сконфузившись, отбросил Санька от себя эту мысль. И вновь оглядев вкуша-

ющую муксуна Надюшку, поучительно сказал:

– Картошечки б под неё, вообще б супер вкусно было!..

– А я не ем картошку, меня сразу с неё вширь несёт, – пояснила Надя.

– Да и ладно, в ночь возиться с ней не будем, – в поддержку её выводов возразил сам себе Саня.

– Зачем, – перебила Саньку Надя, – не надо возиться, микроволновка-то зачем?

И сейчас же из какого-то шкафчика достала пяток уже помытых картофелин, уложила на блюде, поставила внутрь, нажала на одну из многочисленных кнопок, на что Санька подумал: «Не по моему уму эта чёртова машина».

Надюшка, глянув на ночного, спросила:

– А ты так не делаешь, Саша?

– Не, – мотнул отрицательно головой Санька.

– Кстати, вкусно получается, как печёная, – поясняла между делом Надя.

– Угу, – поддержал её выводы Саня, – сейчас попробуем.

– А какие, Саш, ты книги читать любишь? – медленно сев напротив, спросила Надя.

Поперхнувшись от такого вопроса, Санька сглотнул слюну и ответил:

– Читаю! – И стараясь сбить её с толку, спросил: – А ты рыбу больше не ешь?

– Ой! – усмехнулась она. – Куда столько? Вот чайку если только! – И кивнув на микроволновку, усмехаясь доброй улыбкой, добавила:

– Вот попробуешь картошечки по-городскому! – И вновь серьёзно посмотрев на Саньку, спросила:

– А какие книги читать любишь? Последнюю не помнишь, какую прочитал?

– Помню! – вслух соврал Санька. И в такт её вопросу напрягся, усиленно вспоминая название хоть какой-то любой книги. И тут соломинка сама пришла на помощь. С месяц назад Санька прибирался в спальнике своего КамАЗа и нашёл там забытую кем-то книгу «Сказы» Бажова, он ещё покрутил их недоумённо в руках и сделав благородный вид, подошёл к проходной, вручил её Ирине Павловне, дежурной на проходной. Между собой её называли водители Ольга Падловна за

её интриги и сплетни. Выпрямив спину Санька с лёгкой иронией, глядя Надюшке в глаза, ответил: – «Сказы» Бажова!

Надюшка как-то по-детски улыбнувшись, сказала:

– А что... есть что-то в них такое, Саша, есть! Ведь читаешь их и оторваться не хочешь. Одним словом, сказки для взрослых. Я вот один раз прочитала их, когда в школе училась, а один раз года три назад, и знаешь, Саш, восприятие прочитанного – разное! Наверное, их можно читать до старости и находить в тех сюжетах будешь что-то новое. А тебе как? – опять пытливо спросила она Саньку.

– Нормально, – приветливой улыбкой ответил он, радуясь больше тому, что соврал удачно.

Щёлкнула кнопка печи СВЧ, Надюшка открыла дверку, по кухне тотчас разлился аромат печёной картошки. Надюша, достав, ножом разрезала парочку на четыре части, выложила на блюде. Санька критически оглядел их внешний вид и, не найдя ничего, за что можно зацепиться и раскритиковать, не спеша взял в руки одну дольку и приступил к дегустации.

Пик первых эмоций знакомства прошёл, на смену старых приходил новый этап. Каждый на кухне стал внимательно изучать друг друга.

«Кто она такая, эта городская баба?» – задавал то и дело себе вопрос Санька, внимательно поглядывая на Надюшку, её холёные ручки, изнеженные удобствами и другими преимуществами городской жизни.

Вновь окинув её холёное тельце, нежные ручки, пальчики с прозрачной кожицей, невольно подумал: «Да... с такими ручками ей в хозяйском доме делать нечего. Не то что гуся, а и утку-то от пера оттерebить не сможет». Представив, как Надюшка со своим хрупким станом управлется в громоздком северном доме, в резиновых сапогах, в фуфайке – то спускается, то вылезит из ледника, то в бадьях таскает под навес из огорода картошку. Санька в который раз скользнул взглядом своим по её фигуре и невольно улыбнулся.

Надюшка же, вволю насладившись муксуновым деликатесом, из заварничка ещё утреннего настоя налила себе в чашечку чайку и в прикуску с кубиком рафинадного сахара пила чаёк, с интересом беседуя со своим новым другом. Так же как и он, внимательно поглядывала на него, как бы

Государственная
библиотека
Югры

КО

-0149474-

примеряя его к своей городской жизни. Толстые. увесистые, мускулистые руки, с такими же толстыми костяшками на казанках и на руках пальцами. Иной раз казалось, что вот-вот он пошевелится, и табуретка от кухонного гарнитура под ним сложится. Решительный взгляд, прямая осанка, некая провинциальная застенчивость никак не вписывалась в городской формат жизни.

«И что с таким «валовым» тут делать в городе», – даже растерянно про себя подумала Надя. Но так или иначе, вечер иль, точнее, уже ночь летела вперёд как выпущенная из лука стрела, увлекая их в мир впечатлений и новых эмоций. Надюшка с присущим ей энтузиазмом рассказывала Саньке, как преподаватель в вузе о мировой классике, живописи, музыке. «О гребне и цепочке для часов» из произведений Генри или смешную историю о двух в электричке, одна из которых – женщина, с грудями как две живые фляги, и голодном нищем, сидящем напротив. То про ту беседку, что в живописи великого француза Моне. Санька, отпивая из своей кружки глоток за глотком чай, слушал её рассказы, открывая новые миры незнакомой, но реальной жизни. При этом заверяя её, что по приезду непременно всё это услышанное прочитает.

– Ты, Надя, это... – запнулся он, – перепиши-ка их фамилии, – азартными глазами попросил Санька.

– Кого?

– Да этого писателя, что написал про волосы и гребень. Моне вроде!

– Да не... – засмеялась Надя. – Моне – это французский художник, а про волосы, золотую цепочку и гребень написал американский писатель – О. Генри. – И загадочно посмотрев на Саньку, добавила:

– Кстати, он был ранее судим, и многие свои рассказы написал в тюрьме.

– Ништяк! – прицыкнул своим языком в такт эмоциям Санька. – Моне, не Моне, а Генри – наш браток, и его найду в библиотеке нашей. Никак не думал, Надя, что среди писателей сидевшие есть!

Так уж повелось, что судимость в Санькином окружении считалась нормой жизни, а хорошая статья – это типа медали, возвышающей его положение в жизни.

Надюшка из комнаты принесла листок бумаги, ручку:

– Вот, Саша, чтоб ты не забыл, пишу, – сказала Надюшка, обволакивая при этом Саньку неведомыми ранее ароматами цивилизованной городской жизни. Надюшка начеркала на листке фамилии авторов, их произведения, рекомендуемые для чтения, и протянув ему два листка, один – с художниками, другой – с классиками мировой литературы, сказала:

– Всё, Саша, читай. В следующий раз приедешь, будешь сдавать зачёты по домашнему заданию!

– Ладно, попробую, – почему-то с грустью сказал ей Санька, вспомнив школьные провалы по всем предметам, включая труд и физкультуру.

– Ну что? – встав со своего места, сказала Надюшка. – Завтра, Саш, работы много, пойду постелю тебе.

– Зачем? – убедительно возразил Санька. – Я в КамАЗе в спальнике посплю, там тепло и удобно.

– Ну, Саша, обижаешь меня, ты сегодня мой гость и будешь ночевать у меня, – сказала Надя своим мягким и добрым голосом.

«Вот никогда за «тёлку» не вёлся, – подумал про себя Саша, – а за такую хоть кому пасть порвал бы! В натуре», – посокрушался Саня, продолжая украдкой любоваться привалившему ему через горе счастью.

– А ты пока вот, – придвинула ему Надя заварничек, – чайку попей, пока я вожусь в спальне. – И незаметно исчезнув, пошебуршав где-то там, появилась вновь:

– Пойдём, Саша, покажу тебе где!

– Пойдём! – согласился Санька и тяжеловатой поступью поплёлся за ней в комнату. В глубине её на журнальном столике светила настольная лампа, прямоугольный, как плитка шоколада, – диван, обтянутый белой как снег простынью.

За окном уже проглядывала серая полоска рассвета.

«Вот это повечеряли!» – чуть не присвистнул вслух Санька. И присев на диван, дождался, когда Надя затихнет в своей спальне, разделся и, похрустывая на весь дом изрядно простуженными суставами, лёг на это белоснежное, отдающее свежестью море.

«Здорово-то как, – улыбался, засыпая, Санька. – Соляркой вот только, – поморщился он, – от меня отдаёт немного,

ну и ладно». Вспомнив ещё раз самые прекрасные в этом мире глаза Надюшки, Санька уснул окончательно. Проснулся от брызжавшего в комнате дневного света.

Тут же прислушался к тишине в Надиной комнате. Спит ещё. Осторожно снял с себя одеяло и, щёлкая суставами, поставил ноги на пол, присев на край дивана.

«Хорошо, что хоть диван не скрипучий», – подумал Санька, потихоньку надевая на себя вещи. Глаз вновь скользнул уже по освещённой дневным светом комнате, зацепился на стоящий на журнальном столике телефон.

«Телефон-то её не записал, спрошу, может даст», – робко подумал. И на цыпочках пошагал в кухню. У раковины сполоснул лицо, руки. Нажал кнопку чайника и вновь сел на своё вчерашнее место. В глубине комнат едва слышно заходила и Надя. Готовясь вновь к встрече с ней, Санька заёрзал на стуле и, уловив ноздрями запах соляры, в досаде поморщился. Восседавая на белом кухонном стуле, поглядывая на блестящие от лоска и чистоты тарелки, ножи и вилки, оставшиеся и перемытые с вечера заботливыми руками хозяйки. От какого-то ложного стыда Саньке стало неловко, расхотелось пить кофе, и он решительно встал с места и направился к входной двери.

– В подаяниях не нуждаемся, – почему-то со злостью про себя высказал Надюше фразу.

– Ой! – слегка удивлённо отозвалась Надя. – А чай?

Санька благодарно посмотрел ей в глаза и сказал:

– Опаздываю, проспал маленько!

– Ты совсем уезжаешь?

– Ага! – мотнул головой Саня. – Хотя сюда приезжаю частенько.

– Ну заезжай в гости, – чуть сконфузившись, сказала Надя. – С тобой интересно.

Соломинкой утопающему была её последняя фраза. Как автомат, выпалил Санька из себя ответ:

– Напиши, Надь, тогда свой телефон.

Молча Надежда шагнула в комнату, через минуту протянула Саньке листок:

– Вот!

– Спасибо, – попрощался с ней Санька, перешагивая уже

через порог её уютной и самой лучшей на свете квартиры. Уже на лестнице выдохнув из себя сдавленный в груди воздух, улыбаясь счастливой улыбкой самому себе, подумал: «Вот это девка! У нас таких как она – нет!» И легко перебирая ногами ступеньки лестницы, поскакал вниз. На улице уже стоял день. КамАЗ, обмытый ночным дождём, сиял яркими бликами.

– Эх, здорово-то как, – заулыбался Санька городскому утру. – А я, интересно, смог бы я в городе жить без своего Севера, рыбалок, охот? – И тут же, представив свои Обские проточки, таёжные избышки, осиротевшие, брошенные без хозяина, загрустил и решительно себе же сказал: «Нет!». У подъезда, гордо взирая куда-то в даль, сидела женщина лет шестидесяти. В вязаной шапке, носках шерстяных. Чёрных галошах, отливающих воронёным блеском. Мягко шагая мимо неё, Санька приостановился и от увиденного заулыбался. Синяк! Фигурный синяк красовался и заявлял о себе из-под её правого глаза. Присмотревшись к нему, Санька спросил, так как по одежде и массивным золотым серьгам видно было, что она из самодостаточной семьи:

– Поругались?

– Ага, – кивнула ему в ответ женщина. И подумав добавила:

– А ну его, сама виновата – дурочка! Думала справлюсь, – пояснила она. – С ним, дурачком, а оказалось не справилась....

«Н-да, – подумал, улыбаясь Санька, – картина понятная и жизненная: муженёк, чей-то юбилей, бутылочка, выход эмоции, ссора... и вот, синячок аккуратный, формой своей схожий с формой Американского континента на политической карте мира, как будто его только что вырезали из глобуса и пересадили под правый глаз этой женщине».

– На недельку точно, – пояснил ей Санька.

– Да и чёрт с ним, – отмахнулась женщина, – всё равно на пенсии дома сижу.

– Эх, ну ладно, – кинул взгляд в сторону своего КамАЗа Санька, – надо с делами сначала распонтоваться, а то загостил что-то, ощущение, что побывал где-то на гулянке.

Но, впервые выходя от девушки, на душе Санькиной не

было чувства брезгливости и неловкости перед прохожими. Наоборот, хороший настрой, лёгкость мысли, хотелось невольно пританцовывать при подходе к своему мустангу, подкованному резиновыми шинами. Взгляд пробежал по корпусу автомобиля, затем, присев на корточки, глянул на его днище и, не увидя под ним никаких масляных подтёков на его силовых агрегатах, цилиндриках ступиц колёс, довольно выпрямился и невольно заулыбался самому себе:

– Здорово, когда матчасть не ломается!

Что-что, а технику Санька любил и с удовольствием ухаживал за ней, не жалея на это своего времени. И техника, вверенная ему, отплачивала ему тем же, верно работая на него и в жару, и в сорокоградусную стужу.

– Так, – бормотал себе под нос Санька, – теперь шнуровку тента гляну. – Этап за этапом Санька проверял своего железного коня, как говорят, на целостность.

– Ёлки!.. – вздрогнул он от неожиданности. Разрезанная кем-то обшивка тента сзади КамАЗа говорила, что ночью тут побывали воры. Рисковал, конечно, Санька, бросив машину, гружённую дорогой рыбопродукцией, под окном Надюшкиного дома, и оказалось, попал. Вот только на сколько? Ноги взметнули его вверх на замок фаркопа, руки развели по сторонам резаные края тента и... Двух коробок всего недо считывалось в штабеле, а утащить ведь за ночь практически могли всё.

– Слава богу, – перекрестился свободной рукой Санька, спрыгнув с рамы КамАЗа на землю.

– Так, – неожиданно увидел в траве блестящие банки рыбных консервов, ещё не обсохших от утренней росы. – Понятно, – сердито сказал Санька, – алкаши побывали, украли, чтоб поменять на водку. Ситуация проста: разрезали тент, взяли по коробке консервов и через куст акации, что растёт сзади машины, смылись куда-то. Наверняка рыбконсервы уже давно пропиты, а «медвежатники», окрылённые успехом и не по разу уже облевавшись, пребывали в глубоком сне сивушном.

«Ладно, надо ехать», – решил Санька, собрав в траве выпавшие из коробок рыбконсервы. Санька привычным движением открыл дверь кабины машины, плюхнулся на си-

дение водителя, вдохнул с удовольствием в себя кабинный аромат, собранные консервные банки кинул в спальное отделение машины и нажал кнопку «Пуск». Послушно отозвавшись на волю хозяина, движок рыкнул, выпустив из выхлопной трубы клуб синего дыма, мерно заработал своим мягким дизельным гулом.

«Ну вот, грейся», – мысленно обратился к нему Санька и, найдя в дверке моток проволоки-контровки, спрыгнул обратно на землю, чтоб зашить разрезанный воришками тент.

– Хорошо-то как!.. – раздирая с вождедением по сторонам руки, с удовольствием потянулся Санька, довольно прислушиваясь к ровному гулу двигателя. Наверное, впервые он получил истинное удовольствие от своей жизни. Да и как тут его не получишь? Прекрасный вечер в компании и гостях у самой красивой девушки Надюшки! Новое видение жизни – ведь столько ещё предстояло увидеть, узнать, прочитать, посмотреть. И КамАЗ вот любовно посмотрел на него, ожидал его как когда-то верный конь хозяина. Смешная женщина с синяком всё также продолжала сидеть на своей лавочке, продолжая смотреть в известные только ей дали. Разрезанный тент не оставил ни тени расстройства, пальцы же умелыми движениями сшили «контровкой» разрезанные полы тента.

– Всё! – спрыгнув с фаркопа машины на землю, довольный своей работой, вслух проговорил Санька.

– Ладно, ехать надо, а то закопчу двор им тут, потом хрен приедешь когда, ругаться будут, а приеду я сюда ещё не раз – это точно. – И внимание его сосредоточилось на движении на тяжёловесной машине по улицам города. Новый город – это всё-таки интересно всем. Это не такие, как дома, прохожие на обочинах улицы, не такие щиты рекламы, банеры, перетяжки, витрины магазинов, офисов фирм. Даже преобладание определённых марок машин в каждом городе свое. Ханты-Мансийск в этом случае не исключение. Джипы! Популяция джипов всех марок кричаще доминировала на улицах города.

Вот это моё! Глаза Саньки из калейдоскопа витрин выхватили зеленоватого, напоминающего цвет малахита, с новым в Санькиной жизни названием «Книги». Нога, плавненько подработав по педали, остановила движение автомобиля и

прижавшись к обочине, Санька вышагнул из него и пошагал во внутрь. Стеклянная дверь, стеклянный вестибюль, ещё один шаг – и впервые в жизни он оказался в мире стеллажей, полок...

Всё было необычно и интересно. Никакой болтовни, как в продовольственных магазинах, наоборот, вдумчиво склонившиеся к стеллажам книг мудрые головы покупателей. Вот и Санька, как и они, склонил на стеллажами свою голову, добавив к аромату книг запах солярки, исходивший от дорожной одежды. Перебирая в голове фамилии названных Надюшкой авторов, Санька медленно гулял вдоль книжных полок: «Мопассан... Мопассан, Генри... Генри...» – тихо перебирали его губы, глаза растерянно и внимательно бегали по корешкам книг. К сожалению, таких писателей на его глаза пока не попадалось. Наоборот, нелепые названия книг типа «Правила промышленной безопасности опасных производственных объектов...»

– Ёпрст... – шёпотом выругался Санька, на секунду взгляд его рассеялся по книжным корешкам, и перед его взором возник... прекрасный облик Надюшки с её умным спокойным взглядом, чёрными, отливающими алмазным блеском от падающего на них света, волосами. Забылся на какое-то время Санька от такого видения, а очнулся, когда невольно подумал:

«Н-да... не по мне, наверное, эта шапка! Хотя ладно, буду любить её так... про себя! Что сделаешь, если жизнь сильнее нас». Успокаивало и придавало сил лишь только видение того, что Надюшка тоже заинтересовалась им, вот только школьно товарищеским принципом, но всё равно зацепилась, и Санька это чувствовал сердцем. Как не отгонял от неё он свои мысли, всё равно опять видел её образ и поневоле продолжал думать о ней. Нет, она совсем не такая, как наши деревенские девчонки.

«А с Надей по-другому надо, через ум, – всё рассуждал Санька, по-прежнему тупо поглядывая на книжные полки. – Жалко вот только, что она умная, а я дурак круглый! И как к ней подход найти?..» – всё больше и больше досадовал он.

– Вам помочь? – прервала его мысли, подошедшая симпатичная продавец книжного магазина.

– Да так... – в ответ промямлил ей, пожимая плечами, Санька.

– Вы ищете что-то конкретное или новинки?

Насупив брови, Санька ответил:

– Классику ищу!

– Вот классика у нас, – любезно подошла продавец к одной из книжных полок. – А какого классика вы б хотели найти?

– Ну какого-какого... классика, – от волнения забормотал Санька, неожиданно забыв все Надюшкины учения. И вспомнив про бумажку в нагрудном кармане, тотчас её достал и победно протянул Надюшкин листок, проговорив при этом:

– Хотя б вот этих писателей, на первый случай!

Продавец понятливо окинула взглядом Санькин листочек и, добродушно посмотрев на него, сказала:

– Тут не классики перечислены, а художники! К сожалению, их в наличии тоже нет.

Слегка покраснев, Санька сунул листок обратно, забыв, что в кармане его есть второй с писателями, и что-то забормотав, вновь уткнулся в книжную полку, внутренне говоря ей: «Ладно, без тебя обойдёмся, тоже не совсем дураки».

Взгляд его вновь скользнул по корешкам книг, выхватывая одно за другим названия с не говорящими ни о чём фамилиями авторов.

– Бунин, ну и что, что Бунин, – шептали его губы. – Я в армии служил, дак у нас прапорщик был Бунин, ничего особенного в нём не было, наоборот – маленький, визгливый, с торчащими по сторонам, как у Чебурашки, ушами. За что и получил кликуху «Чебураха». Шукшин, – остановился взгляд на чёрном корешке с золотистыми буквами. – Я его куплю. Чёрный цвет – рабочий цвет, – и с уверенностью снял с книжной полки двухтомик Василия Шукшина.

– Вот этого возьму, – пренебрежительно положил перед продавцом выбранный двухтомик.

– Хорошо, – слегка даже сделав реверанс, одобряя Санькин выбор, продавец назвала цену.

Отсчитывая необходимую сумму, к своему неудовольствию Санька вновь уловил исходящий от него запах соляр-

ки, невольно сморщился, подумав при этом: «Блин, на интеллигента ну никак не косишь!».

– Спасибо, – смущённо кивнул ей головой Санька и, зажав книжку как добытую на охоте добычу, ступая по охотничьему мягко, побежал к своему КамАЗу.

– Да, – рассуждал про себя Санька, – вот начитаюсь книг и хоть с кем на одной ноге смогу разговаривать. – КамАЗ же неторопливо ехал по улице Ханты-Мансийска, обдавая прохожих клубами сизого дыма. Всё-таки радует нас любое движение вперёд, новое путешествие, впечатления от него. Вот и сейчас – улица за улицей, перекрёстки с красивыми клумбами цветов... Вот дорога резко пошла вниз, ещё пара поворотов – и перед машиной открылись выкрашенные в ядовито-зелёный цвет ворота оптовой базы. Дверь сторожки открылась навстречу подъехавшей машине, и из неё, всматриваясь в лобовое стекло, вышел сторож.

– Зёма, привет! – поприветствовал его Санька, высунув голову из форточки своего КамАЗа.

– Тьфу ты!.. – сплюнул на землю в досаде Зёма, признав в подъехавшем Саньку. Любого, к кому б не обращался сторож, обращение его начиналось всегда со слова Зёма. За что и получил пожизненную прозвище Зёма. По характеру Зёма был наиспокойнейшего нрава, молчун. Наверное, Зёма в Ханты-Мансийске был одним из первых, с кем познакомился Санька. Прикатив как-то с севера по раскисшему зимнику, Санька нашёл базу, разгрузился, после поставил свой мустанг в тёплый бокс. Проня Палыч, завгар, показал Саньке комнату отдыха, душ для приезжих водителей. Истинное блаженство после такой дороги долго стоять под горячими струями душа. Вот и Санька прогрелся, тщательно вымылся и в бодром настроении после душевых процедур вышел на улицу. Первый, кто попался ему на глаза, был вышеупомянутый Зёма.

– Есть спичка? – ненавязчиво спросил у него Саня. Тот понятливо кивнул головой и протянул замусоленную коробку спичек. Санька не спеша прикурил, сделал хорошую затяжку и дружелюбно глянув на нового знакомого, спросил:

– Ты местный?

– Да! – мотнул в ответ головой тот.

– Ресторан с музыкой у вас в городе есть?
– Да есть, – безмолвно мимикой ответил опять незнакомец.

Желая побольше его разговорить, Санька протянул ему руку и представился:

– Саня!

Тот как-то сразу напрягся, после чего из его нутра, откуда-то далеко из-под желудка наконец вырвался едва слышимый голос:

– ...Зёма! – и их ладони слились в рукопожатиях.

– Зёма?.. – дружелюбно спросил его Санька, оглядывая его вполне приличный прикид. – Может, сходим вместе, всё ж веселее будет! Деньги у меня есть. Просто выпьем бутылочку, закусим, музыку послушаем, а повезёт, с девчонками познакомимся. Ну чо?.. – Зёма стоял на своём месте как вкопанный и не выказывал никаких эмоций, лишь только безмолвно вглядываясь в своего нового знакомого.

– Да ты за деньги не переживай, – уже просил его Санька и, сбавив громкость, пояснил:

– Главный мастер рыбоучастка щуки мне полторы тонны погрузила излишков, чтоб я торганул. Ну вот, я её уже и скинул, навар в кармане. Ну что, идём? – Слово «навар» явно подействовало на Зёму магически, он как-то сжался весь и из его нутра тихо вырвалось слово «Пойдём!». От шоферов Санька знал, что в Ханты-Мансийске есть два ресторана – «Югра» и «Обь». И выходя уже из ворот базы, Санька, глянув на Зёму, спросил:

– В «Югру» идём?

– Да, – утвердительно кивнул Зёма.

«Дефект, что ли, у него с речью? – подумал про себя Санька. – С таким молчуном девок-то особо и не наснимаешь».

На улице между тем смеркалось. И невольно поморщившись, вспомнил последнюю пьянку с мощнейшей дракой. Зачинщик, даже не зачинщик, а виновник драки, поняв, что ему удачи в этом случае не видать, вёртко выскользнул из помещения в вечернюю тьму и тикать!.. Но это не ускользнуло от Санькиного шоферского взгляда.

– Стоять!.. – прорычал ему перегарным голосом вдогонку Саня. Но тот подчиниться преследователю не хотел и скрывался уже за гаражным корпусом.

– Козёл!.. – прорычал в ярости Санька и опрометью ринулся догонять. Почувствовав погоню, жертва завилыла. Сначала выбежала в лесок, там, почувствовав, что его расчёт преследователь раскусил, взяла курс на широкую освещенную фонарями улицу.

– А, гад!.. – взревел как бизон Санька. – В ментовку побёг! – и в неистовости добавил себе ещё больше прыти.

Эх, погоня!.. Как кружит, как будоражит она людям душу. Преследователю она ещё больше пьянит и без того пьяную голову азартом погони. Гонимый же мобилизует все внутренние силы, смекалку... лишь только бы спастись! В момент этот он забывает про всё на свете в надежде лишь только на исход – спастись. Ноги сами несли его туда, вперёд... туда, где в тёмной улице на единственном столбе горела лампочка электрическая. Для него, гонимого, она олицетворяла людей, свет, спасение. Преследователя же разрывает азарт погони. Догнать, догнать!.. Оба – и жертва, и преследователь становятся безумными, единственным двигателем для них, становится аффект. У одного только – спастись, у другого – догнать. Волчья стая, например, не понаслышке знает это. Мало того, применяет это состояние аффекта жертвы в своей групповой охоте. Выбрав жертву, стая рассредоточивается по своим местам, и противник, во многом превосходящий волчью стаю в весе, в силе, в скорости, вначале просто начинает от неё уходить. Волки ещё больше начинают его пугать, и зверь начинает бежать. Всё, теперь инициатива у волков. Зверя начинают просто гнать. Гнать так, чтоб в убежавшего вселился даже от собственного бега страх, переходящий в ужас. А когда он в него вселился, то всё – жертва обречена. Стае остаётся своим холодным умом лишь докончить дело. Загнать обезумевшего от ужаса зверя в болото, в котором без труда им удастся докончить его или летящего во весь мах оленя направить на крутой речной обрыв и смотреть, как тот свернёт себе под обрывом холку, свалившись туда, становясь при этом естественной жертвой волчьей стаи. Вы зададите мне вопрос: страх, ужас, состояние аффекта – это есть наша участь?

– Нет, – отвечу я, – преодолеть его можно, но только сильному духом... слабый падёт!

– Козёл!.. – в очередной раз в темноте Санька на бегу выдал из себя звук. С каждым рывком чувствуя, что вот-вот жертва будет его. Жертва же, от страха летя по воздуху как по вселенной, держал курс на освещённую улицу, явно чувствуя, что силы его сдают.

– Айда сюда!.. – за его спиной вновь проревел пьяный голос безжалостного преследователя. От чего к мышцам ног его прилил последний адреналин.

Уже почти настигая его, Санька по касательной захотел чуть срезать путь, но рукавом на бегу задел выступающую доску от угла сарайки и в плече почувствовал укол чего-то острого.

Гвоздь! Хрусть! Вместе с болью отозвалась Санькина одежда. Центробежная сила от зацепа его рукавом за угол сарайки крутанула его резко вправо, после чего резко опустила на землю. По-прежнему не реагируя на жгучую боль, полученную от торчащего из сарайки гвоздя, Санька посмотрел вновь туда, где мелькала жертва, прорычал вновь:

– Стоять!

Убегавший зачинщик из последних сил тянул на ватных ногах к столбу.

Вот и столб!.. Колотилась в висках, ничего непонимающая от навалившегося ужаса мысль. Народу никого!.. Убьёт! Как током, по его телу прошёл страх. Туда, в темноту, за обочину бросило его тело страх. Ноги преодолели ещё десяток-другой метров и... невесомость, куда-то падение..., и бряк! От удара о землю сознание временно покинуло его тело.

– Где оно?.. – ревел пьяным рёвом, обводя дорогу своим разъяренным взглядом, Саня. И не найдя жертву, ринулся вновь туда, в темноту. Под ногами прогремел тротуар, по которому ещё недавно мирно шагал на работу, щебенчатая дорога, столб с лампочкой наверху.

«Вон он!» – ёкнуло в мозгу, от почудившегося силуэта какого-то пенька, где-то там в темноте ночи. Ноги вновь понесли вперёд. И вот. Всё неожиданное и непредвиденное случается обычно внезапно. Случилось и тут. Какая-то как молния, яркая вспышка в глазах – и тишина.

Санька очнулся, правда лежа на земле. Из рассеченной брови сочилась кровь, вверху над головой торчала приколо-

ченая к углу сарайки доска. Об неё-то Санька в темнариках и расколотил свою головушку лихую.

Осторожно, морщась от боли, ладошкой потрогал рассеченную на лбу бровь. Липко всё от крови.

– Эх... – в досаде выдохнул из себя Санька. – Куда теперь с такой рожей, домой только....

Мысли менялись одна за другой. Вот Надюшка б на меня глаз положила, вообще б пить завязал. И не веря даже такой мечте, почему-то вспомнил строчки из какой-то песни: «Тамара-Тамара, тебе я не пара!..» Ну вот и пришли, приостановился он у стеклянного вестибюля ресторана «Югра».

– Пойдём, – улыбаясь, кивнул Санька головой Зёме. Чуть потоптавшись, Зёма уверенно глянул в глаза Саньке и, вновь сжавшись, выдавил из себя едва слышимое, утвердительное слово «Пойдём». Улыбнувшись в ответ Зёме, Санька вспомнил про него одну байку, которая действительно была на самом деле. На день водителя администрация предприятия усилила меры по не проносу в гараж водки. Конец навигации на реке, всюю идёт выгрузка барж, что говорить – пора ответственная. И на КПП к дежурному для устрашения персонала посадили милиционера. Досматривали машины, сумки, а у входящих работников прохлопывали даже на КПП одежду. И находили спиртное, находили! После чего комиссия торговой базы при непосредственном участии главного механика утилизировало изъятое путём сливания его в бочку с промасленной ветошью.

– Сволочи! – как-то смачно выругался утром слесарь гаража Ломакин. – Да я без опохмелки-то и гайки не вижу! Что творят-то они. В тюрьму и то проносят, – зло выговаривал он, сплюнув в стоящую неподалеку урну.

Вот и вечер. Есть пара часов, грех бы и не порадовать душу соточкой хорошей водочки, но зло посматривая в сторону проходной, из которой устрашающе взирала милиционерская кокарда, мужики кидали окурки куда попало, приговаривая при этом:

– Блин, поработать не дают!

Зёмка напрягся, решительно глянул на всех и собрав воедино свои силы, выдохнул из себя звук:

– Сейчас принесу! – И покрепче поправив на голове спор-

тивную шапку, решительно, как на вражеский дот, пошагал на КПП.

– Ай дурак, попадётся! – осуждающе бросил вслед Зёмке реплику Турсым-бай. – Турма посадят.

Мужики же, внутренне сплотившись с Зёмой, примолкли в ожидании исхода его авантюры, разойдясь по своим машинам, верстакам, агрегатам. С тревогой то и дело поглядывали туда, где только что исчез силуэт Зёмы, при этом не веря в благополучный исход его авантюры. Ловили ведь уже и с чекушками, и с грелками. При этом за нарушение приказа директора увольняли сразу.

– Турак! – приговаривал то и дело Турсым-бай, плюхая деталями авто в ванной с соляркой, отмывая их от жирного налёта мазута. Турсым-баем он стал себя называть только как с год. До этого его звали как и многих – Толик. Ну что сделаешь – перестройка. Она разгорелась не только в стране, но охватила и души. Чуда не бывает по плану. И видим его мы, лицезреем его лишь только потом, когда оно исчезает как мираж, с досадой сожалеем об утраченном миге счастья. И в этот день чудо пришло. Пришло незаметно, даже как-то обыденно ссутулившись, хлопнув за своей спиной дверь КПП. Зёма шагал в гаражные боксы, в левой руке удерживая трёхлитровую банку, схваченную у горловины алюминиевой проволокой. «Электролит!» – красиво гласила надпись на её боку, подтверждая содержимое стеклянного сосуда.

– Профессор! – раздался в воцарившейся тишине голос Турсым-бая. Гараж напился. Напился, как говорят, всем чертям назло. И как итог, без курьёзов не обошлось. Уронили выставленный на городки автомобиль «Урал», на «уазике», замкнув на короткую, сожгли электропроводку, а когда пьяный кураж достиг своего апогея, дружно всем гаражом пошли восстанавливать на КПП свои права. Подъехавший наряд милиции пыл у всех поунял, а лишение премиальных, выплата нанесенного по пьянке ущерба – подтвердили отсутствие у рабочих гаража чувство прекрасного.

Санька дёрнул ручку стеклянной двери на себя, но... увы! Парни переглянулись, глазами спрашивая друг у друга: не может быть?.. Но вот брякнула внутренняя ручка, ещё какая-то щеколда, запрещающая вход, после чего в проёме появил-

ся атлетического телосложения амбал, вззирающий на пришельцев неприступным взглядом.

– Поговорить надо, – жестом махнул ему Санька.

Покрутив щепоткой пальцев у своих губ, кудрявый амбал как бы нехотя выдернул из двери щеколду до конца, чуть приоткрыл дверь и прохрипел новым пришельцам:

– Куда ломитесь, не видите – люди гуляют!

Зёма печально глянул на Саньку, неловко пожал плечами и без вины виновато опустил голову вниз. Санька ж наоборот: пригнул свою головёнку к приоткрывшейся двери и, глядя прямо в бессовестные глаза амбала, сказал:

– Слышь, брат, с трассы приехали, пожрать охота. Устрой пожалуйста! – И, глядя уже на золотой маузер, болтавшийся на золотой цепочки у шеи амбала, сунул в его кулак свёрнутый трубочкой червонец.

Амбал, чуть подумав, что-то прохрипел своим металлическим голосом, вновь закрыл за собой стеклянную дверь и важно куда-то исчез в глубине вестибюля.

– Сталевар бывший, что ли! – победно сплюнув на пол, произнёс Санька.

– Ага, – согласительно мотнул радостными глазами Зёма.

«И как я с тобой пить буду? – искоса посматривая на Зёму, думал Санька. – Ведь болтать надо будет, а ты полунемой». Минут через пять стеклянная дверь ресторана «Югра» распахнулась перед друзьями уже основательно.

– Двое вас? – изучающее спросил уже преступный амбал.

– Да, двое, – послушно в ответ замотал головой Зёма.

– Заходите, – освободил проход, чуть посторонившись в сторону, кудрявый амбал и добавил при этом: – Завзалом о вас уже знает. – И услужливо обогнав новых посетителей, открыл для них гардероб. Выдав номерки в обмен на одежду, амбал пальцем подманил Саньку и таинственным голосом произнёс:

– Если после кабака нужна будет водка, то – ко мне! – И кивнул головой на стоящий внутри гардероба обитый железными полосами деревянный сундук.

– Здорово! – сказал своими сияющими от счастья глазами, глядя на Зёму, Санька. – Всё-таки быть победителем ситуации – здорово! Можно б было послушно уйти, настойчи-

ности не проявив, ну и что?.. Да, наверное, никогда и никому без усердия и настойчивости ничего достичь не удалось.

– Вы двое? – вопросительно спросила симпатичная женщина.

– Да, – улыбнулся в ответ Санька.

– На посадку к симпатичным леди пойдёте?

– Пойдём, а что делать? – поддержал её Санька. Хотя на самом деле на посадку готовы были подсесть даже хоть к чёрту, лишь бы только сидеть в ресторане, пить водку и смотреть, как веселится народ разный. Завзалом, важно шефствуя по залу, вальяжно поигрывая всеми прелестями своего прекрасного тела, повела гостей к своему столику.

– Вот! – кивком показала она на один. – Первый столик с левой стороны от эстрады. Вот, подсаживайтесь сюда, официант к вам подойдёт, – отрезала фразой на все вопросы и как в армии на плацу, развернувшись «кругом», пошагала таким же зазывающим грациозным шагом обратно.

Оглядев свои места и увидев, что спинки стульев упираются в стоящие на эстраде колонки, Санька довольно подумал: «Вот как хорошо! Играть начнут музыканты, наливай да пей, да ещё запей, всё равно Зёма разговаривать не умеет. Да и зал весь как на ладони».

– Садись Зёма, приехали, – провозгласил Санька и плюхнулся на уже свой стул. На противоположном конце стола сидели две лет по сорок пять – сорок девять женщины. Без особого труда было видно, что они тоже командировочные и живут над этим же рестораном в гостинице. Сюда спустились они перекусить, послушать несколько аккордов живой музыки, да и краем глаза глянуть на жизнь кабацкую-залихватскую. А потом можно и в номер. Одна из них, что посветлее, была худа, худа настолько, что сними с тела её платье и глянь через неё на свет – она просветится как на рентгене насквозь.

«Мама моя... – заохал про себя Санька. – Поди у неё и мужик ещё есть и спит с ней?! Вот бедненькая, – в глубине души своей жалел её Санька. – Хотя в кабаке если сидит, то уже не бедненькая». Другая с ней была толста уж сильно. Причёска густая, на голове копна пушистая. И если у ходой стояла тарелочка с чем-то плюс стакан сока томатного, то

та, что потолще, поставила их штук пять. «Но что сделаешь, каждому своё. Но в любовницы бы не взял из этих ни одну, это уж точно. Хотя по пьянке чего не бывает», – внёс ясность в свои рассуждения Санька.

– Здравствуйте!.. – любезно поздоровался с ними Санька. В ответ барышни, недоумённо поглядев вначале друг на друга, затем, подумав чуть, едва заметным кивком всё-таки ответили на приветствие молодых людей. На эстраде между тем закопошились музыканты. Ещё через несколько минут раздались первые аккорды инструментальной музыки. Аура!.. Кабацкая аура!!! В такт с аккордами гитар полетела она по душам сидящих, вошла она и в Зёму, и в Саньку, от чего тот вальяжно расправил плечи, поневоле вспомнив литературного персонажа – Остапа Бендера, при этом сказав себе: «Ну что, Санька, праздник жизни начался!»

Худую, что напротив, тоже посетили какие-то мысли. Отчего-то она застеснялась, видно подумала, что вот-вот её пойдёт приглашать на танец весь ресторан. И в явном смятении стала нервно поправлять полы своего новенького костюма. На десятый раз проверяя тоненькими, как спицы, пальцами бретельки, пуговицы и застёжки своего кабацкого одеяния. Толстая же наоборот, под воздействием разливающейся по ресторану мелодии почему-то колесом вперёд выгнула свою спину, натянув тем самым на груди одежду. Обрисовав всему залу свою роскошную, упругую, с обозначившимися сосками грудь, которую с достоинством водрузила на кабацкий стол.

– Вот это титьки! – с восхищением уставился на них Санька. Уставился на них и Зёма. Две титьки, два дышащих вулкана, казалось порой, что положи на каждую по пудовой гире, и ни одна даже не прогнётся ни на миллиметр. Мимику на лицах они почему-то оставили скучную, даже выражающую некое презрение.

«Ну, – усмехнулся про себя Санька, – это на самом деле лишь только вуаль, за которой кроется только кокетство. Душа-то на свободу просится – вперёд! Что говорить, ресторан на подвиги и не таких раскручивал». Официантка наконец подошла и к их столу. И как-то грустно, даже с трагизмом, как похоронку, прилепила меню к уголку отведенного

за общим столиком им месте. Почему-то на правах лидера Санька с присущим ему достоинством водилы-дальнобойщика принял меню и, косо глянув на Зёму, спросил:

– Вместе будем заказывать или по отдельности?

– Вместе, вместе, – неммым лицом закивал Зёма.

– Понял, – кивком головы ответил Санька.

«Ту-ту, туту... ту-ту-ту!» – полилась, лаская слух, эстрадная инструментальная музыка. С серьёзными лицами посетители ресторана ковыряли в тарелках свои порции, то и дело подливали друг другу водки, приветствовали друг друга, выпивали, затем снова наливали... – таковы ресторанные нормы. Наливали друг другу и два армянина, восседавшие за соседним столиком. С уж суровыми выражениями лиц. Кажалось, что всё, что было предложено посетителям в меню, стояло на их богатом столе. Вот та же завзалом повела двух девчат лет по двадцать.

«Красивые-то какие...», – ахнул про себя Санька. И даже с завистью подумал: «Опять кому-то счастье, а кому вот эти, – глянул на своих дам Саня, – да водка с морсом, как всегда. И почему им они, а не нам». Грустные глаза Зёмы говорили примерно то же.

– Вот, – кивнула им головой завзалом, – садитесь.

Музыка резко как началась, так и прекратила своё звучание. А перед столиком друзей, как мираж, появилась деловая официантка.

– Ну?.. – поморщилась она в ожидании заказа. Как в армии, чеканя каждое слово, Саня озвучил их с Зёмой заказ:

– Нам, пожалуйста, на закуску мясное ассорти, на горячее – по отбивнушке с овощным гарниром, графин брусничного морса, и водки грамм пятьсот, – закончил Санька, победно глядя на своего друга Зёму. Зазвучали новые аккорды музыки, которые не дали времени на более полный диалог. Официантке осталось лишь что-то лениво почеркнуть в своём тайном блокноте, пошевелив при этом своими не пухленькими, а скорее даже узкими, как шнурки детских ботинок, губами. Всё! Ресторанный процесс начался и у парней. Интересно, а для чего мы идём в ресторан?

– Повеселиться! – сразу ответит мой друг Лёха с доброй такой фамилией – Братухин.

— Да так, размяться, — скажет вам Заяц, местный авторитет, старательно укрывая свои иссеченные драками кулаки под стол. Теневой миллионер, завхоз окружной клинической больницы Иосиф Дельфинер, пожав плечами, возразит:

— Ну что вы, прийти в кабац, где белы скатерти, дубовые столы, и кухня где на высоте. Коньяка большая рюмка, а к ней столова ложка икорки чёрной. И за твоим столом есть только ты да твои мысли. Конечно же, тема ресторан есть тема риторическая, единого ответа на эту тему нет. Понятно лишь одно — всех нас туда влечёт!

Исчезнувшая было официантка явилась вновь, как-то не спеша поставила гостям графинчик водочки, салат мясной и морс. Потирая свои ручки, приосанился Санька. Заёрзал на своём стуле и Зёма. Ресторанное действие началось и для них. Спутницы, что напротив, долго о чём-то шептались, спорили о чём-то, потом худая встала, поправила на себе жакет и играя своей арматурой худобы, ушла туда, где бар. С начальствующим видом, как минимум завгара, Санька степенно разлил водку, морс, понятливо глянув на оставшуюся одну пышную даму, жестом спросил:

— Вам налить? — сердито глянув, дама не удостоив Саньку ответом, усталилась куда-то в эстраду, за рампы огней.

— Ну нет так нет, давай Зёма за жизнь нашу, она прекрасна! — рявкнул ему на ухо Санька. Зёма по-доброму кивнул головой и под рёв колонок послушно выпил налитую ему порцию водки. Кто-то говорил, что водка — это добавка к пище. Санька же и Зёма так не говорят: они просто выпили по первой, не притронувшись ни к морсу, ни к мясному ассорти. Да и зачем гасить первый вкус каким-то запивоном, пусть даже сваренным из брусники. Ведь первый залп должен приятно ожечь желудок, раздуть там огонь, будоража душу, а лишь только когда вторая рюмка, тогда уж можно и прикоснуться к закуси.

Статные армяне за соседним столом с присущим кавказским гостеприимством потчевали подсевших к ним девчонок, по-прежнему не веря привалившей им в этот вечер манны. А подошедшую за новым заказом официантку категорично отослали назад.

Внимательно Санька глядел в глубину зала, наблюдал за

посетителями, зная, что в северном вечернем ресторане есть свой неповторимый сценарий. С неизменным театральным действием, где будет начало развязка и кода. Вот только какой он будет сегодня? Держась строго, как ревизор, по одной половине худая соседка по столу вернулась, видно, достойно, где-то там выполнила свою миссию. Взглянув на зал, было видно, что женская общественность по своему числу была примерно равна мужскому. И конечно же, глаза Саньки любовались присутствующими в ресторане милыми и прекрасными женскими ликами. Тем более, что ханты-мансийские девочки были на любой вкус. И с одной косичкой, и с двумя, с бантами и заколками. В юбках и джинсах, улыбающиеся и серьёзные...

«Ух, какие вон те крутые, особенно светленькая в джинсовом сарафане», – выделил её из всех Санька. Ладонка её, удерживающая фужер, сияла от навешанных на пальчики драгоценных колечек.

«Не... – испугался про себя Санька, – эта не по моим зубам, отошьёт сразу. Что ни говори, по себе замечал, провинциальная робость крепко сидит внутри нас, ограничивая наш мир общения, увеличивая упущенные возможности. Прорвать которую можно лишь решительными действиями».

– Давай, Зёма, ещё по одной, – предложил Санька.

– Давай! – громким и чётким голосом ответил Зёма.

– Ух ты, заговорил, – благодарил глазами Санька графинчик, из которого в рюмки разливалась водка.

С новой силой грянула танцевальная музыка, оставив в прошлое её лёгкую инструментальную часть, кинув в зал залихватские строчки припева: «И от осени не спрятаться, не скрыться...» – бросив в середину зала со своих нагретых стульев танцующих. Взяв в руки по наполненной рюмке, парни глянули друг другу в глаза, без слов произнесли тост и жажнули! Из танцующей массы, как призрак, выплыла официантка и водрузила дамам графинчик с водкой. Та, что побольше, да и судя по виду суровому, и в должности, видно, повыше, стараясь перекричать рёв колонок, что-то усидчиво втолковывала своей худой компаньёнше. И лишь тогда, когда поняла, что наконец втолковала ей что хотела, своей пухленькой ручкой изящно подхватила графин и разлила водку.

«А они не так и плохи», – про себя отметил, поглядывая на них, Санька. Глаза Зёмы, заблестев огоньками от горящих над головой рамп, блуждали по залу, выискивая в нём свою, нужную только ему девушку. Сочным аккордом прекратилось звучание песни. Оттанцевавшие посетители посмеиваясь, пошушукиваясь, расходились по своим столикам.

– Короче так! – произнёс Зёма. – Сидя мы ничего не высидим, сейчас ещё по одной хлопнем и пойдём танцевать. Ты вон ту возьмишь, – кивнул Зёма на ту, в джинсовом сарафане, на которую уже поглядывал Санька, – а я подружку её в красном. – И проворно схватив графин, Зёма наполнил рюмки. Кивнув друг другу, новые друзья выпили. Кивнув друг другу, так же запросто выпили и эти две милые соседки по столу. Да... вечер в ресторане разыгрывался, и предсказать его финал было трудно. Кто с кем сегодня пойдёт домой вместе, кому достанется та в джинсовом сарафане, а кому её подруга в красном? А Зёма с Санькой?..

Широким шагом, продолжая оправдываться перед швейцаром на ходу, с такой распущенной наглицей, в зале появился он, безусловно, главный персонаж вечера. В кирзовых с замочком сапогах, в которые были заправлены на выпуск синие джинсы, стоял детина с всклокоченной, громадной до плеч шевелюрой и самое, что поразило и натянуло в усмешке лица всех, – это его вечерний наряд. Поверх вязанного в толстую нитку свитера одет на нём был синий милицкий китель с погонами майора. А милицмейская фуражка, водруженная на густую шевелюру, потрясающе завершала ансамбль разноликой одежды и образа. Понятно было без слов, что собутыльник его, этого ряженого, наверняка посапывал у себя на тахте, ничуть не ведая, что друган облачился в форму его и сиганул в ресторан погулять с душой, в милицмейском образе. Хорошо, что хоть галифе не стянул. Федька стоял посереде зала, озорно водил взглядом, видно выискивая знакомые лица. В поле зрения его попала эстрада, вальяжно поправив борта кителя, он подошёл к сцене. Из внутреннего кармана кителя достал денежную бумажку, протянул её и торжественно произнёс:

– «Погоню», пожалуйста!

– Из «Неуловимых»? – переспросил музыкант.

– Да, – гордо ответил Федька и пошагал к какому-то столику, чтоб приткнуться ищущее приключений своё брренное тело. Судя по его бравому виду, он нравился самому себе, ему ведь казалось, что он высмеивал мундир милиционера, не понимая при этом, что зал в первую очередь смеётся над ним. Всё-таки лицедейство, воплощение в чей-то образ, наверное есть в какой-то мере и в нас – костюмы, маскарады, маски, фуражки капитанов, и мы необъяснимо перевоплощаемся, стараясь хоть на чуть побывать кем-то, но только не самим собой.

– Приглашать надо, – тукнуло тут же в голове у Саньки. Глаз, как у подводной лодки перископ, ни на секунду не терял из виду силуэт этой девчонки в джинсовом сарафане. Зёма опередил Саньку, решительно встал и пошагал к тому столику.

– Эх, была не была, – выдохнул Санька, и по прямой, как солдат на плацу, шёл к девчонке в джинсовом сарафане. И вот она близка.

– Пойдёмте, – кивком головы пригласил её Санька. Та как-то испуганно посмотрела, показалось Саньке, что всё – пролёт, не пойдёт танцевать, но выручил ряженный в милиционера Федька. Он тоже подошёл к этой девушке. И улыбаясь, нагло вато подхватил её за локоток.

– Ой, нет, – испугавшись проговорила она и, доверительно посмотрев на Саньку, пошла танцевать с ним. Зёма танцевал с белокурой девочкой в красном, в очках в золотой оправе и о чём-то, на удивление Саньки, оживлённо болтал. Санькина же дама, терпеливо танцуя, делала вид, что её раздражают все, а танцуя сейчас, она просто делает одолжение.

– Санька меня зовут, – пытаюсь разговорить, произнёс фразу Санька.

– Ага, – глядя куда-то за плечо, дакнула она и только через образовавшуюся паузу добавила: – А меня Галя зовут.

Уже под концовку танца Галя неожиданно спросила на вы:

– А где вы работаете?

– В гараже! – улыбнувшись, ответил ей Саня.

Галя же чуть раздражённым голосом пояснила суть своего вопроса:

– Соляркой от вас уж через чур веет!

Музыка прекратилась, кавалеры вальяжно, вразвалочку разводили своих дам по местам. Подводил к своему месту Галю и Санька, сильно задетый по самолюбию Галой. И вконец расставаясь, сказал:

– А от тебя вот совсем не пахнет, ничем, ...пресно! – И было пошёл на своё место, как Гала неожиданно дрогнула, привстала со своего места и с негодующим огоньком в своих красивых глазах произнесла:

– Как пресно?.. У меня ведь «Клема»!

– Да хоть... – начал было говорить Санька, потом махнул рукой, остановил свои эмоции и пошагал к своему столику. Музыка заиграла вновь. Наскоряк, подгоняемые вихрем танца, стоя, гуляющие выпивали свои рюмки и вновь летели в середину зала. Интрига вечера началась. Санька же не пошёл, чуть было досадно, что тебе даже не намекнули, а указали прямо на твоё прямо не дворянское сословие. Зёма наоборот, отплясывал в центре круга лихо, подпрыгивая вертикально вверх, в замке выкидывая свои руки почти к потолку, смешно подгибая свои ноги. Худая и полная соседки тоже едва сдерживали себя на своих местах, уже откровенно в душе участвуя в плясках и горящими от азарта глазами как бы просили общество: «Ну вытяните нас кто-нибудь из-за стола!..»

«Ну что, поспели милые мои неприступные дамочки, поспели!» – в душе заулыбался им Санька.

Худая оторвала свой взгляд от танцующих, хрупкой, как стебелёк одуванчика, ручкой налила водочку и подняла рюмку. Подняла и та, что потолще, при этом глянув на Саньку как на любовника с многолетним стажем, прошептала губами:

– За тебя, Саша!

– Давайте, – поднял вверх рюмку и Саня, приветливо кивнув головой дамам. Федька в пьяном кураже, видно, забыл, что вышивает в милицейском мундире, жестоко оттанцовывал у стола рядом с армянами, при этом с зверским выражением лица громко подпевал музыкантам. Дамам выгибал реверансы почти до самого пола. Армяне же зорко охраняли своих дам, не обращая внимание на каких-то танцоров в милицейской форме. Один из них ругал кого-то, говоря

девчонкам гневно, не понимая того, что и их зацепил коньяк крепко. Какая разница, водку мы пьём иль коньяк – в голову бьёт всё одинаково. Вот и армянин, что посуровей, пошёл к музыкантам, наверняка заказать лезгинку. Ведь значимость свою показать надо. Червонец в цепких лапах одного из музыкальной богемы исчез где-то там, в проводах эстрады, и вскоре барабанная дробь, застрочившая со сцены, известила ресторан о начале лезгинки.

– Оба!.. Асса!.. – во все грудные меха взревел сидящий его напарник, с натянутым оскалом лица вылетел с раскинутыми по сторонам руками в центр зала. Как обычно, в стране Российской ресторанная лезгинка приветствуется лишь только женской половиной гуляющих. Мужчины же в этот момент делают суровые лица и ковыряются вилками в своих тарелках, опрокидывая при этом в себя одну за другой рюмки, придирчиво поглядывая на бушующих в танце гостей с солнечного Кавказа. Женщины же, наоборот, с неподдельным блеском в глазах ловят каждое движение танцующего армянина, то и дело вздрагивая от каждого его хриплого выкрика. А та, которая попьаней иль посмелее, вылетев из-за своего стола, дирижируя в воздухе своими ручками, грациозно отдаётся танцу, кружа вокруг неистово танцующего армянина. Не утерпела от искушения потанцевать Зёмина и Санькина толстушка напротив. Решительно она вышагнула из-за своего стола и мелкими шажками приблизилась к отплясывающему носатому армянину.

«Квадрат!» – усмехнулся Санька, изучая строение её фигуры, в которой сажень в плечах равнялась сажени от полу до плеч. «Чудаки», – глядя на них, улыбался про себя Санька. Хотя что такое чудак? Как говорит известный в России лесник, поэт Юрий Куксов, чудак – это нормальное состояние человека. Хотя многие считают, что чудак – это человек со странностями. Санька же и лесник Куксов так не считали, а просто посиживали в своих ресторанных стульях и с улыбкой поглядывали на это ресторанное гульбище.

– Слышь, Зёма, – обратился Санька к своему новому другу, – что-то пока пролёт у нас с девушками! Надо что-то думать!

– Ты что, дурак, – в азарте выдохнул из себя Зёма. – Всё

только начинается! И будет продолжение. – У Зёмы, в отлучии от Саньки, на этот счёт не было никаких сомнений. Он просто отдыхал, полностью отдавшись эйфории ресторанного веселья. Глаза его были устремлены в зал, в котором уже во всю бушевала страсть, похоть, злость и ревность – все грехи, от которых нас оберегает рутинная повседневная жизнь.

– Ты чо, Саня, думаешь мы сегодня тут никого не снимем? Да люблю, – прокричал сквозь рёв музыки на ухо Зёма. – Хочешь, у армян уведём обеих?

– Не знаю, – даже смущённо поводит плечами Саня. Зёма обнял ладошкой графин с водкой и предложил:

– Давай ещё по одной?

– Не, – отрицательно мотнул головой Санька. – Давай пождём чуть, а то перебор будет!

Музыка прекратилась, и в это время толстушка, так и не опуская поднятых в кураже танца свои пухленькие ручки, шагая на своё место, выдохнула:

– Чудненько-то как!.. – озорно глядя на свою преданную сухостойную подружку по командировке. Она проворно пухнулась на своё место, налила водочки себе и своей подруге и так же, как Зёма, обрета в этой жизни уверенность, произнесла:

– Галя! Смотри, за нашим столом какие парни!

И по-дружески глянув Саньке в глаза, предложила:

– Давайте, мальчики, выпейте с нами по рюмочке! Со мной Танечкой и Галочкой! А то что-то нам скучно стало... Если кто попрекнёт эту компанию в том, что, мол, в похотливой разгульной ресторанной жизни лёгкого поведения люди находят общий язык... Я же скажу – не так! Это нормально выглядит, когда мы, загнанные рутиной жизни, от которой становимся практически неодушевлёнными людьми зомби, сознательно вырываемся из этих объятий и идём в ресторан, в котором чтоб чуть оторваться от этой безжалостной злобы дня.

Санька от неожиданности встрепенулся, по-скорому из графина налил водки и украдкой ткнув Зёму в бок, поднял бокал свой, представился:

– Саша! – Представился женщинам и Зёма. Окрылённые

ресторанным вечером и новым знакомством, чокнулись и как подобает в таких случаях, торжественно выпили. В такт знакомству гитарист, сделав мелодичное соло на гитаре, запел песню:

Прощай, прощай, любовь моя, прощай!

Не в силах больше я скрывать свою печаль...

Толстушка тут же поднялась со своего места, цепко захватив в прицел своего зрения Саньку, при этом повелительно сказала:

– Пойдёмте, мальчики, танцевать!

Она была талантливым руководителем, судя по тому, как мастерски она обрезала пути отступления. Ничего не оставалось Саньке, как встать и обречённо пойти с ней танцевать. Танцевала, кстати, она неплохо. Чёткие плавные движения тела, лёгкий ритмичный шаг. И приятный запах тела, правда, с устойчивым ароматом душистого мыла.

– Вы откуда? – спросил ненавязчиво её Санька.

– Из Югорска! – сказала партнёрша.

– А я из Берёзово, – гордо сообщил ей Санька место своей деревни. И чуть подумав, ещё спросил: – А работаете где?

– В казначействе, – улыбнувшись, сказала дама.

– Ух ты... – удивился Санька. – А что казначейство делает, наверное деньги считает? – спросил млеющую в танце партнёршу.

– Ага, – шепнула она, – только наоборот, контролирует казначейство как их расходуют.

Санька мерно, под ритм танца, вальсировал с казначейшей. При этом иронично представляя в уме свой вид со стороны. Мысленно отвечая мужикам из гаража на их подвохи, типа:

«Ничё ты, Саня, отхватил какого карася икряного!»

«А я что, музыкант, что ли? С тощими танцевать!» Мужики недоумённо переглянулись, а Санька им тут же пояснил:

«С тонкими-то что толку танцевать? Чтоб слушать, как под их кожей кости гремят? Не... я лучше с такими потанцую!!»

Зёма с тощей танцевать не пошёл, они, склонив друг к другу головы через стол, о чём-то оживлённо болтали.

«Вот это молчун дак молчун...» – улыбался над другом Саня.

– Ну а вы чем занимаетесь? – ласковым голоском спросила толстушка.

– На КамАЗе ежжу – шофер! – отчеканил в ответ ей Санька. Толстушка, танцую как непотопляемый корабль, уверенно держа курс к намеченной цели, одарив своего кавалера повелевающим взглядом, сказала:

– Хорошие ребята водители! Они смелые, решительные, девушку свою в беде никогда не бросят. – И заглянув Саньке куда-то туда, аж по за глаза, ехидно добавила: – И за девушками они хорошо ухаживают.

– Вот-вот, – Санька хмыкнул в ответ, а про себя подумал: «Что за вами ухаживать: напоил вас и веди куда хочешь. И будь хоть ты кто: хоть казначей, хоть техничка. Водка вас всех ровняет, как в армии, по ранжиру». На эстраде ударил последний аккорд и песня закончилась. Довольные ухажёры разводили своих дамочек по насиженным местам.

– Ну!.. – радостно хлопнул в свои ладошки Зёма навстречу натанцевавшей паре. – Надо это дело обмыть! – и проворно разлил из графинчика водку не по двум, а уже по четырём рюмкам.

– За нас! – только успела взвизгнуть худая Гала, как жестокая продолжительная дробь барабанов известила о начале быстрого танца. А первые слова начавшейся песни вышвырнули из-за своих столов посетителей в зал.

Я Московский озорной гуляка!.. – кричала песня.

Толстушка и худышка. Зёма и Санька. Мгновенно выпили свои стопки и, не желая пропустить ни секунды танца, ринулись в пляс. Танцевали все: танцевал ряженный в милиционера, танцевала уборщица в стороне у входа в блестящем служебном сатиновом халате с хлястиком за спиной. Танцевал Зёма. Танцевал жестоко и резко, выделявая замысловатые пируэты и па. Вот он, согнув колени, приземлился к полу как вертолёт, расставив свои руки по сторонам. Ритмично изображая видимый только ему образ. Вот он, выпрямив ноги, взлетел высоко вверх, над головой в замок сложил свои крепкие пальцы. Бешеному ритму танца, казалось никогда

не будет конца. Гала не танцевала. Она просто стояла в танцевальном кругу. Завороженно смотрела на своего кумира. То и дело похлопывая ему своими худенькими ладошками. В связи со своим провинциальным происхождением Санька естественно не знал, кто такой Мухаммед Али, но здесь и сейчас, в этом грохочущем зале он чувствовал себя именно им, великим Мухаммедом Али. Резко, в ритм песни он рубил кулаками воздух, видом своим говорил всей планете:

– Я! Самый сильный! Я – самый крепкий! Я, только я!

Провинциальная застенчивость куда-то ушла, комплексы и предрассудки тоже. Дамам, танцующим вокруг него, Санька беспардонно смотрел в глаза, при этом показывал большим пальцем вверх.

«Как здорово!.. – ликовала его душа. – Вот житуха-то пошла!..» Музыка неожиданно прекратила своё звучание. Танцующие в азарте танца протанцевали ещё несколько тактов вперёд. Недовольно народ глянул на сцену, чуть примолк, после чего взревел вновь:

– Ещё давай... ещё! – затребовал он, не сдвигаясь никуда со своего танцевального места. Что могли возразить музыканты в ответ? Да ничего. Около полусотни пьяных Мухаммедов Али требовали продолжение праздника жизни. Ни одного шанса увильнуть музыкантам предоставлено не было. Чуть потоптавшись, поулыбавшись залу, они дали несколько аккордов в зал и запели. Не надо, наверное, на их месте было делать так. К примеру, подобрать более плавную мелодию и погасить, успокоить, взыгравшую в душах гуляющих, страсть. Видно, в отместку за свою безысходность, оркестранты кинули в зал «Машину времени»:

Вот! Новый поворот...

И мотор ревёт!..

Что он нам несёт?..

Пропасть или брод?..

Не знал, не знал Андрей Макаревич, что где-то далеко, в месте, где сливаются воедино две великие реки – Обь и Иртыш, в ресторане «Югра» под песню его неистово пляшет разгулявшийся северный люд. И не было в тот момент ника-

кой силы, чтобы остановить этот безудержный, неуправляемый ритм. О, если б это было действительно так, то люди в неистовстве своём сгубили бы давно свой род человеческий в геноцидах, войнах и других безумиях. Не зря говорят: на любую силу есть другая сила, ведь вода камень точит. И опять песне конец, закончился «Поворот», прости Макаревич – не вечна и песня. Солист перебором пробежал по струнам гитары, встал, подошёл к микрофону и запел новую песню. Слова песни, как гипноз, окутали весь зал:

А мимо гуси-лебеди... любовь свою несли.

Пора прибиться к берегу, да волны не дают...

Вносили умиротворение и остужали горячие головы только что бушевавших танцоров. Счастливицам, которым удалось пригласить девчонок на танец, под эту песню танцевали молча, с серьёзным лицом, не говоря при этом своей девчонке ни слова. Танцевал со своей толстушкой и Санька. Вот только буйствовал Зёма. Он сделал несколько вызывающих шагов к столику гостей из Армении, небрежно взял за локоток девушку, непринуждённо вывел её в центр зала, придвинул к себе и начал танцевать с ней, беззаботно болтая о чём-то смешном и красивом. Казалось, на дворе наступила весна, всё отдавало теплотой и солнцем. Останови на секунду звучание песни и воцарится тишь, в которой голос Зёмин будет болтать о чём-то своём смешном, несерьёзном. Наверное вечер удался у всех. Танцы, знакомства, девочки и мальчики. И зачем Сочи, Куба иль Майорка? Здесь, на Севере, в месте, где сливаются Обь и Иртыш.

– А вы, молодой человек, хорошо танцуете, – льстила Саньке толстушка.

– Стараюсь, – буркнул в ответ ей Санька и подумал: «А что ещё, красавица, тебе остаётся говорить!» Лишь ноги послушно, под песню топтали пол ресторана, а глаза из-за спины кавалерши рассматривали личики дам, их причёски, заколки, попки, красиво обтянутые фактурой из джинсовой ткани.

Всё это так отличалось от привычных камазовских запчастей, топливных насосов и не оставляло равнодушным про-

винциальный взгляд Сани. Закончился танец. Музыканты демонстративно сложили свои инструменты и ушли с эстрады. Тяжелое было для них последнее отделение видно.

– Бедненькие работяшки, перетрудились! – язвительно им вслед проговорила толстушка.

– Ой, мальчики, как хорошо сегодня!.. – хлопала в свои костяные ладошки уже изрядно поддатая Гала. Толстушка же, явно на правах хозяйки, распределяла из графинчика по рюмахам водку. Гул, бряканье посуды, смех витали в разгулявшемся ресторане. Только вот сердитые тезисы доносились из-за армянского столика.

– Слышь, Ара!.. Ти почему пошёл танцевать с этим русским?

– Да так, – недоумённо пожала она своими изящными плечиками.

– Больше не танцуй! – приказал своим озлобленным голосом армяшка. – И ти тоже! – рявкнул он её подружке.

Потупив взгляд куда-то в пол, та, которая танцевала с Зёмой, обречённо спросила:

– А почему?

За соседними столиками народ примолк, так как не понаслышке знаком был со средневековым «снобизмом некоторых выходцев с Кавказа». «А дальше-то что?» – спрашивали взгляды сидящих. Разгулявшийся и распоясавшийся от коньяка армяшка продолжал свой вердикт дальше.

– Слышь, Ара!.. – то и дело обращался он к девушке. – Ми тебе горячее заказывали?

– Ну и?.. – молча спрашивала она.

– Ти кушала?..

– Да, кушала!.. – испуганно кивнула ему она.

– А коньяк, а салат тоже кушаль? – уже криком кричал на неё армяшка. – А на музыку деньги музыкантам даваль, плохо было вам? Короче, – взял армяшка ресторанный нож в руки, – ещё раз пойдёшь с русским танцевать, зарежу! Поняла?.. – Девочки опустили свои испуганные глазки вниз и обречённо примолкли.

– Щяс, подождите! – подмигнул той компании Зёма. Встал с улыбкой на лице со своего места и вразвалочку подошёл к армянскому столику.

– Слышу, Марина, тут уже тебя зарезать хотят? – вызывающе глядя ей в глаза, спросил Зёма. Санька сгруппировался, приготовился к решительному броску в случае чего, на помощь Зёме.

– Пошлите Марина за наш столик, а то и вправду зарежут, – громко на весь ресторан проговорил Зёма, уничтожающе глядя в глаза армяну. Армяшка наконец не вытерпел, подскочил на своём месте и прохрипел в ярости:

– Ты куда пришёл?

Не достаивая больше его даже своим взглядом, парировал:

– Как куда, в Армению, за русскими девчонками!

Второй армян, который до этого молчал, округлив свои чёрные стеклянные глаза, резко вскочил со своего места с вилкой в руке, отчего на пол, звеня осколками, посыпались фужеры, рюмки, ресторанные тарелки... Зёма чуть отскочил к центру зала, чётким голосом хорошего конференсье под взгляды, требующие драки, сказал:

– Сюда, товарищи армяне, сюда!.. Сейчас ресторан будет играть вами в футбол! Знаете такую игру?.. Сюда иди, – взорвался распалённый яростью Зёма, глядя в глаза самому первому армянину. Ряженный в милицейскую форму шагал уже на подмогу Зёме. Встал со своего места какой-то здоровяк с бородой в лопату. Скажу вам так, не светились добром глаза в адрес армян и у других посетителей этого северного ресторана.

– Аз воздам! – сказал из святых кто-то.

Воздалось и всем буйствующим сегодня. Сникли, скукожились армяшки сегодня, как мышки присели на свои места. Увидев силу вокруг сокрушительную. Девчонки молча перешли за столик Саньки и Зёмы. Ряженный в милиционера ещё походил по залу, принимая от радушных гуляющих рюмки с водкой и исчез там же, откуда и появился. Не получилось сегодня драки, не получилось! Не дал господь никому сегодня больно ужалить ближнего, обидеть слабого. И не потому притихли армяне, что испугались духа русского, а поняли, что неправы были. Не удалось и Саньке с Зёмой обагрить кулаки свои кровушкой.

Толстушка и Гала особо не обрадовались расширением

компании. Они даже сдвинулись плечами вместе и приняли слегка брезгливую форму.

– Водки закажем, денюжек-то хватит у нас? – спросил тихо Зёма у Саньки.

– Хватит, – мотнул головой Санька, – салатиков каких-нибудь девчонкам попроси.

– Ладно, – хитро улыбнулся Зёма. – А ты, Саня, жаловался, что снять никого не сняли, у нас их целых четыре сегодня.

– Ну что, значит, по-твоему получилось, а это хорошо, – пожал плечами Санька. Хоть его и не радовала почему-то ни одна из этих четырёх девушек, но он был доволен вечером, этим переменам событий, знакомствам, совсем другой атмосферой, отличной от повседневной жизни.

«Так-то оно так, – думал о себе Санька, поглядывая в спину удаляющемуся в сторону бара Зёме. – Вот вроде мне уже двадцать пять лет стукнуло, а девушки ни одной у меня нет даже для дружбы. А как бы вот здорово было б, если в ресторане сидел не с Зёмой, а с той, с которой он танцевал». Украдкой поглядывая на неё, Санька любовался ей: вон какая хорошая она: и лицо, и фигурка. Красиво одета...

«Я б с такой хоть куда, – грустно подумал Саня. – А, может, не для таких я, им покруче парней наверняка надо. Хотя и с армянами приезжими за одним столом сидели, пили и хоть бы что».

Армяне же за своим столом, сначала помолчав, загалдели, заспорили.

– Что-то мы грустим! – подбодрил бодрим голосом Зема всех сидящих. И водрузил на стол графин водки и брусничного морса.

– А кухня всё – не работает уже, так что будем довольствоваться что есть. – Конечно, атмосфера была уже не та, что вначале. Девчонки эти клином расчленили уже состоявшуюся компанию, и нужно было время, чтобы создать новый уровень общения.

– Давайте за знакомство, – предложил Зёма, разливая водку по рюмкам.

– Пока не хочу, – отказался от своей пайки Санька.

– Правильно, – через стол с искорками в глазах поддержала его толстушка. Сдержанно, с натянутыми улыбками ком-

пания всё-таки подняла рюмки и выпила. Ну что сделаешь: как есть, так есть – сладится. Обстановку развеяли всё те же армяне. Тот, который обещал зарезать одну из девчонок, подошёл к их столу и поставил на него непечатую бутылку с армянским коньяком, дополнив этот кавказский дебют двумя громадными плитками чёрного шоколада.

«Откуда он такие громадные взял?» – невольно про себя удивился Санька. Такие плахи он, честно говоря, и в глаза-то не видывал.

– Ви что думаете – армяне жадные?.. – темпераментно начал он свою речь. – Армяне никогда жадными не были. Вот выпейте коньячка от нас! – И сникнув чуть, виновато добавил: – Ми ведь с девушкам пошутили, не ругайте нас.

В образовавшемся за их столом вакуумом нужна была хоть какая-то интрига, и она пришла как по заказу. Не кто-то, а толстушка первой нашла место ей и вбросила её в образовавшийся вакуум, вызванный дефицитом общения:

– А вас как зовут? – спросила она уже удаляющегося армянина.

Тот остановился, повернулся лицом к столу и представился:

– Ваган меня зовут, а друга – Жора.

Толстушка ехидно сощурила свои улыбочивые глаза и проговорила ни к чему не обязывающую фразу:

– Наши мальчики привели за стол девочек, неравноправие получается. А вы с Жорой не примкнули бы к нашей компании, всё веселей было бы?

Ваган, видно, был хороший дипломат. Он подошёл к столу, посмотрел Зёме в глаза и сказал:

– Армяне умеют уважать хорошую компанию и новых друзей! Всегда делают так, чтоб всем было весело.

Заканчивая фразу, Ваган глядел в глаза Зёме, как бы спрашивая его разрешения. Чуть выждав, Зёма привстал на своём месте, подал руку Вагану и сказал:

– Переезжайте к нам, если есть настроение! – А затем, посмотрев на девчонок, добавил: – А вы ближе к Саньке двигайтесь, – раздвигая тем самым место для новых гостей, рядом с ехидной толстушкой и Галой. Толстушка глянула Зёме в глаза и своим певуче-ироничным голосом произнесла, слегка возразив:

– А я думала – наоборот!

– Ну вот так, извини, – буркнул в ответ виновато ей Зёмка.

Галдя между собой, армяне собирали за своим столом выпивку и съестное, въезжая в новое, светское для них общество.

– Жора! – представился всем худой армянин, усаживаясь рядом с такой же худой казначейшей. Пара как на подбор. Ну вот вроде и всё. Начиналась последняя заключительная фаза ресторанного вечера, в котором можно уже подводить и итог, у каждого, естественно, он свой. Кто хотел сегодня напиться – напился как вон тот толстенький мужичок с круглыми на носу очками. Он, правда, ещё держал в руках рюмку, глазами изучающе рассматривал её дно, в поисках, видно, потерянной истины. Таков уж характер мужика русского – до всего надо докопаться. Между тем Ваган разлил по рюмкам коньяк, плитку шоколада разломил на мелкие части, плавно поднялся со своего места и слегка застенчиво стал говорить:

– Давайте, уважаемые, выпьем за наша дружба! Армяне всегда уважали Россию, наших старших братьев, навсегда армяне запомнили и помощь, когда именно Россия остановила турецкий геноцид против нашего народа. Не все, к сожалению, знают про это, мало нам говорили про это и в школах, но в 1914 году турки напали на Ереван и уничтожили около полутора миллиона армян. Лишь только тогда, когда русский царь ввёл в Армению войска, резня прекратилась. Этот добрый поступок русских армяне запомнили навсегда. Давайте выпьем за нашу дружку!

«Блин, не знал про такое», – подумал про себя Санька, и от гордости за доблесть, отвагу и благородство царского штыка по спине побежали приятные мурашки.

Закусив запашистый коньяк шоколадкой, Санька стал наблюдать за новыми друзьями, стало даже интересно: вот так армянина за одним столом, в одной компании он видит впервые. Кто они такие, чем дышат, что умеют кроме того, что виноградом торгуют на рынке? И от размышлений Санька пошёл в наступление, необычным вопросом стараясь поймать их врасплох.

– А какая рыбка нравится вам больше всего, стерлядь, на-верное?

– А?!.. – в досаде аж сморщился Ваган. – Нет конэшню, а ви не знаете что ли, какой коньяк пили Черчилль и Сталин и рыбкой какой закусывали?..

– Не, не знали, – искренне за всех ответил Зёма.

– Форэл! – через глубокую паузу изрёк Ваган. – Ест рыбака такой, – начал объяснять он, – малэнкий такой, живёт она в озере, Севан называется, вода в нём такой чистый, что в мире чище воды нет больше. Вот там форэл и живёт, – вознеся указательный палец под свод потолка ресторана, изрёк Ваган.

– Жирная, наверное, – с любопытством спросила худая Гала.

– Какой жирный, – эмоционально ответил Жора, – вкусный форэл, вкусный!

Официантка, как ладья на озере Севан, шествовала по залу, с улыбкой вручая счета посетителям за полученные ими в этот вечер удовольствия. Народ с достоинством их принимал и лез в свои необъятные карманы за расчётом.

– А какая она из себя? – наверное, делая больше комплимент, за его красноречие, спросила толстушка. Ваган подумал чуть и сказал:

– Малэнкий он, с ладошку. Жареным его едят, мясо его прозрачное, во рту тает, – шёпотом, как будто по секрету, сообщил Жора. – Сталин, Черчил, когда дал коньяк армянский, а потом и форэл, не думал, что тот скушает и скажет: – Нэт на свете счастливее народа, чем тот, который имеет форэл и армянский коньяк!

Знал Санька, что любил Черчилль сосьвинскую селёдку и что из его родного северного рыбокомбината «Берёзово», которое стоит на великой реке Северная Сосьва, поставляли её двадцать пять лет в Англию в пятилитровых деревянных бочарах. Но возражать Вагану Санька не стал, ибо доказать здесь этот факт, кроме как словами, не мог и не обладал таким атакующим напором, как этот темпераментный армяшка. Саньке казалось, что Север – это комары, грязь, дожди и морозы. А рыба, будь то муксун и осётр, селёдка сосьвинская иль стерлядь кондинская – продукт северян и потребляют они ее за неимением другой рыбы. А всё красивое и вкусное где-то там на Волге или в Крыму.

– Ви знаете, кто по национальности был Сталин? – продолжал Ваган.

– Как кто, грузин! – правда, чуть дрогнувшим голосом сказал Зёма.

Перейдя на громкий шёпот, Ваган стал рассказывать тайну:

– Все так думали и так пишут! Но это не так. Сталин, когда пошёл в революцию, изменил сразу свою армянскую фамилию на грузинскую для того, чтоб не пострадал армянский народ.

– А что, когда Советская власть пришла, нельзя что ли было обратно взять армянскую фамилию? – возразил ему Зёма.

Санька с уважением посматривал на новых знакомых, подумав: «Повезло нам сегодня с компанией, умища-то какие!..» С уважением поглядывал он на ораторствующего Вагана. «И историю своего народа знают блестяще, а мы вот...» – с укором подумал про себя Санька. Из школьного курса истории вспомнился ему такой колоритный учитель Владимир Иванович Ерёменко. Он утверждал, что самые лучшие воины во крови своей в мире – русские и немцы, так как воевать им пришлось всех больше. Немец отличался собранностью, любой бой был заранее продуман, у них всегда был тактический план действий. Русский воин всегда больше действовал на авось, в бою отличался изобретательностью, нахрапистостью, благодаря которой и удавалось побеждать в том числе и немца. Впервые в жизни Санька рассуждал вслух о политиках, государственных строях, взаимоотношениях государств, даже с опаской глянул по сторонам, не подслушивает ли кто, осталось ведь в нас после советских времён опаска за открытое высказывание в адрес Советской власти.

Советскому человеку разрешалось лишь только с транспарантами в руках идти на демонстрацию и ждать, когда придёт коммунизм – до него оставалось чуть-чуть!.. Всё будет бесплатно, работай когда захочется, не жизнь – кайф один. А вот если начнёшь обсуждать государственный строй, то вышлют за рубеж, как Солженицина. Что ни говори, родившись

на Севере, Саньке пришлось насмотреться на ссыльных – какие-то не такие они. Молчаливые, покорные, согласные во всем и грустные, если, конечно, за тунейдство иль пьянство не высланные. Вот только что грустить, не понимал их Санька: лучше чем на Севере и жизни-то нет нигде. Одной рыбы в Оби местный рыбинспектор насчитал около тридцати видов. А мясо – и лосятина тебе, «лосинка» – ласково называл её отец, и оленина. И рябчик, и глухарь, и копалуха. Утки дикие и гуси тучами по небу летают. А тайга богатая какая: и пушнина, и ягода морошка, клюква, черника, голубика, радоваться надо на их месте, что в рай попали, а они грустят – всё время недоумевал Санька.

Зал в ресторане уже наполовину опустел. Остались только те посетители, которые, как говорят, «вошли в раж», душа у которых требует продолжения праздника. Входил в раж и Зёма, предложил:

– Давайте ещё выпьем, – и обнял пальчиками бутылку армянского коньяка. Санька, наоборот, не хотел пить коньяк, да и вообще, драйв ресторанного вечера у него прошёл, честно говоря, с большим удовольствием он прилёг бы на хороший диван и уснул. И выбирая по принципу двух зол, выбрал лучшее: взял в руки графин с водкой.

– И нам водки, – пододвинули свои рюмки девчонки. Видно, за вечер подуставшие от армянского коньяка и историй об армянском народе. Тем временем в вестибюле заведения послышался шум, переходящий в крик, возню, обзывательства, который тут же перешёл в драку с отзвуками ударов, шлепков, стонов, прочей атрибутикой кабацкой драки. Отрезанные дракой от выхода, испуганные посетительницы вбежали в зал и укрылись в баре от дерущейся массы людей. Хрипы, стоны, удары, топоток усиливались всё больше, и вот дерущийся комок людей вкатился в зал. Понятно было, что били кого-то одного, но попадало всем. Непонятно было кого, но тот, в центре комка дерущихся людей, не сдавался и таскал этот клубок по ресторанному полу.

Тот толстенький мужичок, одиноко сидящий за своим столиком, видно тоже заинтересовался дракой, и, решив посмотреть, медленно, как зомби, стал поворачивать голову в полуоборот, чтобы поглядеть на дерущихся. Но сделать это,

к сожалению, ему не удалось. Вначале на шее его шевельнулся кадык, смешно вздёрнулся подбородок. И из его, ещё недавно казавшейся мудрой, подёрнутой философской вуалью головы, в ресторанное пространство полетели густые струи рвотной массы. Наверное, таким образом он выразил той драке свой протест и окружающему его миру. Но администрация ресторана подоплёки в этом не видела никакой, главное для неё было блюсти за целостностью ресторанного реквизита и чистотой. В этом и заключается суть ресторана. Чистота, лоск, красивая посуда, великолепная кухня. И зав. ресторанном залом словно из-под земли, ловко обогнув дерущихся, явилась перед этим незадачливым и обессиленным от алкогольного опьянения протестантом.

– Эх вы!.. – с укором молвила она ему. – А ещё в администрации работаете, а такое делаете!.. – В слово «такое» она вложила какой-то особый смысл, от которого стало не по себе не только ему, но и остальным посетителям, сидящим в зале, и, глянув в только известном ей направлении, повелительно крикнула:

– Домна, иди убери за ним! – И разобравшись с протестантом, она перенесла свой административный гнев на дерущуюся массу людей.

Домна с прокурорским лицом степенно приближалась к столику оконфузившегося чиновника, которому не удалось никак удержать в себе излишки съеденного и выпитого.

Домна с ведром и тряпкой в руках подошла к пьяному горемыке и с довольно заметным акцентом сказала:

– Здравствуйте, вы облевались?..

Поднять головы чиновник не мог, но зато у него заработали руки, одна из которых умело нырнула в карман и вынырнула оттуда с красной купюрой.

– На!.. – громко на весь зал произнёс он. Без шелеста и хруста купюра нырнула в необъятный карман сатинового халата Домны. После чего с подобающим ей прилежанием Домна исполнила свои служебные обязанности. Ну что, нам с вами остаётся лишь только досмотреть окончание драки, ан нет! Север непредсказуем. Только возвращаясь, Домна поравнялась с кучей дерущихся, как чиновник этот вновь повторил всё. Тот же поворот головы, вновь дёрнулся на шее

его кадык, и в зал опять как брызги шампанского полетел съеденный им ресторанный изыск. Улыбаясь, Санька подумал: «Наверное, ему понравилась услуга Домны, и он захотел повторить». Домна остановилась, профессиональное чутьё указало ей – возврат к клиенту! И как в первый раз, она подошла к нему и сказала:

– Здравствуйте, вы облевались?.. – И в этот раз всё произошло так же, как и в первый раз.

– На!.. – во второй раз произнёс чиновник, таким же жестом, правда, из другого кармана извлёк краснющую хрустящую купюру. Домна приняла подношение как естественное вознаграждение за самоотверженный труд, при этом ловким движением услав купюру куда-то далеко в карман, чинно и бережно, как банкир в хранилище, перекладывал золотые слитки, зачищала кляксы от оконфузившегося посетителя. Дело своё Домна закончила враз с завзалом, которая за счёт своего незаурядного ораторского искусства легко остановила драку. Дерущиеся разошлись. На полу остались: тот, что в милицейских штанах и кителе, и бородатый мужик в чёрном вязаном свитере. Они сошлись казалось в смертельном клинче, остановить который мог лишь только такой же безумный. Затихли армяне, Зёма с усмешкой наблюдал за дерущимися.

Драки комментировать не принято, это не спорт, можно лишь только наблюдать и думать, вот и Санька подумал:

«Н-да... у нас так не дерутся, бить, дак бей в лоб, что вошкаться-то?.. Не по-русски дерутся, это уж точно». Тот, что в милицейских штанах, лежал на полу на спине и грыз снизу оголившийся живот бородатого, приговаривая:

– Я тебе весь живот выгрызу!

Видно, от боли бородач извернулся из позы валет, повернулся в классическую позу и, ухватив зубами ряженого за нос, проорчал:

– А я тебе сейчас нос откушу!.. – И откусил бы, если б ряженный не завопил на всё ресторанное пространство. Не утерпела завзалом, видно ряженный был хоть пьяный, но свой, хантейский, а бородач – откуда-то с земли, приезжий.

– А ну-ка отпусти его, – суровым голосом приказала она. И взяв его за плечо, хорошо потрянула. Бородач замер, ряженный блажил на весь ресторан голосом Робертино Лорет-

ти. И когда зубы громилы оставили его пурпурный, залитый кровью нос, смолк. Не дремала Домна, чаевые чиновника больше будоражили душу, чем эта схватка двух гладиаторов, и она вновь подплыла к столу того посетителя и певуче произнесла:

– Здравствуйте, а вы не облевались?..

Тот посапывал, уже ничего не замечая вокруг себя, находясь в своём сонном мире. Домна потопталась вокруг него, потопталась, оглядывая его со всех сторон, и подгоняемая разгулявшимся в её крови алкоголем и жаждой заработка, вконец взорвалась:

– А ну давай, блявай давай, блявай! – тормозила она его за плечо.

Все, кто был в этом зале, взорвались в истеричном смехе. Посетитель же продолжал дальше спокойно спать, не устаивая никого своим вниманием.

Неожиданно в зале разнёсся сильный запах нашатырного спирта. Откуда? Народ зажимая пальцами носы, водил глазами по залу. Откуда? Важная, всемогущая завзалом быстро оценила ситуацию и мгновенно выявила источник распространения запаха.

– А ну-ка, где?.. – голосом прокурора затребовала она ответ у этого облевавшегося посетителя.

«Вот оно что!» – заулыбался Санька. Заулыбался весь зал. Заулыбались и наши милые армяне. Зёма и тот приоткрыл в любопытстве рот... Что будет?..

Я же скажу вам с восхищением о русском духе, русской изобретательности. Пьяный, пьяный, а думал же этот облевавшийся чиновник о личном имидже. Хотелось ему человеком покинуть этот вечер в Югорском ресторане. И придумал. Раздобыл он где-то, то ли заранее припас пузырёк с нашатырным спиртом. Обильно облил им платок, спьяну облив и стол ресторанный, а когда потекли из глаз слёзы и дышать стало не впротык, он отбросил платок за соседний стол, стараясь подальше спрятать улику. Вот так!.. Как школьника за шкуру, завзалом вела посетителя на выход за то, что тот попытался отрезвить свою опьяневшую головушку. Но увы!.. Градус оказался сильнее – операция провалилась.

Тем временем под воздействием градусуса и других со-

бытий этого вечера, за нашим столом развивались свои события. Зёма, изрядно отуманенный водочкой, обняв за талию свою девчонку, прихватив в руки её изящную ладошку, явно чувствуя себя при этом королём, рассказывал, ехидно улыбаясь, на ушко ей какой-то анекдот. А она в перерывах, перебивая его, рассказывала о предсказаниях Нострадамуса, о каких-то звёздах, которые вот-вот выстроятся в ряд и наступит всемирный потоп. А Зёма нетерпеливо перебивал её, рассказывал новый заковыристый анекдот, при этом смеясь громче всех оставшихся в зале. У них обоих, как сегодня говорят, цель достигнута: каждый из них сегодня получил тот милый взгляд напротив, аромат мужчины и женщины, приятный тембр звучания голосовых связок, нежных прикосновений друг к другу, после которых слились как голубки в одно целое. И никакие цунами, казалось, в этот момент их не разлучат. У Саньки с её подружкой, наоборот, не было никакого контакта. Что скажешь, красива была девушка, красивые косицы, умело уложенные на голове, строгое красивое платье, прямые и изящные черты лица. Она сидела сама по себе. Пробовал как-то разговорить её Санька, клал ладошку на её талию, пытался рассказать что-то смешное, но от неё исходила холодная аура, отсекая все надежды на какую-либо симпатию. Она была одной, Санька был другой.

«Да и хрен с тобой, – подумал про себя Саня. – Пару стопок намахну ещё, да и в гараж. В принципе нормально сегодня тут погуляли».

Армяне наши были на пике славы, им фортуна повернула всю свою благодать. Обе казначейши были их. Толстушка уже сидела на коленках у худого Вагана, который как-то из-под её груди, держа на весу рюмку с армянским коньяком, внушал им:

– Вы знаете, – говорил он, – как вам повезло, что вы сегодня оказались с нами!

– Нет, котик... – удивлённо ответила казначейша и выпила свою стопку. Выпили и остальные.

– Армянин умеет любить женщину, – продолжал Ваган, – он любит ей дарить браслет, колцо, цветок... Для армяна девушка как солнце, вон, – кивнул он в сторону своего друга, – Ара не даст соврать, так, ара?..

– Конечно, – поддакнул его напарник, с близкого расстояния просверливая своими глазами глаза худышки, едва не доставая своим лбом её прелестное личико. Что говорить, гармония достигнута, цели тоже. В руках гостей Севера оказались две эффектные командировочные казначейши, в руках темпераментных, взбудораженных коньяком и водкой дам – два гордых, сильных духом горных парня. Ну что ж, не всем малина, скажем мы в адрес Саньки. Хотя на этом жизнь не заканчивается, и кто его ещё знает: кто нашел сегодня в этом вечере, а кто потерял. Лишь только время – главный судья в нашей противоречивой жизни. В зале загорелся свет – это на северном языке означало, что всех посетителей просят пойти домой. «Ну что, пошли, дак пошли», – подумал Санька, встал со своего места и пошагал в раздевалку с существенно полегчавшим кошельком в нагрудном кармане.

Ленточка дороги размеренно набегала на кабину КамАЗа, движок, ласково шелестя, гнал машину вперед. Санька в голове прокручивал яркие моменты последних событий. Казалось, всё: поездка удалась, эмоций хоть отбавляй, один ресторан чего только стоит, и излишки рыбной продукции, любезно предоставленных кладовщицей рыбокомбината, напололам, естественно, реализовал за наличку. Копеечка лишняя душу греет, опять неплохо. Ан нет. Впервые так сильно взбудоражила она, Надюшка, беспрерывно витая в его мыслях и вытесняя оттуда всё, что было связано не с ней. А шея его то и дело оборачивала голову назад, в спальник КамАЗа, где лежали тома Василия Шукшина.

«Наверное, она для меня путь в новый свет, – думал про себя Санька. – Приостановиться и почитать что ли», – то и дело возникало у него желание. Вообще, по местным нравам, Санька считался правильным парнем. По крайней мере, не робкого десятка. Не раздумывая, своими увесистыми кулакам решает все возникающие спорные вопросы. А два года в колонии – это ещё один козырный атрибут. Санька не был уголовником по понятиям, но школу эту волею судьбы ему пришлось пройти. Неумышленно, случайно, а получилось это дело примерно так.

Окончание школы, выбор пути в жизни, и выбор Саньки

пал на пролетарскую специальность – электрогазосварщик. Профессия неплохая во все времена, работу найдёшь всегда. А если ещё и хорошо освоишь это дело, то на одних шабашках только будешь получать как минимум в два-три раза больше, чем, например, главврач или директор школы. Что же ещё надо крепкому, смышлённому северному парнишке.

Вот Санька – студент Тобольского профессионального училища. Лето. Позади год учёбы. Санька в футболке у доски рисует принципиальную схему по электротехнике. Настроение прекрасное, тема знакома, душа трепетала от желания побыстрее рассказать по билету, «отлично» в зачётку и – в кармане целое лето. Охота, рыбалка, покосы, костры, звёздное небо. Казалось, большего ничего и не нужно было для полного счастья.

– Всё!.. – щелкнув мелом по доске, обернулся к преподавательнице, симпатичнейшей женщине Валерии Индриковне.

– Ну если всё, то слушаю вас, – доброжелательно отозвалась она, на секунду при этом чуть задержав взгляд на предплечье Саньки. «Саня» было выколото там и солнце, заходящее за горизонт. Стыдился Санька, что говорить, этого шедевра камерного искусства. Цыган Толя, громила альбинос, с голубыми прозрачными глазами, рецидивист, сделал ему этот партак, напутственно сказав:

– Будь мужиком, Саня... и всё будет ништяк!

Цыгана после убили. Убили шабашники из города Ворошиловград в момент куражный, когда Цыган выиграл у них завидный куш – трёхмесячный объём зарплаты за построенный ими какой-то ледник. Один из них, бросив на стол карты, обвинил Цыгана и пнул его в живот. Другие, забрав у лежачего бедолаги выигранные деньги, стали пинать ботинками из кирзы, вконец разъярившись, один из них проткнул Цыгана пешней в живот намертво, как бабочку приколол к земле. И ушли. По рассказам соседей Цыган, ещё два часа приколотый, пел, потом лишь затих. Такая, видно, судьба. Гасторбайтеры – при деньгах, Цыган – при духе. А наколка эта так и зажила на Санькином левом предплечье. Тут в училище она, естественно, была ни к чему.

Санька отчеканил ей вопросы по билету, Валерия Индри-

ковна одобрительно кивнула ему головой:

– Иди, пять! – только в конце по-серьёзному попросила: – Подойдите сегодня ко мне после экзамена, надо поговорить, – и вручила зачётную книжку со свежей отметкой «отлично».

– Угу, – послушно кивнул ей в ответ головой Санька и вынырнул из аудитории в своды прохладного коридора. Всё-таки хорошо быть в жизни на своём месте: способным студентом, уверено сдающим экзамены, лётчиком, играючи управляющим самолётом, хирургом, виртуозно знающим своё дело. Довольный собой, Санька выскочил в коридор, шагая огибал стоящие возле аудиторий кучки студентов, пребывающих как в радостях, так и в печалях от итогов зачётов. Толкнул от себя массивную дверь – и вот она – свобода: улица, солнце и лето! Тополя и пух. Короткие юбочки проходящих девчат, футболки с короткими рукавами и летние сандалии без носка доказывали, что действительно наступило лето. А за забором гулко шлёпал об асфальт футбольный мяч. Хорошая всё-таки эта пора – лето. Тёплые дни, тёплые мысли, ожидание прекрасного. А когда «отлично» в зачётке, то ликование едва удерживается в нетерпеливой душе, ещё по сути своей – мальчонки. И не беда, что дом далеко, нет ни мамы рядом, друзей. Что говорить, нравилось Саньке всё это. Новый город вроде чужой, но в тоже время дающий хорошие эмоции от полученных знаний, новых знакомств, ощущение полезности в этом обществе.

Распаренная от палящих лучей солнца, торговка мороженым пребывала в своеобразной торговой коме. Вроде и спала, а вроде и бдела за вверенным ей лотком на колёсах с надписью «Мороженое».

– Парочку! – произнёс Санька, звеня монетками по пластиковой крышке лотка с деликатесом всех времён. Смахнув монетки ладошкой, как метёлкой, в карман своего необъятного фартука, при этом не открывая своих убаюканных солнцем век, торговка выдала Саньке мороженки в вафельных стаканчиках. Пожалуй на этот период не было для Саньки лучше лакомства чем мороженое, не считал, естественно, он, но съедал его много. Вот и сейчас, смакуя, полузакрыв от удовольствия веки, на деревянной, залитой солнышком лавке, лакомился Санька этим необычным, необыкновенно

вкусным продуктом. Вы скажете, что самая лучшая жизнь в Москве, Лондоне, Нью-Йорке или Сочи? Нет, скажу вам я. Здесь, именно здесь, в Тобольске, на этой солнцем залитой лавочке, на которой млею, радуясь жизни, Санька, возле дороги, по которой не так в принципе и давно в Екатеринбург везли на расстрел царя с семьёй. Радуетса этому летнему деньку коренной северянин, радуется палящему солнцу, тополиному пуху, и ерунда, что заливают глаза пот – ведь это настоящее лето. Глянув на часы, решил прогуляться до берега Иртыша, а там и Валерия Индриковна освободится. Интересно, что ей надо, может что-то хочет спросить? И встав с этой тобольской лавочки, ступая на хрустящий под подошвой тополиный пух, Санька пошагал на обрывистый берег Иртыша. С уважением любовался иртышским плёсом, облокотясь при этом спиной на ствол громадной кедрины, лапами своими которая вверху накрепко держала и облака, и синее небо.

– Ладно, пойду, – обратился Санька к кедру. Обняв его пахучий ствол, наверняка знавшего и Ермака, и хана татарского, своими ещё мальчишескими, хотя уже достаточно крепкими ручишками. Ноги не хотели уходить из-под тёплой, мягкой подстилки, похрустывающей под ногами. По северным меркам для Саньки город Тобольск был юг. И по климату: всё-таки семьсот километров от Тобольска на север до Санькиного Берёзово. Место это на высоком берегу Иртыша, край которого как богатыри удерживали толстенные корни кедров и громадных лиственнок, напоминало Саньке о доме, о детстве. Оно как раз и проходило на таких же берегах, обрывах. Кострищ, разожженных опавшими иголками кедр, их аромат и воздух – этот северный чистый, наполненный романтикой и отвагой северный воздух. Как на охоте, Санька мягко ступал ногами на землю – и вот последний ствол дерева, и начало улицы с деревянным тротуаром, как свидетельство начавшейся цивилизации. Ещё триста метров мимо домов с резными ставнями и палисадниками – и асфальт. Раскалённый на солнце, как вулканическая лава, заковывал панцирем землю. Наверное, придёт день, когда асфальтобетоном закуют всю землю, смотреть на которую мы сможем лишь только как на экспонат – в пробирках и колбочках. Ни-

чего не скажешь – цивилизация наступает. Квартиры-клетки, бетон, асфальт... там не поют как в деревне разноголосьем птицы и не курлыкают журавли. Люди не знают друг друга. Жизнь, по мнению Саньки, есть там, где есть река широкая, лес, в котором ягода и шишка, зверь и птица. Дома деревянные и непременно с банькой. Грядки с петрушкой и укропом. А в ограде дома непременно печь надворная летняя с трубой жестяной и коптилка, в которой отец коптит рыбу – и язя, и муксуна.

– Скорей бы домой, – мечтательно выдохнул Санька и добавил шаг. Валерия Индриковна наверняка уже ждёт. Лесные и пригородные виды закончились. Санька шагал уже мимо городских подъездов, резных лавочек, ещё один поворот... Эх, если б знать, что нас ждёт за новыми поворотами!.. За этим поворотом Саньку ждал корпус аудитории, в котором его ждала строгая и добрая Валерия Индриковна. Ноги незаметно, словно ветер былинку, внесли его по ступенькам в прохладный коридор, десятка три гулких шагов, дверь, и вот она – эта хрупкая и нежная, умная и строгая Валерия Индриковна, в одиночестве перебирала учебную документацию.

– Можно? – робко спросил её Саня.

– Да, конечно, – больше дружески ответила Валерия Индриковна. Покорно, как бы стесняясь себя, Санька прошёл к своей парте и присел на стульчик. Добродушно, даже по-матерински Валерия Индриковна посмотрела на Санькино левое предплечье, откуда синевой просвечивала из-под футболки Санькина надпись, потом вновь на Саньку и без подвоха спросила:

– Вы сидели?..

– Нет!.. – возразил ей Санька.

– Ещё лучше.

Санька действительно был не судим и даже в мыслях не был уголовником. Скорее дух Берёзово, место, где он родился, изначально и до сих пор было острогом, каторгой, ссылкой. Первым из известных мужей России, кто отведал вкус земли этой, был не кто-то, а светлейший князь Алексашка Меньшиков. За ним сослали в град Берёзов графа Остермана, а после и Долгорукого. Вот так и проходила история через этот град Берёзов Санькин, удостоенный внимания не

только обитателями громкими, но и кисти художника великого – Сурикова с его картиной «Меньшиков в Берёзово». Троицкий в 1905 году сбежал из Берёзово из царской ссылки. Каждый родившийся там может смело назвать себя – «Я каторжанин!» Безусловно, этот бунтарский дух жил и в Санькиной душе: уж, где родился там и... определился.

– А ты будешь разговаривать со мной, если разговор пойдёт о мужских делах, требующих смелости, силы?.. – слегка повышенным голосом спросила Валерия.

– Запросто, – востроенулся Санька, видом своим показывая, что понятие «боюсь» – это не для него.

– Дак вот, Саша, есть возможность заработать денег, пусть и не совсем законным путём, но стопроцентным! Если ты скажешь «да!», то я поделюсь с тобой своими планами. Ну, а если нет, так нет, ничего против иметь не буду. – И Валерия Индриковна замолчала, выжидающе спокойно поглядывая на Саньку. Вообще-то деньги в Санькиных приоритетах жизни играли не главенствующую роль, а это предложение воспринималось им как просьба и вызов своему духу.

– Конечно же, Валерия Индриковна, помогу вам, даже бесплатно. Деньги мне не особо нужны, а так я не трус, – и приосанившись, добавил: – Берёзовские ещё никого не боялись!

– Ну вот и хорошо, – продолжала Валерия, – как хорошо, что я не ошиблась в тебе. А дело такое, Саша. Я работаю ещё в одной фирме, они присылают золотые изделия. Я принимаю их и развожу ещё в семь торговых точек. Так твоя задача... ограбить меня... когда и где я тебе скажу. Есть мнение, что на преступление такого рода толкает людей чувство наживы, жадность, другие измы человечества. Я в какой-то мере не соглашусь с этой догмой, зная немало преступлений, на которые шли люди не по этим принципам, а из обыкновенного озорства.

Саше без расшифровки стало понятно: дело Валерии Индриковны аморально. Но он согласился лишь потому, что он не трус, и для такого человека, как Валерия Индриковна, готов хоть на что.

– Давайте попробую, – робко поддержал её идею Санька, отводя взгляд свой куда-то в сторону аудитории, в район ви-

сящего там портрета изобретателя радио Попова.

– Ну и хорошо, Саша. Я долго наблюдала за всеми, и выбор мой пал на тебя. Мужество и решимость в тебе налицо. Я ведь тоже решила на это не от хорошей жизни. У меня есть такие проблемы... – завсхлипывала она, – такие! – И слёзы сами полились из её глаз.

– Да решим!.. Что вы!.. – растерянно проговорил Санька.

Валерия Индриковна успокоилась, платочком вытерла свои заплаканные глазки, вновь улыбнулась и сказала счастливо:

– Хорошо, Саша, спасибо тебе за это. На днях об этом поговорим поподробнее. – И протянула ему зачётную книжку.

Шагая в общагу, Санька подумывал, оправдывая себя:

– Ну и что, что афёра, должен же я быть мужчиной, иметь какие-то свои тайны. Я ведь взрослею, вот они у меня и стали появляться. Валерия Индриковна умная, с ней наверняка нигде не вляпаешься, умная же!

Вечер прошёл так себе, уснул, правда, быстро. Что-что, а сон в молодые годы крепко держит нас в своих объятиях. А проснувшись утром и листая конспекты, задумался вновь:

«Ну ограблю, если, допустим, всё будет хорошо, выделит мне она кучку этого золота – и куда я с ним? Сёстрам подарю, матери, а если они спросят, откуда оно? Что отвечу им? Хотя ладно, – отмахнул мысли эти Санька, – никого, слава богу, я ещё не ограбил».

Так счастливо задумался он, поглядывая на растущие за окошком акации и берёзки, листва которых благоухала, блестя, отражая лучиками вокруг блёстки солнца. Ведь через десять дней – домой! Здорово-то как будет!.. Сразу на рыбалку на закидушки поеду. Хоть и ловится на них, как говорят на Севере – чёрная рыба: язь, ёрш, окунь, чебак, но рыбалка, на вкус Саньки, самая интересная. Во-первых, нет никаких сетей, тяжёлых вёсел, нет физической нагрузки. Наоборот, всё компактно, изящно – песчаный берег реки Вагулки, что приток Северной Сосьвы, костерок, висит над которым чайник и котелок. И три закидушки, по три-четыре крючка на каждой. Хорошо, когда рядом напарник – есть с кем пообщаться. На Севере не бывает, когда не клюёт, там клюёт всегда. Мало того, три закидушки... и ты уже не справляешься. А потом,

конечно, уха, беседы, мечты, шутки. Такая уж зараза – эта рыбалка. Дверь в аудиторию открылась, появилась Валерия Индриковна, кивнула:

– Можно тебя?

– Угу, – мотнул головой Санька. И полетел на её зов.

– Здравствуйте! – добродушно поздоровался с ней Саня.

– Привет-привет, – по-свойски откликнулась Валерия. И тихим певучим голосом сказала:

– Сейчас одиннадцать, Саша, а в два часа у главпочтамта встретимся? Я б там тебе всё и объяснила. – И видя некоторое смущение в глазах Саньки, внушающее пояснила: – Это в рамках нашего вчерашнего разговора.

– Понял Валерия Индриковна, я обязательно подойду, – заверил её Санька и пошагал обратно в аудиторию. Мечты о доме сразу схлынули, так же как и чувство прекрасного. Санька понимал, что ввязался в авантюру, но заднего хода дать почему-то не хотел. – Да и чёрт с ним, – успокаивал он себя, – пробьёмся как-нибудь. – И откинул сомнения прочь. Три часа до встречи проскрипели без настроения. Не хотелось идти туда, но что сделаешь – пообещал.

Не спеша Санька взял свой ученический скарб и побрёл по-стариковски понуро к главпочтамту. Не такая как в училище – строгая, авторитетная, представительная Валерия Индриковна. Перед Санькой стояла игривая, в солнечных очках, стройная, уверенная в себе и своих мыслях женщина. Видно было, что она знает, что нужно ей взять от жизни. А на Саньку глядела она уже, как говорят каторжане, как на подельника.

– Привет!.. – засияла шkodной, озорной улыбкой. И даже ножкой чуть сделав реверанс, прихватила ручкой Саньку за локоток.

– Здравствуйте, – как с тёткой, поздоровался с ней Санька.

– Ну что? – как генерал на солдата поглядывая, заговорила Валерия Индриковна. – Готов ли ты за счёт смелости, твёрдости и уверенности в себе заработать денег? Поддержишь ли ты очаровательную Валерию в её прекрасной идее? – И с апломбом, с такой возвышенной бравадой перед Санькой, сделала вновь, правда другой ножкой, па!

– Ладно, поддержу, – понуро буркнул ей Санька. Валерия, не

- давая ему ни малейшего шанса к отступлению, пошла вперёд.
- Видишь крыльцо главпочтамта?
 - Вижу, – хмыкнул Санька.
 - А что так понуро, – жалобным голосом спросила Валерия. – Выше нос Саша, и мир будет у твоих ног, и даже такая, как Валерия Индриковна, – кокетливо через паузу добавила она. И поправившись, добавила:
 - Дак вот, Саша, завтра в три часа красивая и обаятельная Валерия с коробочкой в хрупких ручках спускается по ступенькам вниз. И улыбаясь жизни и солнцу идёт вдоль этого дома, – свесив указательный палец вниз, показала на дом Валерия.
 - А если завтра не будет солнца? – обескураженно спросил Санька.
 - Будет Саша, завтра солнце будет! Так же будет, как и вот эта улица, и та коробочка – нашей! – и кивком головы указывала Саньке завтрашний свой маршрут. И поворачивает на ту улицу.
 - Ты, Александр, – сурово произнесла она, – сзади нагоняешь меня, ложишь руку на коробочку, я оборачиваюсь и...
 - И я должен вам вложить кулаком по лицу и дать дёру?..
 - Да! – почему-то невесело согласилась Валерия. И тут же поправившись, указала:
 - Дальше бежишь в проулок и прячешь коробку там, где её никто не найдёт. Время придёт, и я сама подойду к тебе, понятно? – тоном как на уроке спросила Валерия Индриковна.
 - Понятно, – хмыкнул в ответ Санька. – Вот только это...
 - Что это?.. – раздраженно переспросила Валерия.
 - Хотел спросить, а сильно хряпнуть-то?
- Валерия, видно, сама боялась этого вопроса и скукожившись, при этом явно сбившись с планки лидера, помолчав, раздражённо сказала с вызовом:
- Хряпни, хряпни так, чтоб шрамов не было, но синячище чтоб на всё лицо. Сможешь?
 - Это смогу, – облегчённо выдохнул из себя Санька.
 - Тогда пока, – с грустинкой по своей девичьей красоте произнесла Валерия и протянула для прощания руку.
 - Всё, дак всё, – прошевелил губами в ответ на прощание

Санька. И развернувшись, побрёл куда-то, не желая при этом думать ни о чём. – Ладно, сделаем, доживём до завтра, сделаю то, что обещал и больше в такие авантюры – никогда, – упрямо твёрдил он, как гипнотизёр, самому себе. Остатки дня прошли так себе: побродил по улицам, а вечером с пацанами пошёл на дискотеку. Девчоночку там пригласил на танец, сама симпатюля, модный джинсовый сарафан. Попробовал в танце её Санька разговорить, но тщетно, для него она была неприступна.

И ещё потолкавшись на дискотеке, Санька добрёл до общаги, лёг и крепко уснул. Всё значимое и кардинальное наступает быстро, часто заставляя нас врасплох. Вот и у Саньки всё значимое и кардинальное не заставило себя долго ждать.

Утром резко встал на ноги и пошагал к главпочтамту.

«Блин, – вновь задумался он, – а как ей шваркнуть-то?.. Переборщишь – башка отлетит. Недоборщишь – не поверят». Увидев одиноко растущую берёзку, Санька подошёл к ней, оглянулся по сторонам, и наметив на стволе на уровне груди чёрное пятно, ударил в него своим довольно увесистым кулаком. Боль ожгла руку, зажмурил при этом глаза, подумал:

«Понятно, шваркнем чуть полегче. Достаточно будет, чтоб минут пять вспоминала как зовут маму». Появилась даже злость на неё. Вспомнилась последняя встреча, её наглый самоуверенный, наполненный пренебрежением взгляд. Сжав кулаки, Санька мысленно обратился к ней:

«Ну что, подружка, придётся тебе вдарить, чтоб знала на будущее как воровать, – и уверенно зашагал к месту. Вот и главпочтамт, телефонная будка неподалеку. Хорошее место для обзора – ты видишь всех, а тебя нет. – В принципе задача несложная, – обдумывал Санька. – Замочил, коробку забрал, и тикай. Даже увидят – не узнают. Я не местный. Вот надо было дураку мешок взять холщовый, кинул коробку туда – и пошел». Не успел толком порассуждать, как на крыльце почтамта появилась Валерия Индриковна. Вызывающе красивая, нарядно одетая, зрящая далеко вперёд. Большой уверенности ей придавала коробка, которая вот-вот должна была стать её собственностью. Золото. Глядя на удаляющуюся фигуру Валерии, Санька осознавал, что в её глазах он не более, чем поделщик. Послезавтра она забудет уже о его

существовании. А ещё два-три таких дела в её жизни, и она будет далеко. А при неожиданной встрече она наверняка не узнает его, мало того – не удостоит его малейшим вниманием.

«Не... милая моя, приложусь-ка я к тебе получше, а то действительно быстро забудешь меня, быстро, а тут, глядишь, и помнить будешь». Как на охоте, не упуская из поля зрения свою жертву, начал преследование. Справа проплыло крыльцо почтамта... Вот Валерия повернула в проулок...

– Давай, давай... – шептал вслед ей Санька, шаг за шагом сокращая дистанцию.

Видно было, что не спокойно на душе у Валерии. Она то добавляла шаг, то, наоборот, уменьшала. Вот завилыла... Что говорить, боялась она кулака Санькиного, боялась!

– Давай, давай... – с озлобленностью рычал, нагоняя её Санька. И вот уже за спиной её, она не глядела в глаза ему. Остановилась, футболка его... затем щелчок в голове, вспышка как молния – и всё. Лишь только потом, когда очнулась – врач в халате белом, палата...

С коробкой в руках Санька удачно миновал улицы Тобольска и на его окраине втокнул коробку во вросшую в землю ржаво-оранжевого цвета трубу. И лишь отойдя подальше, остановился и, обратившись неизвестно к кому, произнёс:

– Ну вот и всё, господа! Дело сделано. – И не спеша пошагал в родные пенаты. Конечно же, на душе был горький осадок. Осознание вины и чувство раскаяния не отпускали его. На подходе к общаге уверенность почему-то пропала. «Знают или не знают», – то и дело беспокоило тикало в его голове. В оцепеневшем состоянии Санька по ступенькам вверх поднимался в родную общагу. Нужно было пройти мимо дежурной, которая испуганными глазами взирала на входящего Саньку.

– Здравсте! – нелепо поздоровался с ней Санька. Откуда-то, как из-за засады, появился милиционер, который тут же преградил ему путь. И почему-то с улыбкой, сказал:

– Посиди-ка тут, товарищ бандит. – И обернувшись к дежурной, сказал: – Вызывай машину, сам появился!

Тоска и безразличие, обида и апатия охватили Санькину душу. Менялись одна за другой страшные мысли. Но увы,

дело сделано и, как видно, неудачно.

– На грабеном разбогатеть захотел?.. А о женщине ты подумал, что сделал с ней?.. – надвинулся на Саньку милиционер.

– И не стыдно... – в унисон ему пропела дежурная общезжития. – На учителя своего Валерию Индриковну... и как на красоту такую у тебя рука поднялась?..

Говорить в ответ было нечего, сгорая от стыда, Санька опустил свою голову ниже пола, мысленно готовясь к встрече с никуда. Ясно было, что вот-вот машина, допросы, камера.

«Убежать? Не... всё равно поймают, потом ещё хуже будет. А если рассказать всё как было?.. – В надежде на спасение заиграла в голове мысль. – Может, простят?..» И тут же перед ним возник образ Валерии Индриковны, с синячищем, раной, полученной от удара, с красной сукровицей. Слышно было как у подъезда остановилась машина, затопали ноги, хлопнула входная дверь, зашли ещё двое милиционеров.

– Где он?.. – сходу спросил у дежурной сержант. И повернувшись к нему, замычал:

– Что сидишь, когда нормальные люди перед тобой стоят, ну-ка встал лицом к стенке. – И с силой рванул за плечо Саньку вверх.

– Ноги шире... – входил в свои права служивый. Стал тут же ладонями охлapyивать Саньку. Горсть мелочи, билет студенческий, вот весь и нехитрый скарб.

– За мной... – скомандовал сержант, окончив обыск, и тут же толкнул на выход Саньку и ещё через два шага вновь:

– Стоять... лицом к стенке! – И обратившись к дежурной, сказал: – С сотрудником по акту соберите всё его барахло в наволочку и в акте распишитесь, потом грузите в машину. – И вновь:

– Что стоишь, на выход, – и крепко толкнул в плечо.

Сами того не зная, мы готовы внутренне быть арестантом и, став им впервые, несём состояние это привычно, будто арестантом пробыли всю жизнь. Неважно при этом кто ты: музыкант, уголовник, математик или убийца. Ты арестант, лидер твой – это пинок или окрик. И быть в состоянии этом, мы сами того не зная, готовы внутренне. И Санька в состо-

янии новом бежал головой вперёд, руки за спину, бежал в «воронок» – карету для арестованных. Водила в гражданке услужливо распахнул дверцы сзади «уазика», впрыгнул туда, дверь закрылась. А дальше всё как в тюрьме. Команды, окрики, лязг засовов, пристальный взгляд. Кабинет, следователь с запойными от пьянок глазами, застиранная рубашка, поверх белые в чёрную полосу подтяжки.

– Ну что?.. – делая глубокую затяжку, сказал он. – Будем говорить?.. – положил при этом перед собой протокол.

– Не знаю, – плаксиво кивнул ему Санька.

– Бу-де-шь... – нараспев улыбаясь за Саньку, сказал следователь, – а не будешь, я тебя закрою в камеру к отморозкам по какой статье?.. Скажу – за отказ от дачи показаний. И будешь с ними дневать и ночевать, по этапам ездить, а я в это время про тебя забуду на месяц, два, три, четыре... поймёшь потом, сам будешь в дверь ломиться, следователя требовать, а я ведь торопиться не буду. А как вкусишь вдоволь прелесть камеры, как соловей со мной разговаривать будешь, не первый же ты, Александр, не первый! Ну что, начнём?.. – спросил он, взяв в руку авторучку, чтоб вести запись.

– Не знаю... – плаксиво ответил Санька, – не буду ничего говорить, – шёпотом произнёс он и опустил голову вниз.

– Зря, зря... – с опаской произнёс следователь. – Ты даже не представляешь, чему этим самым ты подвергаешь себя. Сейчас расскажу тебе, уважаемый, как будет у тебя дальше. Закреть тебя придётся по-любому, сначала съездим, покажешь, где спрятал коробочку... Составим протокол изъятия... Есть жертва, есть факт, есть свидетели. Всё есть. Тебе надо работать с нами и работать. Добровольное раскаяние смягчает вину. Допустим, не хочешь разговаривать с нами, ладно, оформляю тебя за отказ от дачи показаний. В камере эта статья расценивается как свидетель, а со свидетелями там счёт особый – под нарами жить будешь, понял?

– Ну и что... – упрямо буркнул ему в ответ Санька.

– Где коробка, которую ты забрал у потерпевшей? – зло посмотрел дознаватель и, встав со своего стула, как цунами стал надвигаться на Саньку. Вот запах тела, дыхание – смесь чеснока и ещё какой-то бяки, как английский бульдог говорил:

– Удушю, если не скажешь. – И точно, дознаватель взял пятернёй Санькину челюсть, задрал её вверх, не отводя своего свирепого взгляда, промычал:

– Где??? Скажешь? – стал за челюсть поднимать Саньку на ноги, без перерыва мыча: – Скажешь? Или не скажешь...

Саньке эта коробка была не нужна, она была чужая, и страдать из-за неё смысла не было. Не скажешь никому, всё равно – не найдут взрослые, найдут дети. Хотя под страхом отдавать её Санька не хотел, смотрел сбесившемуся дознавателю в глаза, отвечая равнодушием и уверенностью в себе. Дознаватель был уже ветеран милицейской службы, и после силового натиска на пацана понял, что парень твёрд, на «боюсь» взять его не удастся. Брезгливо он выпустил Санькино лицо из своих рук и приказал:

– Садись!..

Санька сел на свой стул.

– Ну что? – продолжал натиск следователь. – Не хочешь говорить, и дурак! Знаешь, какие проблемы себе делаешь? – Он достал из пачки папиросу, поджёг спичку, прикурил, сделал затяжку и медленно выпуская из себя дым, при этом ногу поставил на облучок стула, на котором сидел Санька, произнёс:

– Помочь хочу тебе, дураку, а ты страдальца из себя корчишь, ведь условно можешь отделаться! Судьба ведь твоя сейчас решается, запомни – вход сюда, в тюрьму – во!.. – и следователь широко развел по сторонам свои руки. – А выход... – и пальцами дознаватель сжал Санькины ноздри. – Отдай коробку, тебе ж легче будет, нет иска, нет проблемы!.. Ты один, подельников у тебя нет, сам хозяин и никто тебя не упрекнёт, покажешь?

– Покажу, – сказал Санька, – если поедем вдвоём.

– Ну, это дело, – облегчённо произнёс следователь, вернулся на своё место. Слово своё он сдержал – с водителем на том же «уазике» доехали до той ржавой трубы, достал, покрутил в руках своих он коробку, убедившись в целостности её, сел на своё место, о чём-то подумал и в раздумье сказал:

– Ещё б чуть, элемент удачи – и золото было б твоё!

Дальше опять отдел ОВД и всё по протоколу. Понятно было одно – прошлое было зачеркнуто. В жизни не было

учёбы, прекрасных мечтаний, встреч, одним махом потерялось всё, а впереди – темнота, неясность. Сколько дадут... год, два... пять? С тоской, как в последний раз, Санька поглядывал за зарешёченное окно, где цвели, полыхая красками, деревья и кустарники. Скоро это будет всё не его. О нравственных вопросах ситуации не хотелось и думать. Как зверёк в ловушке, Санька сидел на стуле, перепонками в ушах перекрыл слух, стараясь ни о чём не думать, чтоб всё это осознать и понять, ему требовалось время.

– Дежурный!.. – опять рывкнул в телефонную трубку следователь. При этом то и дело изучающее поглядывая на Саньку.

– Оформляй новенького, не желает общаться с нами, – с иронией сказал дежурному по ОВД следователь. Тонем своим как бы говоря: «Дурак ты, товарищ студент».

– Как какой новенький, который «гоп стоп» у почты?..

– По какой?.. Как по какой, за отказ от дачи показаний...

– И аккуратненько уложил трубку на своё место.

– Взгляни на солнышко, – кивнул он Саньке в окно. – Мечтать скоро будешь о нём, мечтать!

Для порядку Санька повернул голову в окно, глянул в него почему-то пустым взглядом и вновь замер в позе ожидания.

«Ну вот и всё, дорогой, ты в молчанки играешь и мы с тобой тоже поиграем в молчанки. Коробку ты отдал, и действительно ты теперь никому не нужен».

– Пошли! – сурово приказал следователь, – номер готов. – И открыл перед Санькой дверь кабинета.

«Ладно, – подумал Санька, поднявшись со своего места, – где наша не пропадала». И вышагнул в тёмный милицейский коридор. Поскрипывая казёнными ботинками по бетонному полу, следователь вел Саньку...

Щёлкнула дверь дежурного, следователь за локоть завёл Саньку к нему и указал на свободный стул в углу, положив дежурному на стол постановление, сказал:

– Принимай! – кивнул он на Саньку уже безразличным взглядом и пошагал, наверное, по своим делам насущным. Дежурный поперебирал, позаполнял бланки бумажек, оставленных следователем, попереспрашивал фамилию и другие Санькины данные, затем заставил раздеться догола, вывер-

нул наизнанку все имеющиеся карманы. Тщательно промял все вещи. Выложенное содержимое из карманов под опись составил акт, в котором расписался и Санька. Педантично дежурный обыскал всего, после чего, набрав телефон, сказал:

– Принимай! Да, ещё! – запнулся дежурный: – Со всеми сможешь сидеть?..

– Не знаю, – недоумённо ответил Санька.

– Косяков, обид нет по свободе?.. – раздражённо переспросил дежурный.

– Не, нету, товарищ дежурный.

– И хорошо, пойдёшь в третью. – И повёл его к железной двери, уходящей далеко, под свод бетонного пола. Шагал Санька туда, шагал! Под этот чёртов свод и шагалось, кстати, легко. Шагал вот только не по собственной воле, сзади неотступно сопровождал его человек из другого мира. У двери, опоясанной лентами из металла, милиционер сказал:

– Стоять!

Санька остановился, затем обернулся, в нерешительности ожидая чего-то...

– Лицом к стенке, руки за голову! – нараспев смакуя каждое слово, пропел милиционер.

Всё! Щекой ощущая щербатую стенку, осознал Санька – началась новая, пока ещё незнакомая ему тюремная жизнь. Толстый и увесистый ключ, лязганье его в замочной скважине, замок открылся, дверь угрожающе, со скрипом, извещая округе о новом сидельце, открылась.

– Вперёд!.. – приглушённым голосом приказал конвоир, подтолкнув вперёд нового обитателя изолятора временного содержания. Изолятор покорно принял нового жителя своими тесными, таинственно серыми сводами излучавших дух прокурорско-уголовного нрава. Затхлый, стоячий воздух с запахом отстойной, дешёвой казённой жизни. Хоть и чистый, крашенный, но протёртый пол коридора, по обе стороны которого тяжёлые, обитые коваными полосками металла, двери.

– Стоять, руки за спину! – вновь прозвучала сзади уже знакомая команда. – Вон, забирай в третью его, – сказал конвоир, встретившему их дежурному по ИВС. Окинув изучающим взглядом новичка, дежурный ответил:

– Щас... примем, как полагается.

Конвойный же, сделав до конца своё дело, поднялся вверх по ступенькам, с таким же скрипом закрыл за собой дверь, усердно полязгав в замочной скважине тем же ключом, исчез.

– Стой так, – более миролюбивым голосом сказал дежурный. Откуда-то из за кутка достал свёрнутый в рулон матрас, вручил его Саньке и, подтолкнув его за локоть к одной из двери, сказал:

– Вот твой дом, спальное место укажут. – Сделав паузу, многозначительно добавил с апломбом: – Товарищи!

Санька молчал, безразлично глядя на дверь, в какую его вот-вот втолкнут. Выпирающий из неё железный номер говорил, что эта камера номер три. До нового будущего остался один шаг. Твоё будущее это или случайность? Откуда-то из глубины появился вот такой вопрос. Дежурный глянул через глазок в камеру, видно у них такой регламент перед процедурой открытия врат, и вот со знакомым лязгом, поворачивая внутри механизм, замок стал открывать Саньке новую жизнь. И шагнул в распахнувшуюся перед ним дверь. В глубине узкого, полумрачного помещения, в глубине железной решётки тускло горела лампочка. С обеих сторон нары в два яруса. Между ними проход сантиметров шестьдесят, не больше. Лица сидельцев направлены к выходу.

– Привет!.. – шепнул обитателям Санька.

Один из них, с налысо остриженной головой, подпрыгнул со своих нар и как конферансье произнёс, обращаясь к Саньке:

– Слышь... а тебя, случайно, не с дискотеки забрали, благоухаешь-то как...

– Не, – в нерешительности буркнул Санька и замер в ожидании...

Видя и без того потерянный вид новенького, лысый внимательно посмотрел на вошедшего и в дружеском тоне сказал:

– Ты не катай особо в голове вату. Тут нормальные мужики все, понимают. И доставать понапрасну тебя тут никто не будет. Вот твои нары, – и хлопнул ладошкой по нарам первым справа от входа на втором ярусе. И лысый тут же дал

указание шупленькому пареньку:

– А ну давай, Кеша, кульки с хавчиком убери, а то парню отдохнуть надо... Кстати, Колькой Сокол меня погоняют, ты Колькой меня зови, за хатой я тут смотрю. Короче, что тут не ясно, не стесняйся, спрашивай. Кидай матрас-то.

Санька кинул матрас уже на своё место, после чего протянул Соколу руку и представился:

– Санька.

– Тебя до этого ни разу не закрывали? – спросил Колька.

– Не... ни разу, – отрицательно мотнул головой Санька.

– Ну и ладно, – сказал Колька. – Тут Сань не страшно, жить можно, садись, покури, – кивнул Колька на нижние нары. Камера с любопытством, не вмешиваясь, наблюдала за новеньким. На нары Санька присел, а от сигареты отказался:

– Не охота что-то.

– Сам откуда? – аккуратно выпрашивал Сокол.

– С Севера – Берёзово, слышал про такое? – улыбнулся Санька.

– Конечно слышал, мужиков по зоне оттуда знаю. Селезня знаешь? – испытующе глядя Саньке в глаза, спросил Сокол.

– Конечно знаю, – тут же встрепенулся от радости Санька, – бати моего друг...

– На шестёрке когда-то Селезень за «промкой» смотрел и справедливый мужик был, – с ностальгией по прошедшим временам произнёс Сокол. – В зону б побыстрей, надоело по ИВС, закис уже тут я, – пожаловался Сокол.

– Он сейчас у нас в Берёзово на пилораме бригадиром работает, – со знанием дела пояснил Санька.

– А где ж ему ещё работать, когда вся жизнь на делянках, – куда-то вдаль задумчиво произнёс Колька. Неожиданно Санькины глаза встретились с другими глазами, которые внимательно изучали его, и судя по нормальному выражению глаз, не испытывая при этом никакого дискомфорта.

– А это ещё кто? – настороженно спросил Сокола Санька, кивнув на эти смотрящие из-под нар глаза. Оглянувшись за одобрением к камере, Сокол пояснил:

– А мы сами ещё не знаем, что это такое, изучаем его, определения пока нет, сидит знаешь за что?..

– Ну... – с любопытством насторожился Санька.

- Каннибал он!..
- Как?!
- Да вот так, – сурово глядя под нары, ответил Сокол. – Другана, сволочь, сожрал, сначала убил, а потом сожрал.
- Точно что ли? – испуганно вздрогнул Санька.
- Куда уж точнее, – усмехнулся Сокол. И вновь глянув под нары, спросил:
- Сожрал друга или не сожрал?
- Не друга, а знакомого, – поправили уверенным голосом, не прекращающие смотреть на Саньку глаза.
- Ну... – убедительно ответил Сокол Саньке, – слышал? Мы его пока под нары загнали, изучаем, думаем, куда его причислить, пока точно определения нет. Но убеждены, что сволочь конченная.

Камерные впечатления, хоть и взбодрили чуть, но пережитые за день события говорили о себе – сильно хотелось спать.

– Я посплю? – как бы спросил разрешения у Сокола Санька.

– Да, конечно же... – даже привстал тот. – А то мы тут достаём тебя, а ты вымотался. По какой хоть менты тебя грузят?

– Да... – изнеможённо отмахнулся в ответ Санька. – Бабу одну тут ограбил, – и решительно раскатав матрас, залез на второй ярус. Почувствовав наконец спиной постель, довольно подумал: «Наконец-то посплю, хоть закончилось всё. А утро вечера мудреней». Сон почему-то улетучился так же внезапно, как и налетел. Мысли успокоились, хоть Санька и понимал, в какой дерьмовой ситуации он оказался, но чувствовал себя уже гораздо спокойней. Не несли угрозу ему и сокамерники, даже наоборот – сочувствие и поддержку. А камера, примерно такой и представлял. Помещение метров пять на два с половиной. Без окон, в конце тусклая лампочка на шесть сидельцев, видно достаточно. Бетонный потолок, выщербленные бетонные стены. Тускло, грязно, серо... список можно не продолжать. Во вмятине серой, что на стене, красная какая-то капля. Глаз присмотрелся, и вот вам – клоп настоящий, тёмно-красного цвета – блестит. Со злостью, пальцем раздавил его. Запах коньячный раздался вокруг. Хо-

телось спать, но вот наваждение – как только закрываешь глаза, хороводом несутся события дня прошедшего. А при мысли, что вот-вот узнают про это дома, лоб, спина покрываются потом. Мужики в камере не спали, мало того, что-то делали. Кто-то шебуршился в углу, кто-то ему помогал, а кто-то давал советы. Санька глянув вниз, убедился, что внизу помех нет, прыгнул вниз и поймав внимательный взгляд Сокола, спросил:

– А куда в туалет сходить? По маленькому, – чуть смутившись, сказал Санька.

– Вон... отогни занавеску, – кивнул в правый угол у входа Сокол. – Крышку сдвинь чуть. – Санька сдвинул чуть в сторону ситцевую занавеску, в тени которой стоял обыкновенный оцинкованный бак с двумя ручками. Оказывается, всё просто...

– Возьми, – в занавеску Сокол протянул с водой кружку. «Понятно, – подумал Санька, – это для рук». Исполняя своё дело, думал довольно:

«Смотри, и занавесочку повесили, сразу видно, что культура обихода тут тоже на высоте. Вот ведь, какая она – параша!» Затем из кружки ополоснул себе руки, задвинул на место крышку, неслышно вынырнул из импровизированного ситцевого туалета и уже на правах хозяина запрыгнул на свой второй ярус. Мужики по-прежнему копошились. Послушав, понаблюдав за их делом, понял – под нарами, в дальнем углу камеры почти на уровне пола, заточенной ложкой мужики сверлили в другую камеру дырку. Зачем, догадаться было не трудно – общение, обмен информацией, даже предметами. Из соседней камеры мужики тоже крутили навстречу дыру. И вот-вот они должны были сойтись. «Кабура» – так импровизированный тоннель называется на уголовном жаргоне. Чтоб сойтись в одной точке, заранее договариваются, например: три спичечных коробка от угла вбок и три вверх.

Администрациями ИВС при обнаружении этих запретных средств общения обитатели камер сурово наказывались внеочередными шмонами и другими действенными мерами. Мысль в голове по-прежнему поднимала тему морали:

«Кто я? Такой как все или тюремщик? Ведь меня арестовали и закрыли от людей в камеру! Общаться теперь с граж-

данским и светским обществом теперь мне нельзя. А, значит, я – недочеловек, если меня закрыли в камеру. Не... – чуть не заплакав от нахлынувшей вдруг обиды, подумал Санька. – Пусть хоть трактор меня переезжает, но сюда больше я ни ногой!» За дверью камеры послышались голоса.

– У кого обезьянка? – тут же прорычал Сокол, поглядывая на одного.

– Вот, – подал её незнакомый для Саньки один из сокамерников. Как и во всём мире, в тюрьме многое решает информация, осведомлённость, чтоб заранее адекватно подготовиться и отреагировать на любую возникшую ситуацию. Волею судьбы Санька стал познавать новую для него тюремную жизнь. Обезьянкой оказался кусочек зеркала, который Сокол тут же вставил в круглый глазок, что на входной двери, и как в перископ на подводной лодке стал наблюдать за движениями, происходящими в продоле. «Продол» на уголовном жаргоне – коридор. Прояснив ситуацию, Сокол прервал своё наблюдение, облегчённо выдохнув, объявил:

– Жрачку тянут, – не сутулясь пошёл на своё место.

Поймав в нём какую-то тревогу, Санька подумал, что чего-то они боятся. На секунду взгляды их встретились. Сокол приостановился, ещё чуть приблизившись, приглушённым голосом спросил:

– Расскажи, как закрыли-то тебя, брат?..

Честно глядя ему в глаза, Санька ответил:

– Бабу одну ограбил, по башке треснул ей возле почты, забрал коробку и тикать...

– А спалил кто тебя? – с прищуром, зло переспросил Сокол.

– На дежурную с общаги, когда бежал, нарвался.

– Коробка у кого осталась? – осторожно уточнил Сокол.

– Отдать пришлось, – хмыкнул в ответ Санька.

– Ну что... – подумав чуть, сказал Сокол. – Иска нет, года три получишь, не больше. Вот так-то, брат, – и почти в самое ухо добавил: – Особо-то про свою делюгу тут не трепись, мало ли как повернёт, а подсадных уток и тут много, – и протянув сигарету с фильтром, предложил: – Покури лучше пшеничную.

Позже Санька узнал, что «пшеничной» в камере называют

курево с фильтром. Что ни говори, а фильтр – это уже элита. Хотя фильтр при передаче или досмотре заставляют отламывать. По административным правилам ИВС на фильтр наложен запрет, так как из него легко можно изготовить холодное оружие. Например: расплавить его спичкой, заплющить, и вот вам – острière ножа. Достаточно, например, чтоб этим ножом вскрыть себе или товарищу вены. Благодарно Санька глянул на Сокола, отрицательно при этом кивнул головой – отказавшись от курева.

– Смотри, как хочешь, – и поучительно добавил: – Тут, кроме курева, и делать-то нечего. – Отошёл к своим нарам.

Постепенно изучая виды нового жилища, Санька лёг на бок и уткнулся глазами в угол с ситцевой занавеской, которая скрывала истинный вид туалета. Сразу за ней – нары. И вот глаза из-под них... глаза того каннибала, они жадно всматривались в Санькино лицо, взамен не прося ничего, не выражая ни одной эмоции. Наоборот, созерцали на мир снизу вверх, выражали глаза те, как в кино, любопытство. В замешательстве Санька отвёл глаза свои от этого каннибала, ведь существование его под нарами был верх глумления над человеческой личностью, не испытывая при этом ни капли дискомфорта. Санька родился и вырос в каторжанском посёлке, в котором каждый третий имел уголовный срок, где высланные учтиво занимают неквалифицированный труд, а тюремные байки и слухи витали вокруг как небылицы. А тут... человек под нарами... и всё это так как надо.... «Что-то тут не так», – крутил в своей голове Санька, упершись своими глазами куда в серую стену. В двери забрякала тюремная щеколда, стало открываться квадратное окошечко. Сидельцы зашевелились в ожидании чего-то. Чего-то в ИВС – это прежде всего разнообразие, вносимое ситуацией. Кормёжка – разнообразие. «Дачка» (на жаргоне это передача с воли) – разнообразие. Допрос – тоже разнообразие. Даже шмон – это тоже есть разнообразие, дающее адреналин в кровь. Окошко открылось, следом в проёме появилась алюминиевая чаша с нарезанным хлебом. Чашу приняли, вслед за ней появился чайник и чашка с сахаром. Вот вам и всё – это вечерняя пайка находящегося под стражей в ИВС.

«Так-то ещё жить можно», – подметил про себя Санька.

Почему-то думая ранее, что в тюрьме питаются в сухомятку.

– Пойдём, – ткнул Саньке в бок Сокол, – казённого поедим, всё веселее будет.

– Не хочу, спать охота, – жалостливо отказался Санька и упёрся взглядом в тюремный потолок.

– Ну смотри, – буркнул в ответ Сокол, – хотя в первый день редко кто ест, зато потом жор нападает, когда страсти с души схлынут, – и неторопливо склонился над импровизированным столом пустующих нар, как раз под которыми и жил отвергнутый камерной общественностью каннибал. Неторопливо сидельцы делили казённую пайку, изредка перекидываясь одиночными фразами.

– Каннибалу в его чашку отложи, – проговорил кто-то, – ночью сожрёт.

Что-что, а казённая пайка, иль «передача» от «общака» с воли, делится справедливо – на всех, невзирая на социальные ранги. Таковы тюремные нравы. Зэки говорят: под тюремной крышей равны все.

События, страсти, эмоции прошедшего дня говорили о себе – повернув голову к стенке, Санька уснул. Сон одинаково берёт всех: и тех – кто в тюрьме, и тех – кто на воле. Проснулся также внезапно, как и уснул. Всё вроде бы хорошо, только вот вместо светлой комнаты в общежитии с милыми занавесками в окнах – серые своды камеры. За дверью звякнула щеколда и раздался голос дежурного:

– Соколов, Сокол, на выход!

Дежурный по ИВС на сленге – «дубак». Сокол с достоинством, не торопясь, одел на ноги обувь, поправил на себе свитер и сложив за спиной руки, шагнул в открывшуюся для него дверь. Тот, кто воспринимает следствие не иначе как допрос – заблуждается. Скорее всего, взаимоотношения подследственного и следователя напоминают поединок. Поединок характеров, ума, нервов, личностей. И как бы порой не бесновался следователь иль опер, доказывая вину сидельца, но, увы, выше перечисленные достоинства оправдывают его дело. Ключ, запирая дверь, лязгал и щёлкал казенным звуком, пряча от общества лиц, не умеющих жить по его законам.

– Эх, – кто-то сказал, зевнув, – может, чифирнём?..

– Сокола-то нет, – возразил ему кто-то.

– Ну и что? Сокол с утра по цифиру не прётся... Он жжёнку любит...

– Короче, обломаться пока надо, вечером запарим...

«Интересно, а сколько сейчас времени? – подумал про себя Санька. – Понятно, что день, судя по светлым полоскам света в окне». За дверью камеры вновь слышались голоса и выкрик его фамилии:

– На выход!.. – Страх как током пронизал душу. Санька спрыгнул на пол со своих не таких уж и жёстких нар. Один из обитателей камеры татарской внешности с выбритой головой сказал:

– Если предложат бесплатного адвоката, не бери. Это помощник следователя. Если возьмёшь, не верь ему.

Один из моих знакомых в прошлом прокурор, а ныне судья, вот что сказал о процессе взаимоотношений в цепочке расплаты за преступление: умеи управлять эмоциями, научись быстро думать по ситуации, овладей на суде речью, мимикой и – победа будет твоя.

– Будь что будет, – шептал себе Санька, на ходу впрыгивая в свои ботинки. Руками вправляя рубаху в штаны. – Не убьют ведь, в конце-то концов. А остальное всё можно стерпеть. – Тем более что камера, её сидельцы не несли ему никаких угроз. Даже наоборот, ощущался какой-то тыл. Вдохнув в себя побольше воздуха, вышагнул в приоткрывшуюся для него дверь.

– К стене, – шикнул ему дежурный. После чего педантично закрыл на двери запоры и дал толчком в плечо новую команду: – Вперёд!..

«Вперёд так вперёд», – передразнил в уме его Санька. И пошагал с закинутыми за спину руками вперёд в конец коридора, где из приоткрытой двери лился электрический свет.

– Вот сюда, – указал на неё конвоир и подтолкнул внутрь нового сидельца камеры номер три. Стол, две скамейки, на одной из которых, сложив на руках замком пальцы, сидел майор, с которым вчера ещё Санька ездил за спрятанной коробкой золота. Сегодня он поджидал своего подопечного без формы, в голубой рубашке, застёгнутой по-военному на последнюю пуговицу. Майор этот и вчера, и сегодня ни в сло-

ве, ни во взгляде не нёс в себе никакой агрессии. Наоборот, в нём чувствовалось какое-то понимание и сострадание. От этого в душе даже хотелось даже взять и спросить его: что делать? Рассказать ему свою историю содеянного. От начала и до конца. «Может, и поймёт он, поможет», – ёкнула в душе Санькиной какая-то надежда спасения.

– Садись, – миролюбивым тоном кивнул майор на противоположную лавку, скользнув своим осторожным взглядом по Санькиной физиономии.

– Наверное, понял, уважаемый, в какое дерьмо ты вляпался? Или ещё нет? – пытливым тоном вызывал его на дискуссию седоватый майор.

– Да, – в ответ кивнул ему Санька.

– Дак вот, уважаемый, – твёрдым голосом уверено продолжал майор, – если всё равно тебе, то не всё равно мне. Я из-за тебя сегодня не спал всю ночь. Понятно одно: нет у тебя ничего общего с теми, кто сидит с тобой в одной камере. Моя задача одна – вытащить тебя отсюда. Как ты оказался у почты и ограбил своего учителя, в этом ещё нам надо разобраться. Ибо не может сын рыбака-охотника быть вором и грабителем. Мы про тебя узнали на родине, поговорили с родителями, учителями, с твоими друзьями. Нет, в этом деле ты случайный паренёк. Давай, рассказывай всё по порядку, без записи. Я послушаю, а потом вместе подумаем, что можно сделать, чтоб тебя отсюда вытащить. Учти, Саша, я добровольно сюда пришёл в желании тебе помочь. Придёт следователь, а он придёт обязательно, разговор с ним будет у тебя другой. Тем более на дворе лето, у всех отпуска, огороды, грядки... Никому ты будешь не нужен. Отправят тебя в СИЗО к уркам – и пиши пропало. А я могу повлиять, поверь мне, и на следователя, и на прокурора.

– Скажи для начала, Саша, кто надомил тебя на этот поступок? – внятно задал вопрос седой майор. Что говорить, попал старый милиционер в десятку, попал! В самое неискрушенное превратностями жизни сердце совсем ещё юноши. И дрогнуло, ой, как захотелось рассказать ему всё. И какая красивая и хорошая Валерия Индриковна. И как она попросила ограбить её. Ограбил-то Санька её, как говорят, «на отвяжись», не ради золота, которое держать до этого в руках-то

и не приходилось. Увидев замешательство в уме мальчонки, майор придвинулся ближе и спросил:

– Ну?..

Брызгами слёзы хлынули из глаз мальчишки, громко зарыдав, Санька единственно смог произнести:

– Не знаю...

Жалко было себя, мать. В уме витал образ отца, суровые глаза которого говорили: «Ну что, достукался?» В кабинете для допросов нависла пауза. По одну сторону которой плачущий юноша, изо всех сил старавшийся унять льющиеся из глаз слёзы, при этом с каждой слезой запирает от всех свою душу, казалось, навсегда. Ибо плеча надёжного рядом с ним не было. По другую – майор, явно переборщивший с влезанием в душу. Кто-кто, а он, старый служака, понимал, что слёзы подопечного – это провал его тактической работы. Оставалось ему лишь только уйти. Слёзы прекратились, остатки их локтями Санька размазывал по лицу, злобно поглядывая на какую-то половицу, выступающую у ножки стола.

Эх... тюрьма, тюрьмуха, всего повидала ты. Но слёз беззащитности, слёз одиночества, слёз бессилия и отчаяния наверняка больше всего. Майор привстал со своего места, бережно прижал к себе папочку, с нотой сострадания в голосе сказал:

– Давай, Саша, успокаивайся, будь мужчиной, разговаривать мы ещё с тобой будем. Если что будет ко мне срочное, сразу стучи в дверь и вызывай меня. Я – Анатолий Степанович Моспанов.

Поскрипывая чёрными казёнными туфлями, майор вышел из комнаты. Понятно, что не соперничал этот майор за Саньку нисколько. Даже наоборот, для него был он таким же обитателем камер ИВС, как и все остальные сидельцы. Майору хотелось разговорить Саньку, узнать, что он за фрукт. Вдруг ещё что расскажет полезного для оперативной работы. Ведь что говорить: войти в доверие, влезть в душу – это уже господство, победа. Выйдя из камеры, майор забыл о слёзах парня, слёз раскаяния. Да и как, сегодня вечером у него рыбалка. На Иртыше начала ловится стерлядь. А это по важности было намного важнее обыденной беседы с подследственным.

– Забирай, – буркнул ожидавшему в коридоре дежурному. Жизнь тюремная, жизнь казённая – наверное, по-настоящему значение слово это имеет здесь в тюрьме или лагере. Слезы тут и те казённые.

«Хорошо, что хоть обсохли, – облэгчённо подумал Санька, – а то засмеют в камере». Из проёма двери надвинулась сытая фигура дежурного, который, чтоб подчеркнуть свою значимость, сказал:

– Ну что, уважаемый, вперёд во дворец!

Руки за спину, голову вниз, один со своим горем в стане врагов, обозленный на всех, заперев на замок душу, уже по знакомым половицам Санька шагал в камеру номер три к новым друзьям, новой жизни, судьбе, которая сделала замысловатый зигзаг. Вот только куда? Ответ на этот вопрос может дать только время. Закрылась за спиной дверь камеры, стараясь не глядеть никому в глаза, Санька снял туфли и запрыгнул на уже своё место.

– Прессовали? – толкнув в локоть, поинтересовался Сокол.

– Ну, – в ответ хмыкнул Санька.

– Ты особо-то по делу им не говори, пусть сами раскатывают тему.

– Ладно, – согласился с Соколом Санька. – Я им ничего и не сказал.

– Расскажи про делюгу, – тихонечко попросил Сокол. Рассказать Саньке, конечно, хотелось, хотя бы узнать, что будет, и Сокол, как ему показалось, как раз и был тем человеком, который сможет высказать и подсказать как действовать дальше. С самого начала про Валерию Индриковну, про её просьбу и всю эту не особо блистательную концовку. Выслушав, Сокол хмыкнул, чуть подумав, сказал:

– Три года у тебя есть, не больше! Если эту кобылу не будешь тянуть в дело. Затянешь, покатит групповуха, сговор. Короче, бери Санька делюгу эту на себя – и трояк твой. А по-другому больше будет. Годик отсидишь, полтора и на условно-досрочно уйдёшь. Не первый ты тут такой. А здесь живи нормально, никто не тронет тебя. Время пролетит – не заметишь. – И с иронией подмигнув, добавил: – Как в пионерлагере отдохнул. Тут, Санька, каждый сидит сам за себя и отвечает тоже.

– Мне бы твою делюгу, дак домой бы уж готовился! – буркнул лысый татарин, видно слышавший разговор Сокола с Санькой.

– А тебя за что закрыли? – шёпотом спросил его Санька.

– А... – в обиде сморщился лысый татарин, – ни за что! Попал-то ножом в лёгкое.

– И чем?

– Как чем... отвёрткой, потом побазарим, наверное скоро меня следак дёрнет. Будет на меня чужие делюги вешать.

– Это как? – удивлённо переспросил Санька.

– Да очень просто, и тебя грузить тоже будут. Вот ты ограбил бабу, и катишь по статье этой.

– По какой, интересно? – переспросил Санька.

– Предъявят обвинение завтра тебе, не переживай, на трети сутки предъявляют, по истечении семидесяти двух часов. Завтра они у тебя и истекают, даже послезавтра, – убедительно пояснил лысый татарин. – А у них по таким же не раскрытым статьям всяков много. Будут просить тебя, чтоб взял парочку, мол, больше трояка по одной статье всё равно не получишь. Так что, молодой, готовься.

Почему-то вспомнилась младшая сестрёнка Верка, осенью в первый класс пойдёт. К материному письму приписала печатными буквами строчку: «САШКА ПРИЕДЕШЬ НА КАНИКУЛЫ ПРИВЕЗИ МНЕ ВКУСНЫХ КОНФЕТ». «Блин, как даже стыдно перед сестрёнкой, не порадовать её никак», – подумал Санька, отвернувшись лицом к камерной стенке. Сокол уже в дальнем у стены углу чем-то руководил. Татарин с куском зеркала в руке через глазок держал на контроле коридор, дежурного. Было понятно, что там что-то скребли в стене. Не любопытствуя, по-прежнему глядя в стену, с правильной как ему думалось мыслью: «Меньше знаешь, крепче спишь». Эмоций на сегодня и так много. Вспомнил одноклассника Женьку Богатырёва. В школе ещё с дружкой они тоже ограбили одного из деревни. Сняли с него водолазку и денег немного, копейки, в принципе. Сначала их посадили, через два месяца выпустили по суду, два года условно. Когда вышли после суда, героями стали, все девчонки за ними бегали, особенно за Женькой Богатырёвым. На

гитаре он пел и играл хорошо:

Милый город Саратов
Промелькнул как в тумане.
От любимой девчонки уезжал паренёк
Не по собственной воле, а по воле закона,
Уезжал далеко, далеко на Восток.

Так что есть даже и преимущество отсидевших.

Сегодня настроение было уже куда лучше, чем вчера. Какая никакая, но уже ясность. Трояк, дак трояк. Отсиджу его, не пропаду, да и сидеть уж не так и тяжело, лежи себе на нарах да полёживай. Кормят вовремя, отсиджу да по новой поступлю куда-нибудь. Для одноклассников армия, школа, для меня зона. На будущее умнее буду, в такие авантюры ни шагу. Татарин резко отошёл от двери и сказал:

– Всё, кормить будут сейчас! – и стал на свободных нарах делать импровизированный стол. Вместо скатерти постелил газеты. Из пакета выложил, наверное, ещё вчерашний хлеб, кружки. Сзади скребущие стену попритихли: обед как в армии – по расписанию, свято. В такт всеобщей настороженности на входной двери открылась широкая кормушка, в которую пухленькая девишья ручка подала алюминиевую чашу с хлебом.

– Зухра! – окликнул её лысый татарин. – Кинь сеансик!

– Не... – убедительно отказала в просьбе татарину разносчица хлеба. – Кота люблю!

Позже Санька узнал, что такое «сеансик»: девушки-сидельцы при разносе пищи по камерам показывают своим возлюбленным через кормушку свои голые части тела, даже украдкой дают потрогать. А это для арестанта много. Естественно, за это девушка получает «грев» в виде конфеток, «пшеничных» сигарет или других камерных сюрпризов. Есть по-прежнему не хотелось. Давила на организм тюремная грязь, серость, гуляющие в душе страсти. Сокол оценивающе посмотрел на Саньку, после чего сказал:

– Давай вниз, получай свою законную пайку.

– Не хочу пока, – чуть смущённо отказался Санька. – Пусть кто-нибудь её возьмёт!

– Смотри, дело твоё, – проговорил татарин. – Мы-то её съедем, дело не в этом. Жрать-то всё равно захочешь!

– Сам знаешь, – слышался голос ещё одного персонажа камеры, звали которого Карлик, – первоходы некоторые и по десять суток поствуют. Зато потом жор на них нападает, нары грызут.

Тюремный пищеблок отоваривал своих едоков. Всё те же пухленькие ручки подавали чашки с первым блюдом, а с одной из них подала свёрнутую карандашом записку.

– Соколу, – едва слышным голосом произнесла девушка. В ответ через кормушку Сокол положил в карман её цветастого халата ответную записку:

– Коту, – пояснил не похожей на экранную Зухру законспирированной почтальонке адресат послания. На тюремном жаргоне такое средство обмена информацией называется «ноги».

Не витал в камере аромат борща. Более того, блюдо излучало из себя запах сырого овощехранилища. Светло-розовая жидкость виднелась в чашке, украшали которую два кругляшка морковки, кой в каких чашках виделось по кусочку картошки. Не спеша, с достоинством сидельцы брали миски казённого супа, ложки, хлеб. Молча, думая о чём-то своём, кушали свою пайку. Кормушка открылась вновь, и сидельцам подали второе – кашу, в которой проглядывались кусочки мяса и лепестки вареного лука.

«Это-то ещё ничего, можно есть», – про себя подумал Санька. Вылез из-под нар и наш каннибал. Повернувшись ко всем спиной, лицом к двери, смиренно поглощал свою тюремную пайку.

Завершил трапезу поданный чайник чая. Всё это так, тюремная жизнь похожа на ту, что за решетчатым окном. Ведь и там и тут это и есть жизнь. Вот только за окном с решёткой она посмирней, без страстей, мирской суеты. Ты один тут в хороводе мыслей мечтаешь о свободе. Только тут ты начинаешь переоценку жизненных ценностей. Закончив трапезу, сидельцы стопкой сложили посуду, которую тут же забрали через ту же кормушку. Наш каннибал налил себе кружечку чая и залез под свои нары. По нему было видно, что не особо-то его и тяготило политическое меньшинство, а место

под нарами ему нравилось. И там, видно, он чувствовал себя в безопасности. И там был хоть и маленький, но его дом.

– Ты давай не катай! – обратился к Саньке татарин. – Тут все гружёные, по тяжёлым статьям идут! А ты лёгкий, лежи да отдыхай, не грузись. Айда, чайку попьем, за жизнь поговорим... давай вниз! – дружелюбно мотнул головой татарин.

«А что, поболтаю, – подумал Санька. – И парень он ничего, не вечно же на нарах лежать. И тут друзей заводить надо». Улыбнувшись в ответ, Санька привстал, с высоты своего второго яруса осмотрел место своего приземления, после чего осторожно спустился вниз. Татарин сидел уже на своём месте и своей бритой головой кивнул Саньке:

– Садись!

С приветливой улыбкой на лице Санька присел на аккуратно заправленные нары авторитетного сидельца.

– Во! – обрадовался татарин. – Курить будешь? – спросил он и вальяжно достал из своего торбазка сигаретку с фильтром.

– Не... не буду, – отказался Санька.

– И правильно, – согласился татарин, – я вот курю с десяти лет, кашляю так, что иногда кажется – лёгкие наружу вылетят. – И глянув на Саньку, продолжил: – Ты особо не катай по своей теме, у тебя всё ништяк будет по жизни и больше сюда ты не попадёшь. У меня вот только катит наперекосяк всё да через тюрягу.

Татарин говорил тихо и вкрадчиво, уверенным голосом. Будто бы купол защитный накрыл две горемычные головы, говорящие по душам, как у церковного алтаря на исповеди. Действительно, Санька был чист душой, в помыслах, как та девочка лет десяти: «тонкая без предисловия книжка». И конечно же, это притягивало душу отпетого уголовника, у которого, если говорить откровенно, с пафосом, – блеснуть яркими гранями благородства, порядочностью, не было! Наоборот, осужденная народом жизнь, построенная на эгоизме и поступках, краснеть от которых – это самое малое. Вы упрекнёте меня за то, что я не считаю их жизнь за жизнь? Или тюремщики люди из другого мира? Ан нет! Не соглашусь я с вами лишь только потому, что есть своё мнение. Ведь жизнь есть везде жизнь: и на войне в окопе, и в тюрьме,

и на рисовых полях, где солнце жжёт и жалит гнус, надсмотрщик с кнутом в руках орёт... А помните галеры, где рабы прикованы к веслам?! И скажете, что там не жизнь? Испытания, которые порой встречаем мы на своём пути, называем мы жизнью собачьей, но это не так. Испытание – это и есть путь, путь к славе, триумфу. Вот вам легендарный Спартак, военачальник Котовский, да мало ли... Не важно какое оно... испытание. Важно пройти его, по максимуму выбрать из него плюсы, далеко отбросив уныние, гнев, другие слабости рода человеческого. А теперь вернёмся вновь к героям нашим.

– Я первый раз попал в тюрьму вообще по глупости, – объяснял татарин. – В Увате жил, ровесники мои учились в десятом классе, а я учиться со всеми в школе не мог, – сморщился от нахлынувших воспоминаний татарин, – не шла мне школа. И на работу не брали никуда. Ведь маленький я, посмотрят на меня начальники – и до свидания! А жить-то, Саня, хотелось мне. По деревне в то время ходили мужики с бензопилами, помнишь же?.. Бензопила «Дружба», бензопила «Урал». Дрова пилили всем – шабашки были. Цепи навешают через плечо, бензопилу на спину... Я так завидовал им, Санька, если б ты знал. Мечтал я просто иметь такую пилу или даже две и людям пилить дрова. Хоть и за деньги. – Поправившись, татарин оглянулся, подумав чуть, добавил:

– Трудовые деньги не запахло. Работать ведь!.. Как-то раз я перебирал на торговой базе гнилые овощи: картошку, свёклу, морковь... Товаровед Галка, жирная такая, а кликуха «София Ротару», как поддаст, так её песни поёт... Иди, говорит мне, надо машину побыстрее грузить у склада напротив. Ну что, моё дело маленькое Саня, куда пошлют, туда иду. Давай грузить машину. Там мужик был такой же маленький как и я. Вот и грузим с перекурами. Носим потихоньку рубероид, краску, гвозди, короче, хозтовары. Галка Ротару папиросы курит, с нас глаз не сводит, думает украдём что. А там что украдёшь, ящик гвоздей что ли? Дак их же незаметно не унесёшь, тяжёлые ведь! И тут гляжу Саня, б... буду, в углу склада стоят две новенькие бензопилы, промасленной бумагой обёрнутые. Как увидел их, всё, накрыло меня, сразу решил, что мои это! Я краску в машину несу, а сам на них

поглядываю. Вижу: в углу склада доски на улицу просвечивают, а с той стороны овраг. Вот тут меня ещё раз и осенило! Ночью приходи, доску ломиком отогни и выноси всё, что унесёшь. Мне-то всё не надо было, бензопилы только.

– И что, унёс? – с иронией спросил Санька.

– Унёс... – грустно ответил татарин. И продолжил историю свою дальше. – Машину, короче, мы догрузили уж поздно, когда стемнело. Когда стемнело, зима на улице. Иду домой по тропинке, а в голове пилы. Вот заберу со склада их, думал я, полежат месячишко в сарае и переправлю их в Тобольск, там бабка моя жила. И всё, Саня! Хозяин судьбы я! Ходить буду, людям дрова пилить буду. Копейка заведётся, с хорошими девчонками в кино ходить буду, покупать фентиклюшки разные, человеком стану, во... – аж встрепенулся от нахлынувших эмоций татарин. Санька, с детства живя на Севере, знал, что такое распиловка бензопилами брёвен. Жужжит пила, опилки летят, нравилось вдыхать сладковатый дым работающей пилы, аромат дерева. Есть что-то в этом такое. Татарин же на размышление время не давал, повествуя свою историю дальше: – Сначала хотел забрать их следующей ночью. Только лёг спать, как подумал: а если их днём продадут – и всё ведь! Где я потом их возьму? Помнишь ведь время, когда всё в дефиците было. Одедся я, а жил-то от склада недалеко, через овраг и чуть наискосок. В уме схему склада знал наизусть. В кладовке взял ломик – и туда. Нашёл те доски под складом, на небе Луна – всё видно, – мечтательно вспоминал татарин. – Без труда отогнул плаху, распёр её ломиком. Снял фуфайку и всё: уже сижу в складе как толстушка София Ротару. Темно там сначала было, посидел чуть, глаза привыкли, огляделся, ага, вот они. Аккуратно одну, потом другую спустил вниз и всё, казалось бы! Только бидон пластмассовый, ручка такая удобная, на бензин, думаю, как раз пойдёт. А в ней олифа была. Дай, думаю, возьму, дурак.

– И?... – не выдержав, спросил его Санька.

– Ну и взял... – трагично выдохнул из себя татарин. – Вылез из склада, плаху ту на место приткнул. Даже не заметили бы, что она отжимается. За три ходки всё стаскал в сарайку – и спать. Сплю. Утром слышу, в дверь бомбят, от-

крываю – менты. София Ротару с ними, в стороне папироску свою курит. Мент меня за плечо и на улицу.

– Как вычислили-то? – спросил Санька.

– Да как, – уныло продолжил татарин, вновь в душе на-верняка переживая тот нелюбезный момент жизни. – Олифу-то, когда вниз опускал, канистра чуть треснула, олифа и потекла. А ночью ведь этого я не заметил. Капельки на снегу в сарайку и привели. Пожадничал я, Санька, не взял бы олифу и всё – делюга б моя была.

– Что потом? – спросил Санька.

– Потом трояк, – вздохнул татарин. – Вон партак видишь?

– Ну!?! – хмыкнул Санька.

– Вход в зону через малолетку называется. Год на малолетке в Краснотуринске, два – в Нижней Тавде. От звонка до звонка. Освободился, приехал в Тобольск к бабушке. Думаю всё, больше туда ни ногой. И так бы оно Саня было, если б опять не случайность.

– Подставил кто-то? – перебил его Санька.

– Не... – отмахнулся рукой татарин. – Судьба злодейка. Короче, в Тобольске родственники мои подсуетились и на курсы устроили. Я там месяц отучился, корочки получил «машинист-кочегар котельной, работающей на твёрдом топливе», – чуть даже с гордостью, произнёс татарин. – В больнице в котельную на работу приняли. И платили хорошо, не доставал никто, в душу не лез. Отстоял смену – и домой. Сутки через двое душ был. В городе как-то встретил одноклассника своего, он в училище в Тобольске учился на рулевого-моториста. Короче, на пароходе плавать будет. Разговорились, школу вспомнили. День рождение, говорит, у меня завтра. Приходи в общагу, отметим. Ну всё, я брючки отгладил, рубашку, свитерок, всё в ажуре, подарок прикупил. Прихожу в общагу: стол, девчонки, парни. До этого не бухал как освободился, а тут девчонка возле меня, в этом же училище учится. Роза зовут, на повара училась. Я раз пропустил, два пропустил.

«А вас как зовут?» – спросила она меня. Вот как сейчас... она перед моими глазами стоит, – сказал татарин. – Я представился ей, а какая, Саня, она была красивая! Коса чёрная, толстая, джинсовый сарафан. Стали все танцевать и она

вышла, с неё глаз никто не сводил. Снова села возле меня, спрашивает: «А почему вы не пьёте?» – «Не люблю», – ответил ей я. «А со мной «красенького?»» – глядя в глаза мне, спросила она.

– Ну что? – искренне смотрел на Саньку татарин, – сделать с собой я уже ничего не мог. Налила она мне с полстакана какой-то вермут, потом ещё один и ещё, стал болтать с ней. Ты знаешь, Саня, школа, первый срок, я до того момента ни с одной девчонкой не знакомился. А тут Розка эта. Я как под гипнозом с ней. Ничего не понимал, только головой кивал ей, да поддакивал. Выпивал, когда наливала. Ей нравилось, что я поддаюсь ей. Дело к вечеру шло, пьяный был уже я. А она возьми да говорит мне: «Пошли в кино, а то парни уже совсем пьяные!»

Я, конечно же, согласился, правда, у самого всё в глазах хороводом ходило. Оделись мы, вышли. Она подзадоривает меня, говорит:

«В тебе сила такая есть внутренняя, что с тобой и не страшно». Я, конечно, от таких слов и горы готов свернуть был. Зашли в магазин, лимонада по одной купили, потом в кассу и вот в ряду пятом с краю сидим. Журнал начался, сушняк давить начал, я свой лимонад выпил, кино началось. Чувствую, что усну к концу фильма. Впереди меня мужик сидел, башка лысая, сам здоровый как бык. Кино идёт, я поморгал чуть и вырубился. Слышу сквозь сон, толчок мне в плечо, больный такой. Глаза открыл, вижу – лысого дело. Розка, раз и руки мои схватила, сиди, мол, не дёргайся. Посидел я и опять уснул. Во сне, видно, возьми и всхрапни опять. Чувствую – пятерня чья-то меня за лицо схватила, да так больно, что из глаз потекли слёзы. И высвободиться не могу. Глаза приоткрыл кое-как, и то один, вижу, тот лысый. Не знаю, но рука моя взяла пустую бутылку из-под лимонада и по башке лысому тресь! Отпустил меня он сразу, потом на пол упал, заорала баба, включили свет – и всё, опять тюряга, Саня! Пятёрка... пять лет. Тот лысый оказался инструктором райкома партии. А я уголовник, хоть и бывший. Ведь была «обоюдка»: мне пять, а ему как «терпиле» – санаторий. Вот так-то. Розке потом письмо писал, ответила она, так сухо-вато. Потом ещё три раза отписал. Видно, замуж вышла, и

потерял её из вида совсем. Да и зачем? В Сургуте пятёрку и оттоптал. Короче, Сань, прям наваждение какое-то кто-то на меня напустил! Приезжаю в Тобольск, родственники мои тут же подсуетились, устроили в ту же котельную, ну всё, думаю, житуха началась! Месяц отработал, зарплату получил, одежду новенькую купил, не посчитай за фраера, парень короче что надо. Звонит тётка, говорит: «Приходи, говорит, давай вечером, хороший мой, юбилей у меня сегодня!»

Что говорить, а тётка у меня по материной линии Рая ништяк, нянчится со мной как со своим: и грёв в зону зашлёт, сейчас вот адвоката городского наняла. Конечно, вечером я оделся, наодеколонился, и, как просила, в семь вечера я у неё. Захожу, а у неё в гостях деваха! Крупная такая, красивая, цепь золотая на груди лежит, в ушах серьги крупные такие, в виде улиток. Платье, а осанка! Ты б, Саня, видел! Поглядел на неё, сразу решил: не... не по мне эта барыня! А она увидела меня, глаз с прищуром, привстала чуть:

«Гуля, – говорит! И чуть улыбнувшись, добавила: – Можно Гулечка!» И сдвинулась чуть к краю, тем самым указав возле себя место. У меня по спине мурашки побежали, в голове каша, а она – то салатик мне подложит, то мяска...

– Не бухал? – перепросил его Санька.
– Не, – аж испуганно положил ладошку на грудь татарин.
– Аллахом клянусь – не бухал! Даже и мысли не было!

Слушая его, Санька невольно ловил себя на мысли, что ещё позавчера страшная, грязная, вонючая камера, постепенно приобретала уютный вид. А тюремщики – это нормальные парни, ничем не отличающиеся от нас, по нелепой случайности, например, как татарин, оказались здесь на нарах.

– Ты знаешь, Санька, мне так понравилось в компаниях не бухать, пирога рыбного поел и торта. Кстати, первый раз в жизни. Разговаривали. – И сморщившись чуть, поправился: – Бабы, правда, я так, поддакивал да подмигивал! Короче, сидели, а сам смотрю, Гуля улыбается мне, то плечом прикоснётся, то ручкой погладит. И тётка то и дело меня хвалит. А после Гулю, короче, сватья та ещё оказалась! Муж был у неё, у Гули, от рака печени помер, три года как уж прошло. Говорит, шабашником был, бригаду сколачивал и ездил по

северам. А детей так и не завели. Когда время подошло расходиться, тётка и говорит: «Ну что, уважаемый, давай, провожай невесту!»

– Сань... – жалобно произнёс татарин, – б... буду, я и так бы её проводил, но женихом названным быть, так в падлу было! Гуля-то встала с места, гляжу на неё и думаю:

«Мама родная... я ростом-то чуть повыше плеча её буду». Провожать, так провожать. Идём с ней, а в голове испуг, вдруг, думаю, в кино позовёт, не, тогда развернусь и домой! По кинам после того случая я ни ногой. А она, Сань, умнее оказалась. Под ручку меня цоп, и давай по городу таскать. Всё выспрашивает у меня про жизнь. «Что делать собираешься? Какие планы на жизнь?». А я откуда знаю, что буду завтра делать. Посадят вот, и опять сидеть буду, а не посадят, так кочегаром и буду молотить. Что теперь поделаешь-то?

– Ну и что сказал ей? – поинтересовался Санька.

– А я что, – замялся татарин. – Мямлил ей что-то, глаза закатывал, соглашался, поддакивал, только одно говорил ей: «Жить хочу!».

А она возьми приостановись, да спроси:

«А со мной стал бы жить?»

Я рот открыл свой да обмер. А сам про себя думаю, вроде не пила, а несёт, с чаю, что ли? А она и слушать меня не хочет, под ручку дальше тащит. А я иду и смотреть на неё боюсь – красотища-то непомерная. Короче, уже ночь была, подгребаем к её дому, гляжу, а там домина-то какой... за ворота заходим, а там двор громадный, одних поросят около сотни держит. Два десятка лошадей, мясное направление – колбасу делает. Я, короче, совсем сник, увидев это. У меня кроме штанов да рубахи ничего нету, а у неё целый совхоз, только личный. Заходим по ступенькам на веранду, кладет она ручки свои мне на плечи и говорит: «Не знаю, что сегодня со мной, но с ума ты меня свёл – это точно».

У меня ноги подкосились, дыхание спёрло, а что дальше было, ты сам понимаешь. Про это, Санька, бакланить я не люблю. Скажу только тебе, что она была первая женщина в моей жизни. Просыпаюсь утром, сам понимаешь, настроение ништяк. Она давно уже на ногах, по дому ароматы готовки веют. Я встал, умылся, она ко мне: вьётся вокруг, ластит-

ся. Смотрю, на кухне беляшей тазик наворотила, пирожков с брусникой. Во, думаю, началась житуха, с чайком поел всё это. Она мне говорит:

«Поросёнка надо сегодня забить, заказ поступил, поможешь?» Ну а я что, конечно, помогу. И так, Сань, пошло с ней, домой от неё сходил раз только. За барахлишком своим, а барахла-то моего – два покета и только. Всё моё приданое. Как-то пошутил ей: «Остальное в тюрьме, хозяину подарил». Полтора месяца прожили с ней, я в хозяйство её врубился, даже интересно стало, с котельной уволился. И говорит она мне:

«Беременная я, рожать буду». Для меня это как гром на небе. Смотрел на неё и думал:

«Зачем я тебе? Ты яркая, статная, красивая, богатая. А я кто? Худой тюремщик, ни стати, ни вида». У неё и связи, и деньги, и авторитет. Такие дяди к ней приезжали, она им свёрточки да кулёчки, отборные вырезки, молоко козье, кумыс. Сокол сказал мне:

«Мужика в тебе она увидела, да в постели, видно, пронял хорошо ты её».

Татарин, сделав в своём повествовании паузу, заволновался, после чего смиренно продолжил свою историю вновь.

– Видно, кто-то свыше определил, что сидеть мне всю жизнь надо. Дело летом было, приехал ветеринар на фургоне, комбикорм привёз. Он ей и бумаги на мясо делал, и скотине прививки, короче, дела «подмучивали» они вдвоём. Он мне с первого дня не нравился. Даже летом в кирзовых сапогах ходил, красивые такие, с замком крупным. Но они у него всегда в дерьме были. По-нашему это «чёрт». Здоровый, здоровее её, рыжий, наглючий. По её двору как по своему дому ходит. Давай мужики комбикорм в склад выгружать, я считаю, всё как обычно, только смотрю, последние мешки оказались не те: два с сахаром, три с мукой. А они в дом пошли бумажки оформить. Я бегу в дом, спросить куда сахар, да муку... В веранду забегаю, а там картина такая. Он к входной двери спиной упёрся, а она к нему спинкой прислонилась, головку свою ему на плечо закинула и млеет. Он руками обхватил её и титьки теребит. Идиллия такая, не поверишь Сань. Понятно стало – с ним у неё любовь, а я так,

для официоза. Думаю, надо шмотки забрать и валить отсюда. Подхожу к ним, чтобы в дом-то войти, а они оторопели, стоят онемевшие. Я плечом со злости возьми да толкани их от двери. Ветеринар, да и они оба настолько меня презирали, что толчок за оскорбление приняли. Ветеринар, короче, хватает меня да как мотнёт по веранде. Я под стол как тюфяк лечу. У стола ножки ломаются, ветеринар летит на меня и ненавистным голосом рычит:

«Тебя, козёл, сейчас в котле с комбикормом сварим и свиньям скормим». И со всего маха коленками мне прыг на грудь! Дыхание спёрло, в глазах потемнело, когда падал, отвёртка валялась рядом. Помню, как схватил её, а потом – ветеринар лежит, кровяца изо рта его хлещет, она в «скорую» звонит. Короче, попал-то в лёгкое. А он недельку на больничке покочумал и крикнул. Мне и статью тяжёлую вменили сразу. Вот так-то, Саня, бесплатное счастье только в сказках бывает.

– И сколько тебе сейчас светит? – спросил Санька.

– А сколько... – поперхнувшись слезой, произнёс татарин. – Могло бы и ничего, превышение самообороны, да и только, но! Тот ветеринар, перед тем как лапы двинуть, показаний против меня понадавал. Эта от меня отказалась: «не видела, мол, из-за чего они сцепились, во дворе была!» И получается, что с учётом ранних судимостей «десяра» светит как минимум.

– Ну что, хорош кипищивать, на opravку пойдём, – бодрым голосом произнёс Сокол. В такт ему, полязгав засовами, дверь открылась, в которую со свёртком под мышкой шагнул в коридор Сокол.

– Пошли, – кивнул головой татарин, и цепочкой все пошли на opravку.

– Ух... – выдохнул Санька, вдыхая прохладный воздух тюремного коридора, в конце которого широкий проём, куда и шёл первым сутулый Сокол. За проёмом комната, в которой приподнят потолок на полметра и видно небо. Шестиочковый постамент для нужд, воды две бочки и три ковша. Последние двое внесли бачок с парашей, содержимое которого слили в туалет, после чего пяток ковшей воды в него, ополоснули, вылили, и всё – параша готова вновь принять

к себе гостей. Часть сидельцев заняла места на высоком постаменте, другая принялась за водные процедуры. Умывальников в тюрьмах нет, видно отсутствие их – это один из процессов перевоспитания гражданина через унижение. Но ладно, Сокол из ковша набрал в себя воду и струйками выливал её себе на ладошки, смачивал ею волосы, спину, растирал водой грудь. Вода, баня, удовольствия – радость, наверное, подаренная нам Господом богом. В тюрьме вот только на это отведено всего десять минут. Но успели ребята, успели! Облиться, обмыться, освежиться, оправиться. И под пронзительным взглядом дежурного офицера назад, в камеру. Понуро шагал и Санька, знал теперь и он, что такое оправка и кусочек неба в приподнятом потолке, и глоток свежего воздуха. Оправка хоть чуть и взбодрила, но история татарина так и стояла в голове:

«Как так, – думал Санька, – неужели непонятно, что это случайность, и он не такой, чтоб его надолго упрятать в тюрьму?» Эмоции были таковы, что предложи прокурор разделить напополам татарина срок, Санька б разделил не задумываясь. Каннибал успел в камере помыть пол, стало свежо.

«Неужели женщины все такие опасные, как Гуля эта или, например, Роза? От которой татарин потерял ум. Девятнадцать лет мне, а девушки так и не было. Как-то не шли они со мной на контакт. Новые отношения переходили в дружеские, да и побаивался разводить любовь. Как-то считал, что любить – это унижаться. С другой стороны и хорошо, сейчас бы лежал и переживал за свою любимую, как парни эти, соседи по нарам. Эх, побыстрее выпутаться бы из истории этой, да забыть про всё», – который раз вздыхал Санька.

Летит камерное время, летит, как и вся жизнь наша, как поезд скоростной иль самолёт в небе... Только вот было утро, как уже и ужин – открылась в двери кормушка, в камеру подали чайник, кружки, сахар, хлеб. Одним словом, хлеб насущный, который камерники принимали как должное. «Можно было бы и перекусить, но потерплю последний день, – принял решение Санька, явно ощущая в себе чувство голода. – А завтра с утра отужинаю». На соседних нарах лежала газетка, спать не хотелось и Санька взял в руки изрядно потрёпанный листок Тобольской периодики. Время

ведь убивать надо! Мужики брякали кружками, проводя вечернюю трапезу, вкладывая глубокий смысл в трапезную церемонию. Покрутив замусоленную газету, не найдя в ней ничего, на чём можно было бы остановить мысль, отвернулся к стенке и всё-таки уснул. Тем самым утихомирил без конца блуждающие в уме страсти. Что говорить, молодость! Она легко примиряется с лишениями, с теми или иными событиями. Адекватно и безболезненно реагирует на то или иное событие, как летний дождь, неожиданно сваливающийся на нашу голову, а потом также неожиданно прекращающийся. Жизнь этим временем в камере шла своим чередом, ставя во главу угла информацию, её поиск. Информация об этапе, информация о дате шмона, информация друг о друге. И наконец-то надежду о свободе, самое жданное, самое дорогое, ради которого узники готовы перешагнуть сквозь многое.

– Ништяк! – сквозь сон услышал Санька приглушенный голос Сокола. – Сошлись, давай хлебный мякиш, залепим.

Это значило, что стена проточена рукоятками от ложек и её нужно залепить хлебным мякишем, чтоб её не заметили при осмотре. Отверстие нужно ещё затереть цементом стены. И дорожка к общению в соседнюю камеру открыта.

Дело пошло, замаял кто-то хлебный мякиш, Сокол же решил запарить чифирия.

Не будет преувеличением сказать, что в тюрьме все крутится вокруг чая. Даже если в хате полная чаша, но нет чая – все равно такое состояние будет названо «голяк». За годы пребывания в тюрьмах некоторые так привыкают к чифиру, что продолжают его пить и на свободе. При резком прекращении приема чифириста ломает так, что он готов отдать все за щепотку волшебных листочков. Без чая нет настоящего общения. Все важные вопросы решаются с кружкой, идущей по кругу. Сидящие кольцом на корточках зэки с кружкой чифирия – символическая картинка тюрьмы.

– Накатай мыла, – протянул татарину Сокол кружку.

– Ага, – кивнул головой татарин и с усердием принялся за порученное ему дело. Санька, подперев подушкой тёмно-серого цвета голову, внимательно наблюдал за тем, что придётся увидеть, а вдруг и попробовать. Татарин, поймав

любопытный взгляд нового друга, добродушно пояснил:

– Потом гарь будет легче стираться, увидишь сейчас!

Заваривают чифирь следующим образом: кипятится вода, затем сразу сверху высыпается заварка. Важно, чтобы воды была почти полная емкость – как раз столько, чтобы высыпанная сверху заварка полностью эту емкость заполнила. Все это накрывается и ни в коем случае не перемешивается – чай должен пропариться. Время ожидания – около 10 минут. Признаком готовности является опускание листов на дно. Говорят, чай «упал» и чифирь готов.

Забыл сказать вам, дорогие мои, как кипятится вода – способов много, но самый распространенный из них вот такой:

Высшее мастерство – это накипятить воду с помощью одной газеты. Эффект заключается в умении сворачивании газеты, чтоб из неё изготовить экономичный факел. Газету надо скрутить в трубку диаметром приблизительно четыре сантиметра, то есть приблизительно так, чтобы она легко умещалась в руке. Один конец поджигается, эта горящая труба держится вертикально и горит как огонь на газовой плитке. Таким методом достигается сильная тяга воздуха внутри трубы, обеспечивая большое количество кислорода, сама же бумага горит медленно. Пепел периодически стряхивается в кружку с водой, чтобы не оставлять следов и не было дыма и запаха.

Правда, одной газеты иногда не хватает, если использовать ее еще без одной хитрости, тогда результат гарантирован. Для этого используется еще и полиэтиленовая пленка, которая получается обычно из разрезанного пакета. На ровную поверхность ложится развернутая газета и поверх неё расстилается полиэтилен. Затем всё это сворачивается в трубку и используется как рассказано выше. Горит такой факел несколько минут, и его вполне достаточно для закипания кружки воды.

Не торопясь, отточенными движениями, во благо сидельцев, Сокол и татарин профессиональными движениями под одобрительные взгляды сидельцев творили действие, которое вот-вот должно было встряхнуть застоявшиеся души, разогнать мысли, построить новые планы на будущее, сводящиеся в одно: «Освобожусь, женюсь, лягу на дно! И в зону

ни шагу». К сожалению, у большинства планы реально воплотились лишь только в мыслях. А ноги неумолимо вели в тюрьму, от сидки к сидке.

Вот закипела вода в кружке. Сокол передал своему ассистенту горящий факел, татарин же в «обратку» – кулёк с чаем. И не только татарин, за каждым движением Сокола наблюдали все, ибо конечный продукт – это не только пищевой десерт после ужина, но и прекрасная добавка к общению и размягчению уж слишком покоробленных душ.

– Во! – довольно произнёс Сокол. – Пусть запарится, – и чуть отошёл от заряженной чаем кружки, заботливо прикрыв её алюминиевой чашкой. В камере началось оживление. На двух нарах, что напротив друг друга, закрутили матрасы – получились две лавки. Татарин ликвидировал остатки факела, через осколок зеркала оглядел тюремный коридор и облегчённым голосом объявил:

– Моряк заступил сегодня! Всё будет нормально.

После Санька узнал, что моряк – это дежурный по ИВС, под курткой которого всегда виднелась тельняшка. Вот и всё – кто на нары, кто на корточках, кругом расселись пацаны. Татарин аккуратно снял с емкости алюминиевую чашку и отлил в белый пластмассовый стакан тёмный, слегка просвечивающийся напиток.

– Каннибалу налей, – поставил перед Котом горячую кружку татарин. Каннибал в ожидании уже выставил из-под нар персональную кружку.

– Пусть хапанёт тоже, – одобряюще произнёс Кот. И из всех сил, стараясь не прикоснуться к посуде опущенного, из общаковской кружки плеснул грамм пятьдесят чифира.

– Айда! – позвал Саньку татарин. – Хоть узнаешь, что такое чифирь, – и хлопнул по свободному уголку нар. стакан с напитком чинно и плавно пошёл по кругу. По два маленьких глоточка из него делал каждый, после чего подавал следующему. Пришёл он и к Саньке. Стараясь делать как все, вдохнул аромат крепко заправленного напитка и вместе с воздухом сделал глоток, и ещё вдох, и ещё маленький глоточек, затем передал стакан следующему. Терпким комом чай остановился где-то там, у основания языка. Санька ждал: «А будет ли кайф?» Кайфа не было, была лишь только терпкая

горечь, вместо него вновь пришёл всё тот же пластмассовый стаканчик – и опять два глотка. Придавая сей церемонии особый смысл, из-под нар незаметно вышел каннибал, спиной ко всем, лицом к двери как к алтарю, на корточках вкушал свой напиток. Наверняка думая не о плохом и не о своей съеденной жертве.

– Ну?.. – поинтересовался татарин.

– Тошнит, – честно признался Санька.

– Приляг, только на спину, и ни о чём не думай, пройдёт, у всех по первой так бывает.

И Санька, благодарно кивнув всем головой, взлетел на свои нары. О церемонии приема чая говорил спазм в желудке и вязкая горечь. Вот и сердце забилось в груди, а так вроде и ничего больше.

– Слышь, каннибал... а яйца ты тоже ел у того мужика? – спросил чей-то голос.

– Не... – аж испуганно возразил из-под нар бедолага. – Это я не ел, и почки не ел, и лёгкое не трогал, и голову! – И чуть подумав, добавил: – Вот сердце съел!

– А вкуснее что? – вставил свой вопрос Кот.

– Ну, а что вкусное... – вслух стал рассуждать каннибал. – Конечно филе, и грудина хорошая. – И как бы оправдываясь, пояснил: – Я ливер, голову там, ступни, ладошки в прорубь выкинул, не ел.

– А почему? – переспросил Кот.

– Знакомый ведь, как голову есть будешь, стыдно ведь. – На полном серьёзе отвечал голос под нарами.

– А что прокурор тебе лепит? – поинтересовался Сокол.

– Не знаю... – философски заговорил каннибал, – прокурор – дяденька хороший, добрый такой. Сказал, что меня в Москву повезут в институт, изучать будут.

– Понял, – взорвал тишину татарин, – так ты у нас учёный? А как звали-то того, кого ты сожрал?

– Санька! – добродушно произнёс каннибал.

– А тебя как зовут? – пытал его Кот.

– Меня тоже Санька, – также добродушно ответил голос.

– Дак... тёзку сожрал, – заливаясь от смеха, произнёс татарин. Сдерживая смех сквозь слёзы, всхлипывала вся камера.

– Ага... – согласился вслух каннибал. – Санька, получается, что я тёзку съел.

Затукал у всех чифирь в венах. Хороводом заносились в головах мысли. Хотелось общения и каннибалу Саньке, и всем камерникам.

– Ты тёзку-то чем завалил? – слышался вопрос с нар дальних. Каннибал задумался и ответил:

– Я говорю, что не валил Саньку, а прокурор говорит, что валил – по его голове видно. Они ведь достали её с речки, – с гордостью закончил свою мысль каннибал Санька.

В диалог вцепился и Санька: не укладывалось в голове и сам факт, что рядом существует человек-каннибал, и вопрос вылетел сам:

– А на что вкус мяса походит?

– На что? – вслух задумался каннибал Санька. – Даже не знаю, – бормотал он. – Бульон как бульон, мясо как мясо. Ведь ни лука, ни перца не было, солил только – и всё.

Многое в нашей жизни определяют страсти. Случай с каннибалом Санькой – это тоже страсть, не приведи господи и вам столкнуться в жизни с такой страстью. Но у Саньки это в душе не навевало хорошее, наоборот, ощущение постылости, обречённости, чувство какого-то тупика, из которого предстояло выбраться как из какого-то чёрного непреодолимого лабиринта. Воображение, подстёгнутое чифиром, уносило души сидельцев, заставляя каннибала Саньку отвечать на новые вопросы:

– Мяса-то надолго хватило? – спросил новый голос.

– Мяса?.. – вновь задумался над вопросом каннибал Санька. Чуть пошевелив своими мозгами, вновь начал воспоминания о своей каннибальской жизни.

– Не... мяса в нём много и не было. Кишки убрал, ладошки, ступни, ливер, голову. Что там, грудинка, спина, да ножки – и тридцати килограммов не будет.

– Дак он что – лилипут? – спросил кто-то.

– Да нет, – чуть певуче вёл диалог каннибал Санька, – нормальный был, только тощий, видно, жрал последнее время мало. Бичара ведь, много с него не возьмёшь.

– А взял ты его где?

– Сашу-то? – доверчиво переспросил каннибал Санька. И

вновь сам стал вести свой рассказ.

– Он сам пришёл ко мне из города, а я в избушке жил у речки, одеколону принёс упаковку, говорил, что на свалке нашёл. Мы пили его, а потом я смотрю – а он неживой лежит. Что делать? Я думал, думал... и есть начал его.

В камере от такого повествования повисла пауза. Каждый думал о чём-то своём, о чём-то суровом, но никак не о светлом.

– Да... – проговорил Сокол, – в разведку с тобой не пойдёшь – сожрёшь в трудную минуту.

Ответа на эту мысль у каннибала не было.

Печальный аккорд вечера был сделан, каждый лежал на своих нарах, думал о чём-то своём, в мыслях стараясь найти светлые стороны жизни.

«Расскажу кому, что сидел с людоедом, не поверят ведь», – подумал Санька, ещё чуть поворочавшись с боку на бок – уснул. Сон был глубоким, не снились никакие сны, просто спалось, лишь только услышал, как заскрежетала, камерная дверь, и истошный голос, вскричал:

– Подъём, сволочи... а ну в туалет! По одному, на корточках, руки за спину!

Санька не понимая ничего, спрыгнул со своих нар в туфли, татарин, шагнув вперёд, шепнул:

– Шмон, Саня, терпи!

Обдумывать ситуацию не было времени, как все, Санька низко опустил голову и шагнул в коридор, в котором пять человек в чёрной форме ОМОНа встречали сидельцев:

– Что пялишься? – взвыл один из них и с силой ногой пнул тяжёлым ботинком в бедро. От боли оно онемело, загорелось огнём, бросило Саньку на пол.

– Вставай, тварь! – ревел всё тот же боец, и мясистой рукой за плечо поднял его на ноги.

«Как бы не ударил по второй, а то не встану», – боязливо подумал Санька, и не дожидаясь второго удара, преодолевая боль, поковылял вдоль шеренги омовцев вслед за шуплой фигурой татарина под уничтожительные угрозы фигур в форме. Удары по телу и оскорбления не прекращались, больно ломая руку, один из омовцев втащил Саньку в туалет, и поставив на колени перед очком, больно завернув руки за спину, прорычал:

– Сидеть так!

В коридоре слышно как ломали руки кому-то ещё.

– Больно же! – не вытерпев, простонал чей-то голос.

– Тебя вообще убить надо, чтоб на земле твоего духа не было! Ты знаешь что, мразь, – продолжал, видно, выкручивать ногу омоновец, – знаешь?.. – и с силой сдавил вновь...

– Больно! – с плачем от боли вскричал заключенный.

– Больно говоришь, – с натугой от физического напряжения кричал омоновец, – а людям больно делать не больно?.. – и, видно, вновь закрутил ногу...

Голос уже не кричал ничего, он просто ревел, ревел от ужасной боли и человеческого бессилия. Не выдержали нервы у другого организатора шмона, который сказал:

– Хватит его, давай следующего!

Били всех, сильно досталось Коту. Таков, видно, режимный порядок. Заключённого надо запугать и унижить, показать ему власть и силу. Шмон проводится в целях досмотра камеры на предмет наличия запрещённых предметов – карт, ножей, заточек, упомянутых кабур. Шмон проводится неожиданно, как правило, ночью, сидельцев камеры выгоняют в коридор или в туалет и проводят тщательный осмотр камеры. Не дай бог, там будет найден запрещённый предмет или проточенная в стене кабура. Проводят такую операцию, как правило, не работники этой тюрьмы, а ОМОН или персонал из другого следственного изолятора, понятно, чтоб никому не было снисхождения. Конечно же, находятся личности среди организаторов шмона с ограниченным мышлением, которые, естественно, ценятся, которым нравится утверждать свою личность перед беззащитным зеком через избиения и издевательства. Им нравится выламывать руки или ноги у человека, победно слушая вопль отчаяния. Ну что сделаешь, таковы нравы нашего общества и особенности индивидуумов. Ведь и в тюрьмах надо кому-то выполнять «чёрную» работу, вертикаль власти над человеком надо утверждать. Не будем всех обвинять в этом. Бьют заключённых единицы, но пятно чёрное ложится на всё МВД.

Тяжело дыша, семь сидельцев в туалетной комнате лицом к стене ожидали дальнейшей участи.

«Не нашли бы кабуру, – стучало в висках у Сокола, хотя

мякишем хлебным замаскировал тщательно её сам. – Хорошей жизни конец, опять суток пять карцера, и всё начинай сначала». А тут вчера ещё они разглядели в стене место, через которое можно уйти на свободу. При строительстве этой тюрьмы строители допустили брак. У плиты одной отломился угол, видно ещё при транспортировке, и её поставили, а отломанный угол залепили раствором, а что тут ещё! Подумаешь, любая стройка в России – это сплошной брак, но не при строительстве тюрьмы. И вот бетон плиты стал отторгать цементный раствор, и появилась трещина, которую легко можно было расшатать, расточить по трещине рукоятками ложек, выдавить её и уйти на свободу. Первым увидел Фирма: кому как не ему, бывшему ювелиру, умеющему из любого металла сделать любой сувенир, бросилась в глаза эта трещина в углу ИВС и разность материала стены. Он поделился об увиденном с Соколом.

Семь человек и плачущий Фирма, лбом упёршись в стену, ждали. Ждали, когда наступит конец этому шмону. Восьмого вот только не привели, и по косам в коридоре становилось понятно, что он никогда не придёт. Что говорить, бывший бомж, каннибал Санька давно от продолжительных пьянок, приёма денатурата и других гадостей потерял не только свой разум, но и здоровье. Несильный удар в живот – и у него отказала печень. Он широко открыл рот, тихо сел на пол, спокойным угасающим взглядом посмотрел вслед уходящим браткам, с кем ещё вот-вот пил чифирь, и лёг на бетонный камерный пол. Ещё пять минут судорог, и грешной души каннибала Саньки не стало.

Тобольск ты Тобольск, много ты повидал, но горя наверняка больше. А какие узники в объятиях твоих доживали дни свои последние? Пленённые под Полтавой шведы, по воле тобольских губернаторов покорно передвинули на три версты русло огромного Тобола. Словно туфельки с места на место передвинули. Цивилизация завуалировала историю Тобольска с этими шведами, как историю грубую и жестокую. Не думаю, что хотя бы один швед из Тобольска вернулся на Родину. А царственные узники Тобольска? Да и не будем ворошить невинные души падших в тобольских острогах. Посмотрим на наших героев, которые как те шве-

ды, лицом к стене в туалете ждали своей участи. Но вместе с тем процесс продолжался, центр развязки перенёсся в продол. Пререкание, укоры, поиск виновного между ОМОНам и персоналом ИВС усиливались. Виновников не было, но было мертвое тело. Вразвалочку в туалет вошёл боец ОМОНа, приостановился, зло поглядывая на всех, спросил:

– Вы били его перед шмоном?

Говорить никто не хотел, как сказал татарин Саньке:

– Я понял жизнь после первого срока, с тех пор никому не грублю!

Поэтому знали все, ответ только ему, и затрещина прилетит враз. Не услышав ответа, помедлив, боец в маске подошёл к Саньке и почти шёпотом сказал:

– Встань!

Санька как под гипнозом встал, затылком чувствуя нечеловечий глаз защитника отечества.

– Ты его бил! – утвердительно сказал боец ОМОНа.

Санька молчал: всё равно, пусть бьёт, ведь били уже Фирму, и я стерплю. Было только обидно и хорошо, что это не видят ни мать, ни отец, ни сестра Верка.

Омоновец молчал, натягивая в ожидании нерв подопечного – пусть побеснуется, задрожит, а там расколется, и, резко пнув по внутренней стопе ноги, прорычал:

– Что стоишь как на танцах, по сторонам ноги!

Санька раздвинул ноги как можно шире, зажмурив от страха глаза. По той же стопе, ботинок бойца как шилом по нерву, и выкрик:

– Шире ноги, мразь!

Хоть сказать не могу, но нашёл в себе силы, чтоб стерпеть, было больно стоять, но Санька стоял.

– Куришь? – спокойным надменным голосом снова спросил боец.

Молчал Санька, молчал, нельзя говорить с таким – на подсознательном уровне понимал он. Боец же видел, как оторопел зэк, ему захотелось играть, играть как тот кот с пойманной мышкой. Медленно поднял он руки в перчатках, положил их Саньке на голову и стал говорить:

– Сейчас я оставлю твоего поллица вот на этой стенке, ведь ты знаешь кто его бил?

— Душа забилась куда-то туда, в глазах чернота, и пусть... вот только обида, хлынули слёзы, то ли от боли, то ли ещё от чего:

— Оставляй, ведь ты надо мной, а я ведь никто, — и с силой зажмурил глаза.

— А ты молодец, — ликовал позади боец, — избил мужика, он и помер, — и силой прижал лицо к тюремной стене. Хотелось вскричать, но Санька не мог, нечем было дышать. Омоновец знал и про это, ещё подержав, сделал шаг в сторону.

Хватив глоток воздуха и громко ревя от боли, повернул свою голову и, бесстрашно глядя чёрной маске в глаза, прокричал со слезами вместе:

— Это ты его бил, я видел! — и, руками закрыв глаза, упал. Пусть теперь бьёт.

— Я, говоришь? — усмехнулся боец. — Сейчас я тебе покажу как... Встал, говорю... на колени!

— Не встану! — затравленно отвечал ему Санька. — Бей!

Разгорячено дыша, боец в чёрной форме заходил, придумывая на ходу, что предпринять побольнее к этому юнцу. Ломаются все, надо только придумать. Не было у Саньки в тот момент души, испугалась она, спряталась, было лишь болящее тело и рычащий голос бойца. Разрядил обстановку майор, он зашёл в туалет и сказал:

— Заканчиваем с ними, осмотрим, и в камеру, у нас дел ещё много, едет сюда прокурор — по жмурику.

А что, если б вас, читателей повести этой, попросить вот так, между прочим, издали взглянуть на этих семерых, в туалете на коленях стоящих, на убийц, грабителей иль просто воров, даже без тех истязаний. И спросить ваш комментарий на тему:

«А правильно это иль нет так унижать человека?» Будет ответ, не сомневаюсь, только при этом мы опустим глаза, нам — обществу будет стыдно. Хотя как и в Риме, палец главенствующий укажет дорогу вниз: «Там им место!» Но будут другие сердобольные люди, и они пожалеют нашу семёрку. И их, скажу вам, больше, чем тех, у кого палец указывает вниз.

Шмон продолжался, крайним к проёму двери сидел Сокол, специалист из администрации ИВС дёрнул за локоть его и приказал:

– На досмотр вещей! Ну, что тут? – Вот это и есть тюремный режим.

Сокол встал и пошёл в коридор, где много ОМОНа и других, кто утверждает режим. А что сделаешь?! А делать надо одно – подчиняться. Быть «отрицалой» можно, скажу вам. Но отрицать будешь ты недолго. Здоровье твоё растечётся по сквозняку на полу и карцеру, по кулакам и ногам спецперсонала. Туберкулёз, как итог, иль пневмония, да много ещё, но я не про это. Санька лежал, забыли пока про него, и боль отходила, обида осталась и злость. В коридоре кричали, пинали, толкали, травили собаку, кто-то окликал её «Анза»!

– А ну давай на досмотр, – доброжелательно приказал голос не из спецконтиндента ОМОНа. Санька привстал, руки за спину и пошагал тут же, куда ушли уже все.

– Сюда, – за локоть завёл его в комнату дежурный по ИВС. В комнате – голый стол и гражданский. Смиренно взглянув на него, Санька опустил взгляд.

– Что стоишь?! Одежду снимай, время тянешь! – ненавистным голосом произнёс тот.

Торопливо Санька расстёгивал брюки, рубашку, стягивал майку, посмотрев на трусы, снял и их. Положил всё на стол, после чего опустив глаза, как бы сказал: вот вроде всё!

– А стельки? – прорычал голос в гражданском. Вздрогнув от выкрика, Санька нагнулся, отлепил от подошвы стельки и положил на стол.

– Ты что, козёл? – налитыми кровью глазами проревел начальник в гражданском. – Тут люди сидят, а ты грязные стельки на стол, – и ненавистно глядя, приказал: – Убери их на пол, а то!..

Подчиняясь ему и чувствуя, что шмону конец, Санька взял их в руки и замер. А в голове тукало: «Побыстрей бы конец!» Начальник в гражданском осмотрел всю одежду, прощупал её и протрёс, сложил туда весь Санькин скарб вместе с туфлями и стельками и рявкнул:

– Приседать... двадцать раз!

Двадцать так двадцать – это не возле ОМОНа стоять, и как в школе, руки на вытяжку, двадцать раз присел.

Как приказчик на дворе у купца, начальник в гражданском сунул одежду в Санькины руки и приказал:

– А ну в камеру!..

«Лишь бы только пройти мимо того, что в маске, хотя будь что будет», – тикал страх в душе Саньки. Мягко ступая, не глядя выше колен, Санька пошёл в свою камеру как в материнский дом, на свой шконарь, который милостиво предоставило ему государство на втором ярусе. Краем глаза увидел – тело лежит на полу коридора, прикрытое одеялом, врач в белом халате – и это всё, что осталось от каннибала Саньки, который час назад рассказывал о своих грехах людоедских. За спиной дверь заскрипела, шаг – и вот исход шмона тюремного. Как на какой-то свалке валялись на полу матрасы, подушки, простыни, сорваны занавески, вокруг параши хаос. Наверное, это и есть режим содержания тех, кто преступил закон. Ведь не дай бог, если арестованный хоть на миг почувствует права свои наравне с администрацией ИВС. Не удержать контроль над сидящими. Вот шмон и есть публичная демонстрация силы над заключёнными. Унизить физически, оскорбить, загнать туда, «куда Макар телят не гонял», вот тогда у заключённого пойдёт исправление. Говорить не хотелось: собирали на полу превращённые в труху сигареты, прикуривали. Морщась от боли, Фирма лежал на боку, поглаживая больное бедро. Каждый глядел туда, в коридор, и про себя говорил:

«Сволочи! Да, мы преступили закон, но ведь мы не рабы... Накажите нас, но только не так, как сейчас, ведь люди мы».

Санька выглядел на полу свой матрас, поднял его, положил подушку, застелил простынёй. Потихоньку наводили порядок и все, опасливо поглядывая на коридор, так как источник опасности по факту гибели каннибала Саньки должен был вновь зайти в дверь. И он вошёл. Властный, рассерженный голос, забряцал засов и в камеру шагнул громадный как шкаф, с бровями лохматыми прокурор. Ни на кого не глядя, спросил:

– Где он спал?

Зная о его социальном статусе, дежурный по ИВС показал на нары, под которыми каннибал отдыхал, услужливо выдохнув воздух из своих бледных ноздрей, доложил:

– Вот на этих!..

Прокурор безглаголиво осмотрел нары, предметы удобств –

серую простынь и одеяло. Чуть замешкавшись, сурово спросил:

– А осмотр вещей его, простыни, наволочку смотрели?

– Нет, – опустив виновато голову, прошептал дежурный.

– А почему? – в гневе закричал прокурор. – Может, причина смерти кроется тут! Изъять всё под протокол и в дело. Что за бардак? – отчитывал милиционеров прокурор. – Может, вы тут за одно с этими? – надвигался на испуганные глаза персонала ИВС прокурор. Свита из камеры переместилась в коридор ИВСа, сотрудник в наволочку собрал вещи каннибала, дверь наконец закрылась и в камере вновь воцарилась долгожданная тишина.

– Ништяк... – цыкнул сквозь зубы Сокол, – вот это приняли они нас, гады!

Не дожидаясь ничего, Санька застелил своё место и морщась от боли, стараясь не опираться на отбитую омовцем ногу, залез на своё место. Лицо горело огнём, в ноздрях стояла свернувшаяся сукровица. Ночь так спокойно и не прошла, дёргали всех на допрос, опрашивали, лишь только под утро всё стихло. Усталость свалила всех с ног, и Санька уснул, забыв на время про свои боли. Снился сон: тихо плакала мать, осуждающе смотрела сестрёнка, уж сильно злой взгляд отца, он был пострашнее того омовца, который выдавил из Санькиных глаз слёзы. Сквозь сон слышен был приглушённый говор парней – это принесли завтрак. В нос пробрался аромат каши:

– Давай с нами! – кто-то толкнул в бок.

– Неохота, не буду... – пробормотал Санька и отвернулся подальше к стенке. Хотя, честно говоря, есть хотелось уже сильно, но состояние сна оказалось сильнее. Сильно болел нос, помятый вчера о бетонную стену. Но поспать не удалось, заскрипела замочная скважина и дежурный выкрикнул Санькину фамилию:

– На выход!

Сна как не бывало, вчерашнее испытание не заставляло себя долго ждать, сон мгновенно исчез, чтоб никого не задеть, спрыгнул на пол в туфли – и вновь коридор, руки за спину, лицом к стенке. Дежурный педантично закрыл дверь на все засовы, на все цепочки, и, тронув за плечо Саньку, сказал:

– Вперёд!

Подчиняясь его приказу, пошагал в приоткрытую дверь, из которой лился электрический свет. Дверь, за которой вчера раздевали всех догола. Глядя исподлобья и чуть с опаской, Санька вошёл.

– Садись, – произнёс человек в штатском. И не давая опомниться, продолжил: – Меня зовут Михаил Фёдорович, я ваш адвокат. – И дождавшись, когда дежурный закроет входную дверь, тихо прошептал: – Меня наняла Валерия Индриковна, она сильно потрясена случившимся и просит меня, чтоб я оказал вам, Александр, юридическую защиту.

Чего-чего, а такого поворота Санька не ожидал. В глазах опять появился симпатичный облик Валерии Индриковны, ради которой он пошёл на этот поступок и которую вычеркнул было из своей жизни, а тут... От растерянности Санька даже опешил, волна обиды и гордости пришла на смену удивлению, слёзы вновь по-предательски полились из глаз. Стараясь не глядеть в глаза адвокату, Санька плакал, в уме говоря:

«Я им ничего не сказал, Валерия Индриковна, ничего!» Адвокат понимающе делал выдержку, давая время своему подзащитному выплакаться, а когда слёзы стали сникать, продолжил:

– Валерия Индриковна плачет, как и вы, Александр, на работу не ходит, от удара вашего нет и следа, надо выходить, как говорят, из воды сухим, а путь есть только один. Эмоции и слёзы, Саша, пройдут, останется реальность со злыми следователями, которые постараются раскрутить тебя на полную катушку и ещё взять на себя то, что не совершал. Усугубляют ситуацию свидетели, которые воочию видели это. Валерия Индриковна оплатила мои услуги, и вот, Саша подпиши договор и доверенность, чтоб я защищал твои права. – Адвокат покопался в своём портфеле, достал оттуда два бланка, уточнил данные и попросил:

– Расписывайся!

Дело меняло оборот: хоть Валерия Индриковна и не стала выглядеть лучше в его глазах, но это была надежда. Внимательно прочитав спасительные строки, Санька взял со стола авторучку и расписался. Михаил Фёдорович внимательно

прочитал подписанные документы, скрепил их скрепкой и щёлкнув пряжкой ярко-жёлтого замка, спрятал их в своём пузатом портфеле.

– А теперь, Саша, по ситуации. Факт ограбления Валерии Индриковны остаётся фактом. Его невозможно отрицать – свидетели. Но его можно замазывать, убрать умысел. Ты не судим, можно надеяться на суде на условно. Я знаю Валерию Индриковну давно, женщина она глубоко порядочная и интеллигентная, и в случае, если ты даже получишь небольшой срок, будет помогать тебе и там... – Адвокат говорил, внимательно поглядывая на своего подопечного. – Тут, на мой взгляд, защиту надо строить по такой версии. Ты гулял по городу и вдруг увидел, что в руках прохожей коробочка, которая лежала в твоей тумбочке и в которой лежали предметы, принадлежащие тебе. Например, фотоаппарат и вязанная финская кофточка. Подумав, что твои вещи незаконно попали в руки незнакомки, ты кинулся к женщине этой, вырвал из её рук коробку и побежал. Вина твоя заключается лишь только в том, что ты не разобрался в ситуации и тем самым нарушил права потерпевшей женщины. А когда её узнал, не извинился, а убежал с места происшествия. Поняв, что унёс чужие вещи, спрятал коробку, чтоб в последующем её отдать. Валерия Индриковна отрицает факт нанесения ей каких-либо побоев и ударов. Иного пути нет. Вот возьми, пригодятся там, – и адвокат протянул пять пачек сигарет «Прима». – Ещё что я хочу тебе сказать: если в моё отсутствие тебя будет вызывать следователь, никаких показаний в моё отсутствие не давай, никакие документы не подписывай – это очень серьезно. И ещё: в процессе допроса, если не сможешь ответить на какой-то вопрос следователя, не бойся, заявляй о том, что тебе надо проконсультироваться с адвокатом наедине, и следователя мы попросим выйти. Кстати, есть у тебя в общежитии друг, на которого ты б мог положиться?

– Да, есть, – подумав, ответил Санька. – Юрка Низговоров, в одной группе со мной учится и живёт в одной комнате.

– Я поговорю с ним, и он подтвердит, что в твоей тумбочке была точно такая же коробочка, как и та, которую ты забрал у Валерии Индриковны. Понятно?..

– Понятно, – послушно головой кивнул ему Санька.

– Тогда вот так, до встречи, – и адвокат нажал на стене кнопку. Тут же появился дежурный по ИВС, Санька взял подаренные пять пачек сигарет «Прима» и вышел из комнаты в коридор.

– В камеру, – буркнул дежурный.

Санька шагал по тихому коридору ИВС, где ещё ночью вчера ломали суставы Фирме, где от удара скончался каннибал, где... Не назовёшь в прямом смысле российскую исправительную систему – исправительной. Больше, наверное, подойдёт название – Унизительно-Озлобительная система, против института власти. Но что сделаешь, система есть система – это есть факт состоявшийся и с ним надо считаться.

– Фу... – выдохнул из себя воздух Санька, присев на нары. – Адвокат принёс, – и выложил на общие нары пять пачек сигарет «Прима». – Подельница его наняла.

– Как фамилия адвоката? – настороженно спросил татарин.

– Михаил Федорович зовут, – ответил Санька.

– Ништяк адвокат, – сказал Сокол, – городской и кстати дорогой, так что, Санька, может тебя и вытащить отсюда.

– Ну, – кивком головы согласился Санька. Татарин на правах друга Санькиного первый взял пачку сигарет, достал одну, прикурил её спичкой, втянулся и с наслаждением выдохнул:

– Свеженькая... свободой пахнет! – Не спеша брали сигаретки и остальные.

– Ты это... – поучал татарин. – Особо-то не раскидывайся сигаретами, кинул на «общий» одну пачку, а остальные спрячь. Мало ли как повернёт у тебя, обменять на другое сможешь, на мыло или ещё на что.

– Да... потом посмотрим, курите парни, мне не надо, я не курю, – отнекивался Санька.

Встреча с адвокатом закружила мозги, мысли летали, переключаясь то на Валерию Индриковну, то на следователя, то на родителей. Всё-таки есть надежда, даже такая, что я не один, а у меня есть адвокат. Правильно, что я не рассказал про то, что она сама меня попросила отобрать у неё коробку, сейчас бы было всё по-другому. «Кимарну-ка ещё», – поймав поволоку сна, решил Санька и залез на нары. Ещё

повернувшись несколько раз, Санька уснул. Тем более, что размеренная, спокойная камерная жизнь всячески способствовала сну. Проснулся оттого, что онемело плечо, открыл глаза, повернул взгляд на правое предплечье и увидел на нём малинового цвета клопа. Тот на правах хозяина насосался до отвала крови, и, видно, от переедания осмелел настолько, что не хотел даже покидать свой «обеденный стол». Он сидел на плече и молча смотрел сытым взглядом. Казалось, что Санька у него рассмотрел даже глаза.

«Уходи...» – мысленно попросил Санька.

«Не... мне и тут хорошо», – нагло возразил ему клоп. Убивать не хотелось, лопнет как капля крови, да вонь разнёсётся. «Лети ты как парашютист», – сказал мысленно ему Санька, придвинул плечо к краю и стряхнул его вниз.

Кормушка открылась – обед. Оживление в камере, сглотив слюну, зашевелился и Санька. Честно говоря, сильно хотелось есть, не зря говорят: голод не тётка. Два дня наблюдений за нравами и обычаями жизни в камере верно подсказывали правильные действия. Санька спустился вниз, набрал в рот из кружки воды, ополоснул ей руки, лицо, смочил волосы. Теперь всё, имеешь права сидеть рядом с участниками камерной трапезы. На первое – суп, несколько кусков картошки, какое-то подобие капусты и безвкусный бульон. Второе, правда, походило на более-менее съестное. Лапша, политая подливом, и кусок рыбы, сильно отдающей запахом моря. На третье – чай. Молча поев, Санька сложил в общую кучу посуду и сел в сторонке. Спасибо и на этом. Незаметно в память вкралась северная ностальгия по таёжной кухне. Лося в своей жизни Санька добыл один раз. Зима была, ноябрь. С винтовкой малокалиберной «белковал». День был плохой, белка лежала в гайне, с утра удалось добыть пару штук, и как говорят – ноги гудят, а в рюкзаке пусто. Приостановился на лыжах перевести дух, как под яром из-за талового куста появилась чёрное туловище лося. Забилося сердце: лося приходилось видеть и не раз, но чтоб вот так – впервые. Добыть, забилося сердце – добыть. Но глаза растерянно бегали от мелкокалиберной винтовки, которая используется для охоты за белкой или боровую дичь, на громадную фигуру лося, вес около полтонны. Лось, услышав опасность,

вновь навалился на куст, разросшийся под основанием холма. Расстояние до него было метров двести и нужно было определить путь подхода, чтобы дистанция выстрела была не более тридцати метров. Надежду, что получится свалить этого гиганта из малокалиберной винтовки, дал запомнившийся Саньке рассказ одного ханты, жившего на Малой Оби, Василия Непкина. Он часто добывал лосей из такой же винтовки, и Санька, будучи пацаном, с замиранием слушал его охотничьи рассказы.

– С малапульки, – так называл он ТОЗ 8, – хорошо лоси падают, попадать надо только в место, где у него рёбра, если пулька попадёт в лопаточную часть, лось уйдёт. А если в рёберную, то пулька внутрь зайдёт. В ребро попадёт, под шкуркой останется, надо успевать раза три выстрелить.

Так что теоретически Санька был подкован, оставалось только эту теорию реализовать в деле. Всё... наступил момент, когда Санька превратился в преследующее существо, охота началась. Кто кого? Лось, наделённый природой потрясающим слухом и обонянием, невиданным здоровьем и мышечной массой. И Санька, ученик десятого класса, с малапулкой калибра пять и шесть десятых миллиметра. Оба участника находились в таёжной сойме, которая за лосем практически кончалась и превращалась в таёжный ручей с высокими по обе стороны холмами, заросшими толстым кедрачом и сорокаметровыми лиственками, упирающимися макушками в небосвод. Оценивая обстановку, Санька снял с себя связку с белками, повесил её на сук, топорик приставил к дереву, чтоб не потерять рюкзачок. Вот теперь налегке. В принципе, позиция была на его стороне – ветерок со снегом дул от лося, значит, какое-то время для лося Санька будет неслышен. Если подойти к нему справа, то ветер будет уже чуть на него, и стрелять там придётся сквозь тальники – пуля может уйти. А если по речке уйти назад и по верху холма подойти к нему из-за лиственниц, то лось будет под ним. И расстояние будет максимум метров двадцать. Пожалуй, этот вариант будет лучший. Пригнувшись, на лыжах Санька скатился в речку и пошёл в обратную сторону, чтоб незаметно подняться вверх по холму. Время на охоте летит быстро, да и что говорить, зимний день на Севере короткий. Световой

день вместе с сумерками не более шести часов. Так что чей хлеб добывается днём, тому надо не спать. Поэтому олениводы и просыпаются в пять утра, а в семь вечера уже спят. Вот и ствол первой кедры, что растёт у отрога сопки, по которой надо подняться вверх. Скинул с ног лыжи, тут они будут уже мешать, вперёд. Тайга. Зимнее белое со снегом небо, тихо, кажется, что всё вокруг мёртво как в сказе и на свете этом есть только ты, вот эта тайга и падающий на землю снег. Следы вот только вокруг говорили, что в тайге есть. Есть звери, есть птицы, есть поскрипывающий шумящий ветвями на ветру лес. Ноги выверенными шагами, огибая кедровые лапы, вели Саньку вверх. Беличьи тропки, как дорожки, вели от кедра к сосне, от сосны к лиственнику – там их хлеб. Какая же сила в беличьих зубках, если в сорокаградусный мороз они играючи шелушат крепкие как сталь сосновые шишки и достают оттуда орешки, остаётся только преклонить голову к их силе, которая таится не где-то, а в их прекрасных зубках. В таёжных лесах основной враг у белки – это куница, соболь. Иногда филин или сова полакомится беличьим мясом. А в целом ареал обитания этой цепочки держится на лесном урожае. Народились на деревьях шишки – много белки. Много белки, много и куницы, соболя. Сотни километров иной раз мигрирует белка в поиске урожая шишек, и соболю, кунице ничего не остаётся делать, как идти следом за беличьими хвостами. Во время миграции в северных деревьях собаки заливаются лаем практически круглые сутки, облаивая снующих по деревьям и земле белок.

Санька, сдерживая дыхание, поднявшись на холм, остановился рядом с краем, под которым должен был пастись лось. Остановился, чтоб отдышаться, упокоить свои уж сильно дышащие лёгкие: от нагрузки у основания языка чувствовался вкус крови. Что говорить, крутой подъём и снег выше колена, а в местах снежного передувания – по грудь. Но преодолел, преодолел Санька подъём, вот только стоит ли он там, а вдруг отошёл или почуял опасность. Уж сумерки, останется спуститься, забрать связку с белками – и в избушку, а до неё километров десять, вот будет обидно. Дыхание успокоилось, аккуратно ступая, сделал ещё несколько шагов к кедру и осторожно из-за неё глянул вниз. Вот он, лось стоял на за-

дних ногах и с аппетитом обгладывал куст. Сердце забилося ещё сильнее, по телу пошла дрожь какого-то неподвластного возбуждения.

Патроны! Не охотники учат: чтоб сделать посильнее рану, на головке пули ножом нужно сделать крест. В этом случае, попав в зверя, пуля развернётся как розочка, и зверь далеко не уйдёт. Не верьте – это сплошная чушь. Пуля теряет убойность и попросту говоря, не пробьёт шкуру, толщина которой у лося достигает трёх сантиметров. Или учат ещё, что в патрон «мелкашки» нужно добавить порох из другого патрона. Сплошная ерунда: изменится траектория пули, и ты навряд-ли попадёшь туда, куда целился твой глаз. Свинью пристрелить с расстояния полметра ещё можно. Но тут... Санька сделал всё как учили таёжные жители – ханты и манси. В ладошке зажал два патрона, тихонечко передёрнул затвор и, выставив дуло вперёд, глянул вниз. Лось, видно, подкрепившись, решил отдохнуть и лёг, лёг к охотнику головой, спрятав за своей грудью, мощной как у танка броня, своё слабое место – ребро.

«Что делать?» – растерянно подумал Санька. Вот он, внизу метров пятнадцать, а не возьмёшь. Пугнёшь – убежит. А вдруг будет лежать до утра?.. Небо серело, надвигались сумерки. Через сорок минут будет темно. Можно попасть ему в лоб, но пробьёт ли маленькая пулька, не... рисковать не буду. Сделать подранка на Севере считался всегда грех.

Ждать... может встанет. Лось спокойно лежал, лениво шевеля челюстями, слышно было даже как скрипят у него челюсти. Обидно: вот он зверь, а не возьмёшь. Вот так, наверное, и в жизни бывает. Стоишь и видишь – вот оно, счастье, ты его хвать, а оно не даётся. А подумать-то, как его взять, порой мы и забываем. Родившийся на Севере лучше умеет выживать и, более того, работать в экстремальных условиях. Да и как, ведь он понимает, что не оценил ситуацию в мороз сорокаградусный, и как итог – замёрз. Сделал в обласке неверное движение – перевернулся. Ждал Санька, ждал – если лось встанет, то можно будет стрелять, нет, значит, он был заговорён, останется – по темноте тихонько уйти назад. Винтовку осторожно приставил к стволу кедра, сам упёрся плечом в ствол и ждал. В засаде время летит долго,

кажется, что оно остановилось и не пойдёт никуда дальше. А в тебя начинает пробираться холод, ощущение бесцельности, и вдруг из сугроба, напуганный соболем иль горностаем, взлетел косач, шумно хлопая крыльями. Лось вздрогнул, повернул голову на шум и встал. Вздрогнул и Санька. Рука плавно подняла винтовку, уперла её в плечо, но лось стоял, глядя в холм, с которого на него смотрело дуло винтовки. Стрелять было нельзя. Если даже пуля попадёт в рёбра, то она уйдёт в кишки, а с этим ранением лось проживёт ещё сутки. Нужно, чтоб он повернулся задом, а пуля пошла под углом в сорок пять градусов. Тогда она уйдёт в лёгкое или сердце. Ждать. Лось успокоился, шум взлетающего тетерева был ему знаком, он замер, продолжая жевать свою жвачку. Мощный чёрный окрас, белые ноги зверя и горы мышц – это красота, которую сотворила природа. Вообще лось – зверь сумеречный. Сумерки – время гуляний, прогулок, миграций. И наш, чуть ещё пожевав, наконец поднял свою голову вверх и развернулся. Вот... затрепетало сердце в груди, как раз направление пули, в бок в сторону лёгкого и сердца. Прорезь прицела и мушки сошлись – и выстрел. Прогремев в ночной тайге, он отозвался в вершинках таёжных увалов, а пуля как казацкой нагайкой ожгла бочину дикому зверю.

Кто?.. От неожиданности налился злобой таёжный зверь, присел на задние ноги и развернулся вокруг себя, пытаясь понять откуда? И вновь повернул свой бок охотнику. Плавно, чтоб не лязгать затвором, Санька перезарядил и выстрелил вновь. Присев на задние ноги, лось старался понять, откуда идёт опасность. Но две пули уже были в нём. Грохнул третий выстрел, стучало вопросом в висках:

«Попал ведь, попал, ведь слышен был даже от пули шлепок!» Сумерки, лось стоял, упершись, как для прыжка, на задние ноги. Санька же поднял ствол, чтоб выстрелить в четвёртый раз. Но увидел – из ноздрей зверя на уже темный ночной снег струями потекла кровь. Вспомнился хант Василий Непкин, который учил: «Если раненый лось кровью дышит, всё, сам упадёт, тревожить его не надо».

Смотреть на агонию не хотелось. Так же крадучись, Санька отступил два шага и пошёл вниз, туда, где оставил рюкзак, лыжи, топор. Работы предстояло много. По про-

топанному снегу шагалось легче, да и что говорить, ноги несли сами. Ведь событие, в Санькиной жизни произошло событие. Ему впервые довелось добыть лося. «Вот узнают все, – в душе ликовал он. – Хотя... – от огорчения он даже приостановился. – А вдруг он очухается и уйдёт». Ноги увереннее и увереннее вели вниз. Вот лыжи, ноги вошли в уже подзастывшие на морозе крепления и по лыжне поскользился к исходному месту.

Он остановился у своего места, когда первый раз заметил лося. Стояли уже тёмные сумерки, нужно успеть подойти к месту, осмотреться, а в случае, если лось лежит там, надо обосноваться на ночь. А это – заготовить дров, после чего заняться мясом. Дело недолгое. Подход был прямой, и вот куст, за которым стоял лось. С винтовкой наперевес Санька приближался к месту.

Екнуло сердце – у подножия сопки лежал лось. Отец говорил, что у живого лося уши прижаты, а если торчат по сторонам, то готов. Шаг, стараясь бесшумно, Санька приближался к лосю. Вот куст и место, на котором стоял зверь, когда Санька стрелял, вот он ложился, кровавое пятно, затем вновь вставал, ещё метров пять – и всё. Дулом винтовки Санька ткнул его в заднюю ляжку – лежит. Со спины подошёл к голове, чуть постоял, дулом шевельнул ухо, реакции нет. Всё, добыча его. А теперь за работу. Недалеко, метров пять, видно летом грозой свалило листвянку, здоровая, не обхватишь руками. Тут и будет костёр, и свет от пламени достанет до туши. Нужно ещё сухостойных лесин штуки четыре, диаметром не больше сантиметров двадцать. Подготовлен Санька к тайге. Рюкзак, в нём котелок, хлеба чуток, даже чеснока головка. Есть топор и ремень, брусочек. Всё Санька сложил у лежащей листвянки и заметил сухостойные деревья. Как раз то и надо. Теперь за работу. Санька не делал лишних движений – не любит спешки тайга. Вот представьте: топор охотничий небольшой, размахнись чуть сильнее или попади не так, черенком об дерево, и сломаешь его. А без топора никак, ночь насмарку, а прутиками много не нагреешься и будешь ночь скакать от костра к дереву. Вот и тюкал точными ударами по лесине Санька. С хрустом упала на землю сухая лесина. Ещё минут двадцать и запас дров на

ночь готов. Снег прекратился, на небе серебром высыпали звёзды. Доминирующим силуэтом на небосклоне глядела на всё Большая медведица. Северное небо особенное, не такое, как в средней полосе России. Ярче горят звёзды и они ближе. Вот попробуйте, сделайте эксперимент. Лягте на спину в чистом поле ночью, чтоб перед вашими глазами открылось звёздное небо, и начинайте разглядывать звёзды, сначала одну, затем ещё одну, и... вам покажется, что вас уносит в Галактику, и вздрогните вы, и мгновенно оторвётесь от неба. Ногами вытоптал снег у лиственки – место кострища, наложил тонких сучков, поднёс спичку – огонь вместе с дымом начал окутывать таёжный увал. Огонь осветил округу, припорошенную снегом тушу добытого зверя, чёрные ели и лапы кедров. Это как раз пригодится: что ни говори, а таёжная перина. Топориком Санька нарубил лапника, уложил рядом с костром, сверху рюкзак, котелок – готово. Можно смело проводить в тайге ночь. Есть, конечно, хотелось, но сначала надо разделать лося, решил Санька и тут же взялся за дело. Самец пятилеток недавно сбросил рога. Разделывая тушу, поражался таинству природных процессов. Как стальные, кости громадных размеров, толстенная шкура, покрытая шёлковым грубым волосяным покровом. А ведь в рационе зверя нет рыбы, богатой кальцием, иль мяса. Рацион лося – берёзок веточки или краснотала. Летом, правда, корневища, травы и грибы. И вот вам, вырастает махина из толстых костей, громадных рогов, удивительно даже. Чистого мяса килограммов триста, повозиться с тушей такой придётся изрядно. Ноги, живот лежали внизу, и первый по шкуре разрез Санька провёл по спине. Помогали блики костра, нож подрезал мездру, освобождая тушу от шкуры. Ушло на работу часа полтора, устал. Две задние ляжки, килограммов по семьдесят каждая, обмерзли на свежем морозе, приобретая розовый цвет. Две передние лопатки, те полегче, килограммов по пятьдесят будут. Как всегда, залитый жиром копчик, тот килограммов тридцать. Два рёберных барабана, оба килограммов по тридцать. И шея, поболее рёбер – сорок килограммов. Вот посчитаем. Одного первоклассного мяса Санька добыл триста семьдесят килограммов. А добавим туда ещё внутренности, а это вкуснейшая палитра кулинар-

ных блюд, от пирожков, различных поджарок, на что хватит кулинарных воображений. Ноги, из которых получится вкуснейший холодец. Забыл упомянуть: к мясу, самый деликатес – это грудина, семнадцать килограммов, от которой Санька уже отрубил аппетитный кусочек и поставил варить на таганок. Вроде всё, довольно откинулся он на еловые ветки, поглядывая на блики горящего охотничьего костра, в пламени которого булькал бульон, издавая аромат лосиной грудины. «Вот бы пацаны увидели меня сейчас, со стороны, и девчонки... – мечтал про себя Санька. – Героем бы был!» Холодало. Мороз хоть и крепчал, но давил не более чем двадцать градусов. Неожиданно не так далеко завыл волк, от такого начала Санька вздрогнул, рука потянулась сама за винтовкой, хотя в принципе она была и так под рукой. Само нахождение рядом с таким гостем вызывало немалое беспокойство. Ночёвка в тайге в первый раз – это уже стресс и без волчьего воя. То и дело мерцающие во тьме тайги видения, ощущение, что за тобой кто-то смотрит. Неожиданный треск вдалеке сучков или их скрип вызывает страх. А тут волчий вой. Он сам по себе, его тембр, звучание вызывают дискомфорт, беспокойство, а тут с другой стороны откликнулся второй волк, его вой был потише и ниже. Глаза уже не смотрели на котелок, на костёр, в мыслях заиграл хоровод: «Что делать?..» Топор лежал под рукой, винтовка рядом. «Может, костра побоятся», – мелькнула мысль, и подбросил в костёр сухих валёжин. Отозвался третий волк, они как бы переговаривались на языке воя. Больше двух почему-то не выли. По звуку до них было не более метров двести. Понятно было, что не нападут они на него, но соседство с ними было не по себе. Мясо сварилось, но волки не отступали, выли, выли громко, в один из таких моментов Санька повернул дуло винтовки и навесом выстрелил в сторону волка. Но это никакого действия на него не произвело. Ложкой Санька хлебал вкусный бульон, ел ароматные куски лосиной грудины, слушал вой волчьей стаи. Без изысков, проста охотничья трапеза, но найдите во круг кусок парной лосиной грудины даже с большими деньгами в дне сегодняшнем. Уверяю вас, не найдёте. Так что пожелаем охотнику нашему приятного аппетита.

«Ведь не уснёшь, – поймал на мысли себя Санька. – Не

дадут ведь». Но волки вскоре затихли. Видно, воем они собираются в стаю... Глянув на созвездие Большой медведицы, увидел – время уже далеко за полночь, подложил в костёр толстых дров, подумал: «Надо хоть чуток уснуть, завтра много работы: нужно дойти до деревни, договориться с лошадкой, да рейса за два вывезти мясо».

Доброй улыбкой вспомнил прекрасное детство Санька, очнувшись от воспоминаний на тюремных нарах. Витал в памяти аромат той лосиной таёжной грудинки.

– Что задумался, – подсел к нему Сокол. – Не катай, всё будет ништяк, нагонят скоро тебя отсюда. А мне вот молотить и молотить, не знаю, когда и мамку увижу, хотя, наверное и не увижу, старенькая она. А мне десяра светит, не доживёт она до этого, бедненькая. Один я у неё, родственников тоже нет. Как она даже не знаю, – грустно заговорил Сокол. – Если б не Толян, – тяжело вздохнул Сокол. – Из-за него первый раз в тюрьму я устроился, – тихо повествовал Сокол. – Я работал уже в Горноправдинске грузчиком в рыбкопе, а Толян освободился только, дело на День молодёжи было. Он ворюга по жизни и сейчас в Лабытнангах чалится. Короче, обмываем мы его отсидку, у меня лодка была, народ гуляет, мы подъезжаем к берегу, винтом бац по каменюке на дне – винт ломаем. Толян вылазит на берег, подходит к чужой лодке, снимает чужой винт и ставит на мою лодку. Я ему говорю: – Не надо, Толян, я сейчас у мужиков займы найду.

Поддатые были мы, что говорить, он усмехнулся и говорит: «Всё ништяк, это тебе воровской винт от меня, и спрос с меня будет!»

Короче, не успел он сказать, как объявляются хозяева: один мастер спорта по самбо, другой под два метра, школьный физрук. Им кто-то рассказал уже. Я подбегаю к ним, так и так говорю: «Толян нажрался, рамсы попутал, сейчас я вам поставлю обратно, и пузырь с меня». Они тоже бухие были, согласились: «С вас пузырь и дело забыто». Толян, короче, давай буровить, ну и драка завязалась, Толяну-то что, пару раз накатили, он глаза закатил. Те на меня, я гребь из лодки беру, отоварил одного – лежит. Второй на меня, я как начал его охаживать, в воду загнал, озверел почему-то, если б не народ, забил бы его. Шесть лет, Санька, получил срок я,

сизу, три года отсидел, на поселение переводят в Нижнюю Тавду. Это тоже самое что зона, только без конвоя. Праздники на носу, отпросился у начальства на три дня к матери на день рожденья съездить. Приехал, с мамкой увиделся, вечер наступил, куда пойти – к однокласснику. Тот бутылочку открыл, выпили, ещё пацаны пришли, слово за слово, а у меня фамилия немецкая, прицепился один, драка, одному попал в пах, у него мочевого пузыря лопнул. Пятёрка. Пришёл в зону, а я, короче, «отрицалой» всегда был, а «отрицалово» всегда имеет чёрную метку.

– А это как? – тихо спросил Санька.

– Ну как, – уверенно продолжил Сокол, – это когда не согласен с режимом содержания. Делаешь то, что не положено – в карты играешь, запрещенные вещи содержишь, узнаешь, короче, Саня. Но слушай дальше – раскрутился на БУР, там вообще жёстко, не положено курить, лишают отоварки – три рубля в месяц. Короче, не досидел БУР, нарушение, вызывают на суд – «крытка». Там пахать заставляют, верхонки шили – сто двадцать пар норма в смену. Короче, Саня, передыху нет. Отсидел «крытку», обратно в зону ехать, а до выезда с «крытки» дают отдохнуть, называется это – «тройник». Сидят по три человека. С Зеней Камышинским – вором познакомился. Помог потом он, чёрные пытались за одно дело спросить, вступился. Короче, приезжаю в зону, поднимаюсь по лестнице, смотрю молодой спускается, а я не грубил никому, в сторону отошёл, пусть пройдёт, думаю. А он приостановился и говорит: «Уважаю шестёрок».

Я ему с ноги бах, тот летит вниз, ломает ключицу, ногу, повреждает позвоночник. Короче, опять суд, ещё пять лет, еду в Лабытнанги. Так одиннадцать лет откатал по полной программе. Освободился, жизнь понял, ну думаю, сейчас всё ништяк будет. Три месяца отдохнул, к жизни пригляделся – жить можно. Устроился на рыбоучасток плашкоутчиком. Рыбаки рыбачат, мне рыбу сдают, я принимаю её, в ящики раскладываю, сортирую. Половину ящика с рыбой сверху льдом засыпаешь. Месяц отработал, привели плашкоут на одну стоянку прямо в деревню. Отработал пять дней, рыбаки пьют, рыбу не сдают. Подходит один ко мне, говорит: «Сокол, денюха у брата моего покойного, приходи, отметим». Ну

а что, я пошёл, сам подумываю, вдруг и с подружкой какой познакомлюсь. А я, Санёк, веришь, всю жизнь сижу, не с одной ещё и не спал, ничего не подумай. Короче, качу к нему, захожу, точно, стол накрыт, закусон. Пузырь во главе, открыли его, рассказал он мне за брата своего, ублюдки одни по беспределу избили, с баржи в воду скинули, баграми забили. Но это ладно, сидим водочку попиваем, за жизнь тележим, слышно – внизу ругань, тоже пьют, ну а нам что, сидим посмеиваемся, у нас-то всё ништяк. Там ругань усиливается, женский голос слышится, потом гром, дверь открывается, влетает к нам девчонка лет двадцати, платье порвано, титка висит из дыры, глаза в ужасе, забегает за меня и кричит: «Помогите, они меня хотят изнасиловать». Девка-то красивая была, косички две толстые, лицо чистое такое, и двое за ней следом влетают, на нас не глядят даже, хватают её за руку и тащить, она в меня вцепилась: «Помогите, – говорит, – дяденька!» Я смотрю на одного, говорю: «Слышь браток, остепенись, девчонка-то не хочет с тобой идти!»

Тот не глядя на меня, варнякает: «Не пойдёт она, пойдёшь ты, тебя на коленки задом поставим!» Я ему говорю: «А ты давай поставь, а я посмотрю!» Тот в кураже, сходу хватает наш пузырь, об батарею его и в меня хотел ударить. Я руку перехватываю, сколько смог заломал руку его, бах в диван и упёр, держу её так, а сам смотрю, удобный момент ловлю, чтоб ударить его кулаком. Напарник его нашёл черенок в хате от топора, слышу, охаживает, а тот-то мешает ему, что на мне-то лежит. У дивана облучок деревянный смотрю, оторвать можно, я резко сбросил того с себя, вырываю ободок и кончиком... на!.. одного, который на мне был. Тот рот открывает, на пол садится, пять минут – и крякнул. А второй здоровый оказался, барахтаемся с ним мы. А те, Сань, к кому я пришёл, даже ухом не ведут. Соседи, короче, ментов вызывают, те приезжают тут же. Я понять ничего не могу: с тем на полу барахтались, смотрю он обмяк, с меня падает, вижу: милицейская одежда и девочка эта, которая кричала о помощи, на меня пальцем показывает и говорит: «Он его палкой убил».

Вижу только перед своей мордой милицейский ботинок, потом вырубился. Глаза открываю – вижу: милиции много,

стол, бумаги пишут, я глаза снова закрыл, а один майор решил видно послушать живой я или нет. Нагибается ко мне, чтоб дыхание послушать или сердце. Короче, смотрю Сань над мордой моей ментовский погон и ухо. И так обидно стало: опять тюрьма, опять зона – чуть от злобы не заплакал, и чёрт с ним, статья на статью не плюсуется, хватъ этого майора за ухо зубами и грызу. Тот взвыл бедный, орёт, а у меня злости ещё больше, короче, чем громче он орал, тем сильнее грыз я ему его, пока не отгрыз. Короче, что они со мною делали... сам теперь знаешь, как они с нашим братом разговаривают. А девчушка, Сань, за которую я встрял, сейчас главный свидетель, против меня даёт показания. Вот так-то, Сань, с комком обиды в горле закончил свой рассказ Сокол. И махнув расстроено ладонью, отошёл в сторону, достал сигарету, прикурил, отвернулся лицом к стене, нервно подергивая коленями, о чём-то задумался. Закончилась сигарета, Сокол присел на свои нары, полным решимости голосом сказал:

– Слышь, пацаны!.. Пошли порешаем!

Камерники тут же отставили свои дела, заботы, подсели к Соколу. Тот, выдержав паузу, увидев, что все собрались и готовы слушать, начал:

– Короче, делюха такая! Нам всем по делюгам нашим от десятиры светит. А кому и больше. Поняли же вчера, как они нас пресанули: одного убили, двоих по беспределу били. Вон, – кивнул Сокол головой в сторону Саньки, – первоход, – и через небольшую паузу произнёс заключительную фразу:

– Это называется – беспредел! Есть вариант побывать на свободе, встряхнуться, сроки всё равно больше не будут, а принимать когда будут нас обратно, скажем: «Избивали нас, убивали, поэтому испугались и убежали». Короче, в углу хаты под нарами обнаружили кабуру, видно, когда строили хату строители, у плиты был сломанный угол, так они её так и поставили. И сломанный угол залепили цементным раствором. Раствор, видно, плохой был, потемнел, ссохся, мы с Фирмой попробовали заточкой – он крошится как глиняный. Маляву пацаны отписали, что с той стороны оцинкованное железо, легко отгибается, выход на территорию гаража, ночью там никого нет. Короче, проточим кабуру, уйдём без

проблем. Ещё раз говорю: примут, говорите одно – били так, что одного насмерть забили, поэтому и убежал. А стена мол, сама выпала, мы только толкнули её. Спросят, кто толкнул, говорите: «Не помню, гурьбой смотрели, кто-то ногой толкнул, она зашевелилась – и всё».

– Бежим-то когда? – негромко спросил татарин.

– Бежим? – как бы спросил самого себя Сокол. – Бежим сегодня, после вечернего ужина. Пока в хатах ещё не спят, дежурного дёргают.

Щемило Санькино сердце от новой авантюры, не нравилось ему всё это. По крайней мере, надежда на свободу отдалялась всё дальше и дальше. Иной раз даже доминировал один лишь вопрос: «А будет ли она вообще – эта свобода?»

Закончил мысль свою Сокол:

– Всё, короче, ждём ужин!

Лежал Санька на своих нарах, прилагая большое усилие – остановить летающий в голове хоровод мыслей.

«Куда бежать? Где прятаться? Не побежишь – за труса, или ещё того больше – за стукача примут». Страх и ощущение радости от мнимого соприкосновения со свободой боролись в душе Саньки. Было даже не страшно, когда представлялся момент обратного приёма в камеру. Только вот глаза матери и отца, профессионального рыбака и охотника, которые вырастили его, воспитали, научили отличать хорошее от плохого, укоряли, вносили какую-то смуту в душу Саньки.

Мигом, мгновением пролетели оставшихся два часа до ужина. И в голове вызрел уверенный план предстоящего маршрута. В Свердловской области, возле Серова, в Поспелково живёт одноклассник. Деревня глухая, он живёт там и его бабушка. Письмо он присылал, звал на каникулы, вот если добраться до него, то будет здорово. Дядька умер у него, вот он бабушке и помогать уехал туда. Хозяйство, написал он, есть, овцы и лошади. Заняться, короче говоря, есть чем. Сегодня-то можно будет добраться до реки и в речных баржах спрятаться. А там с мужиками флотскими поговорить, ведь до Верхней Тавды катера ходят, можно потихоньку до Нижнего Тагила доехать, а там до Серова и рукой подать. Месячишко отлежусь у другана и сдамся сам. Скажу, что испугался зэков.

Бухнув, открылась кормушка. Дежурный поставил в неё чайник с изогнутым носиком, хлеб в алюминиевой чашке.

– Слышь, – к дежурному обратился татарин, – у новенького прорезался аппетит, не подкинешь нам ещё хлебца?

– Сейчас, – пошёл навстречу дежурный и через минуту в кормушку подал целую булку хлеба и чашку с белым как снег сахаром. Запас провианта, пусть небольшой, был сегодня всем кстати.

Было понятно, что у каждого в голове вызревал свой план бегства, свои надежды на новую жизнь. И каждый наверняка за новым поворотом судьбы искал и надеялся на тихие добрые краски жизни. Молча сидельцы ели свой камерный продуктовый пай. При этом сосредоточенно думали о неумолимо надвигающейся на них свободе, которая, естественно, будоражила душу каждого. Свобода – это вещь штучная! И представление о свободе у каждого своё. У Саньки она ассоциировалась в двух измерениях. Одно – это когда на бетонном полу омовец тебе ломает суставы. И второе – это же, конечно, лето, берег Тобола, толстые стволы кедрин и чайки. Белоснежные чайки, беспокойные и галдящие.

Для уверенного в себе Сокола свобода существует лишь при одном условии – это когда никто не лезет ему в душу. Что сделаешь, вот такой Сокол и есть эгоист, мы ведь все разные.

Фирма от слова «свобода» широко улыбался, он представлял себя на свободе счастливым, таким баловнем судьбы, с бриллиантом на правой руке, в белой рубашке, в спальне просторной, на столе – пачки денег, и он в мастерской точит ювелирные камни, алмазы гранит. А брошки... Фирма их избранным девушкам дарит.

Татарин вот только, что такое свобода, какая она, не понимал. И что с нею делать? Люди у него делились на две, а может, и три категории. А именно: нормальные, терпилы и суки. Больше о свободе он сказать ничего не мог. Да и зачем – жизнь порой прекрасна и тем, что она просто есть. Эх, знать бы действительно, что же всё-таки в жизни нашей эта свобода?

Закончили трапезу. Санька с удовольствием ел, несмотря на мешающий аппетиту бурлящий в крови адреналин, вызы-

вающий хоровод мыслей. Аппетитно ел и татарин, обмакивая хлеб в белый сахар, припивая казённым чайком.

Фирма, видать, торопился, положив как перед стартом на колени руки, посмотрел на Сокола и уверенно сказал:

– Ну что, я пошёл! – Достал заточку из алюминиевой ложки и полез туда, откуда предстояло уйти на свободу. Татарин встал у двери, если что, то должен был отвлечь дежурного, это у него всегда получалось. То таблетку от живота попросит, то лезвие для бритвы. Кто знает, а вдруг повернулась бы вдруг у него судьба, и поступи он когда-то, например в МГУ, запросто дипломатом мог бы стать иль губернатором. Ведь общаться он мог и красиво, парень не глупый. В камере воцарилась тишина ожидания, драйв приключений. Фирма молча и настырно едва слышно скрёб, лишь только движением ног, торчащих из-под нар, говорил, что работает и дело идёт. Наконец он вылез, в цементной муке лицо.

– Держи, – и Сокол протянул ему полотенце.

Фирма вытер лицо, выдохнул, из рук Сокола взял сигарету, прикурил не спеша и победно сказал:

– Почти проточил, ещё заход – и расшатывать будем! Так-то легко идёт, материал стены рыхлый!

– Давай я поточу... – предложил Сокол.

– Не... – возразил Фирма, – я знаю, куда шов вести.

Азарт давал о себе знать, нетерпение через пяток минут вновь подняло его с места, под нары – и вновь за работу. Честно говоря, в душе Санькиной играло чувство обречённости, родственное с замкнутой тюремной жизнью, тюремным круговоротом жизни по типу татарина и Сокола. Не тюремщики они по своим взглядам на жизнь, и они не хотят в тюрьму, но неведомые случаи, возникающие на их пути, неумолимо ведут их сюда в камеру. Почему? «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», – так, может это про них? Надо как-то прорвать этот порочный круг, но как? Лежать не хотелось, да и как полежишь, всеобщий азарт и интерес был прикован к кабуре, через которую все вот-вот должны будут уйти на волю. Курили. Курили одну сигарету за другой. Как инженер-конструктор Фирма вновь вылез из-под нар и, окинув общественность усталым взглядом, сказал:

– Ещё немного – и всё, расшатал уже!

Не выдержал Сокол, пригнулся и уже из-под нар пробурчал:

– Теперь я поточу!

Фирма курил, отряхивая с одежды цементную пыль, а потом принял интеллигентный вид, посмотрел в сторону Саньки и ободряюще спросил:

– Не страшно?

– Не... – как бы оправдываясь, с улыбкой на лице ответил ему Санька.

– Щас, кое-что тебе задарю как брату, – добродушно глядя в глаза, сказал Фирма. Пошебуршав в своих нарах, что-то нашёл, держа это в своей ладошке, улыбаясь, полюбовался и протянул Саньке. Подарком оказалась пластина белого цвета, вверху дырочка, наверняка подвеска, а когда Санька взгляделся в неё, то увидел вырезанную на пластине женщину в платке, склонившуюся над младенцем. Фирма пояснил ему значение изображения на пластине, изготовленной из ручки алюминиевой ложки.

– Это Святая Богородица, носи её с собой на верёвочке. Тебе помогать будет она. Это я сделал, – расправив плечи, гордо произнёс Фирма.

Желая знать всё до конца, Санька спросил:

– А Богородица – это кто?

– А ты что?.. – вскипел Фирма. И пояснил: – Богородица – это женщина, которая родила бога нашего Иисуса Христа!

– Ух ты!.. – зачарованно произнёс Санька. Увидев, что работа пришлась по душе Саньке, Фирма вновь обратился в тайны своего тюремного матраца, тайны, которые не мог открыть ни один, даже самый беспредельный шмон, наконец протянул Саньке капроновый шнурок:

– Давай продень и подвешай на шею, а то потеряешь. – И через минуту Богородица висела на груди Саньки.

В Тобольске стемнело, над рекой уже не летали чайки, не шебуршали в тополях маленькие пичуги, на город упала тьма. В тюрьме в третьей камере работа подходила к концу. Три часа работы – и трёхугольная каменюка отошла от стены. Тут же по полу пошёл летний сквозняк. Путь к свободе открыт, вот только ли можно побег назвать свободой? Я думаю – «Да!» Ибо сегодняшнюю жизнь полной свободой на-

звать я не смогу. Могу лишь назвать это – путь, а это и есть свобода.

– Короче, готово... – вылез наверх испачканный цементом Сокол. – Уходим, ты первый, – кивнул татарину Сокол, – я последний.

Бешено тикало в груди сердце, неведомая энергия летала в груди.

Татарин степенно залез под нары, пошебуршал уже где-то там вдалеке и исчез. Пошёл к норе и Фирма, оглянувшись, спросил у Сокола:

– Тебя подождать там?

– Не надо, – поморщился в ответ Сокол, – у каждого своя дорога.

– Ну смотри, – пожал в ответ плечами Фирма, пригнулся и ушёл во тьму. Ушли и остальные. В камере номер три остался Санька и Сокол.

– Ну... – Санька выдохнул из себя воздух, встал на колени и пополз туда, куда только что ушли все.

– Встань! – услышал за собой голос.

«Что-то сделал не так», – тревожно заколотилась в груди сердце. Вылез, встал на ноги.

– Ты тут остаёшься, – повелительно сказал Сокол. – Это я сказал, Сокол, за тебя «базаров» не было. А этим, – кивнул в сторону подола Сокол, – скажешь, что спал и ничего не видел. Рано, Санька, тебе ещё бегать, поживи, жизнь узнай хорошо, какая она! Это мы... – чуть с обидой произнёс Сокол, – знаем, куда бежим. – И растолкав по карманам несколько пачек сигарет, нырнул под нары, чуть прощуршав, скрылся. Ничего не понимая, глядел Санька Соколу вслед, татарину, который открыл ему свою душу, и Фирме, его дар – Богородица, лик которой лежал на его груди, а благодать, спущенная наверняка с небес, оградила его от плохого поступка. Наверное, это и есть то счастье, о котором мы говорили чуть выше. Продолжало в груди колотиться сердце. Но вот вам и молодость: на смену буйству эмоций и мыслям – покой. Как и сказал Сокол, Санька залез на свои нары, отвернулся к стене, поворочался чуть и уснул.

А над Тоболом-речкой по-прежнему не летали чайки, не слышались на улицах голоса прохожих.

«Тьфу ты», – отогнал прочь от себя мысли о своём уголовном прошлом Санька. Не часто вспоминал он о лихих годах своей бурной молодости, в память о которых остался лишь лик Пресвятой Богородицы, вырезанный Фирмой на ручке алюминиевой столовой ложке. И если вы бы увидели сие изделие у кого-то, то сразу бы подумали, что это шедевр камерного искусства. Видно действительно Фирма обладал божьим даром. Вот только воспользоваться не сумел он этим. Погиб он при задержании в том же Тобольске, не дал он себя взять конвою, не дал. Не удалось им попинать его, поуродовать. Смог Фирма добежать до Тобола-реки, набрал воздуха в лёгкие и прыгнул в воду, чтоб никогда не вернуться.

И Санька знал теперь не только всё о Пресвятой Богородице, но и молитву наизусть знал:

Богородица-дева, радуйся!..

Знал наизусть и «Отче наш». «Надя, Надя, – шептал про себя Санька. – Зачем, зачем ты горишь звездой в моей душе? Не твой, не твой я, Наденька, я вольный, я свободный, я другой! Я матершинник, я грубиян, да я – шофёр!.. А ты нежная, грамотная, красивая, стройная. Не пара тебе я, не пара!» Но Наденька из души его не уходила.

Что делать? Любовь в большинстве случаев – боль. Но, к сожалению, а может, и к радости, всё скоротечно. Как скоротечен шторм в океане или в летнее время гроза. Как весна или как лето в нашей душе. Вот так всё и у Саньки. Из рейса вернулся, машину поставил в гараж. В руки взял Шукшина и от корки до корки прочёл, а после чего для себя решил – теперь я к Надюшке ближе на шаг. И страсти любовные улеглись как тот шторм в океане. Намечался новый рейс на Ханты. И ноги Саньку обречённо подвели к телефону. Осторожно набрал номер Надюшкин, гудок и её голос:

– Аллё!..

– Привет, это Санька, как ты, что интересного? Я вот в Ханты-Мансийск на днях собираюсь, может увидимся? В ресторанчик можно сходить!

– Привет, – сказала Надюшка, – как ты много сказал, конечно же приезжай, и в ресторанчик можно сходить.

– Такую, Надь, рыбку я тебе привезу, ты такой не видала!
– как юнец похвастался Санька.

– Да ты что! – в ожидании сюрприза воскликнула Надя. И после чего сделала паузу, видно о чём-то подумала, и тихо сказала: – Хорошо Саша, приедешь, звони, – и положила трубку.

«Ну что, диалог идёт, – торжествовал Санька. – Хоть будем не женихом и невестой, но зато друзьями, а это уже здорово. Побыстрее бы только приехать. Прикуплю на рынке новые штанишки, туфлишки и к Надюшке на свидание». А в голове с прочитанным Шукшиным. Впервые в жизни в его горизонтах загоралась любовь. А вот если б в жизни нашей не было любви, вообще бы тогда движение в душе какое-либо было? Наверное, нет. Мы б не покупали новые красивые рубашки и модные туфли. Цветастые галстуки и пёстрые платья. И было бы наверняка скучно и неинтересно. В доказательство этому деревенский парень, наш Санька, затолкав руки в штаны, искал себе новые брюки. Впервые ему не нравился материал, а если нравился материал, то не нравился его цвет. «Вот то ли дело Шукшин», – в уме выговаривал Надюшке наш Санька претензию, вспоминая его образ из «Калины красной». – Сапоги кирзовые, брюки на выпуск, на нём фуфайка, на голове кепка, вот и весь прикид – хозяйско-парадный. А тут... А ещё – Менли, или Венри – писатель американский, ничего Надя, доберусь я и до него, дай только время, – продолжал разговаривать в уме с Надюшкой Саня. – Вот книг начитаюсь, художников изучу разных, с мужиками-то в гараже и говорить не о чем будет! Они ведь дураками как есть, так дураками и останутся!»

Представив своё преимущество над коллегами, Санька даже загордился, заулыбался самому себе, расправил плечи. Но улыбка почему-то спала, когда вспомнил пацанов по камере – Сокола, татарина, тех, с кем общался.

Оставшиеся до отъезда дни пролетели быстро. Сборы, кулёк с новенькой одеждой, погрузка КамАЗа, как обычно погрузка с довеском. Что теперь поделаешь, если излишки всегда на производстве были. И, естественно, они находили своего покупателя, но без накладной и за «наличку». Санькина задача – эти излишки продать и честно рассчитаться

с мастером. Хотя это в поездке сегодняшней для Саньки было не главное. Уверенность, жмущая задний карман пачка купюр, придавала сильнейшую. «Ну и что, что я шофёр, – говорил самому себе много раз Санька, – зато денег всегда карман полный».

И конечно же, красиво обёрнутый в белую бумагу, уже озвученный сюрприз Наденьке – десятикилограммовый балык нельмы и тёша от той же рыбы. Балык – это понятно, копчёная спинка рыбы. Тёша – это цельное брюшко рыбы. Всё это считается одним из лучших деликатесов рыбного стола. А вот и всё: папочку сопроводительной документации в бардачок, в козырёк – путевой лист, техталон, права. Родной посёлок, окраина и, как в песне, «ленточкой вьётся дорога». Настроение соответственное, а как же, столько событий ожидало впереди Саньку. КамАЗ настойчиво летел по северным просторам, болотный ландшафт менял кедровый бор, после кедрового бора сопка, её вершина и опять спуск, а там таёжная речка. Вроде всё как всегда, но красиво, улыбка сама озаряла лицо. А вот деревушка, название скучное – Низовка. Машина задёргалась, закапризничала, редко такое бывает. Ещё несколько сотен метров, за последними домами Низовки КамАЗ заглох. Причина ясна – топливо. Заправляли опять из старой ёмкости, самотёком, грязь в бак и натекла. Санька выпрыгнул из машины наземь, поднял кабину машины, не спеша открыл топливный фильтр – вода. Всё понятно. Ещё двадцать минут работы и – движок устойчиво урчал, вселяя уверенность в своей надёжности.

– Приеду домой, придётся бак промывать, а то сюрпризы эти замучают. Вот так-то, дорогой, – напутственно проговорил своему автомобилю Санька. Время обеда. Солнце озаряло пожелтевшие огненно-красные вершины осин. Тайга. Аромат-то какой!.. Зажмутив глаза, полной грудью вдыхал в себя воздух. Затёкшие от сидения Санькины ноги просили разминки. Санька заглушил двигатель и пошагал по краю дороги. Тайга, она лишь только для чужого становится страшной, дремучей, с чертями и вурдалаками. А для своего... достаточно притихнуть или тихо идти по таёжной дорожке, как шёл сейчас Санька, как бы слился с тайгой, и она открыла ему свою красоту. Испуганная ящерка, махнув извилистым

хвостиком, метнулась в нору. А вон белка – взметнулась на дерево и с любопытством уставилась на Саньку – глаза в глаза.

– А ну, попозируй! – шутя приказал ей Санька. Словно услышав приказ, белка с сучка своего слетела на землю, нашла там недоеденную кедровую шишку, схватила её и взметнулась на тот же сучок.

– Возьми!

И передними лапками подала тихому путнику шишку.

– Спасибо! – в ответ засмеялся ей Санька. – Но я сам себе найду такую же.

И тихонько пошагал вперёд. Нравилось Саньке вот так слиться, притихнуть и шагать, любуясь красотой, по таёжной тропинке. Шагая по краю дороги, думал:

«Вот она, белка, чёрные бусинки глаз, не боится тебя, наблюдает, а краса-то какая! Или лисица-огнёвка на белом снегу в солнечный день. Интересно вот, а сама-то она понимает свою красоту? А тетерев... на берёзе! Красавец! У него пёрышко к пёрышку. Душа замирает от вида его».

А теперь вот представьте по красоте этой выстрел. И что мы получим взамен? От тетерева-красавца – комок растрёпанных перьев и чуть мяса, скажу вам честно, не стоит оно той красоты, за которую эту птицу убили. А лисица эта огнёвка... ой, не будем говорить о плохом. Давайте погуляем лучше вместе с Санькой по Югорской тайге. У кромки тайги, на палке кто-то подвесил старый чайник. Потом отошёл шагов пятьдесят и выстрелил, видно испытал на нём дробовой заряд на кучность. Санька подошёл к этой импровизированной мишени, посчитал – девять вмятин. Любим мы, что говорить, демонстрировать мощь своего ружья. Перед этим вывешивать заряды пороха, дробь. Хотя в принципе, любому охотнику всё известно на память. Улыбаясь, Санька шёл по обочине таёжной трассы, приближаясь к синей тряпке, висящей на кедровом суку. А когда подошёл ближе, то от открывшейся панорамы, буйства охотничьей фантазии рассмеялся. Охотнику, пристреливавшему по чайнику заряд, было скучно и хотелось более красивого выстрела. И воображение, наверное, и юмор были у него на высоте. Да и деревни окраина помогла ему решить эту проблему и натолкнула на

интересную мысль. Женские, отслужившие не один раз свой срок, байковые трусы, безжалостно выброшенные в кусты, нашли своего потребителя. Не поленился охотник, поднял с земли их, развесил на сук кедровый. Отошёл на пятьдесят метров, поглядывая на них, покурил, видно смакуя, поднял ружьё и выстрелил. Подошёл к экзотической мишени наш Санька. Насчитал тридцать две дробины и сбился. Да и чёрт с ним, не в бухгалтерии дело, а сам продолжал улыбаться, наверное, сами понимаете над чем!..

«Поеду», – ощущая лёгкости прилив в душе своей, Санька повернул обратно к своему КамАЗу. До места оставалось часов шесть езды. Как говорят, глаза боятся, руки делают. Увал за увалом, за болотом речка. Машина наконец выскочила из таёжных объятий, и вот он, Ханты-Мансийск, – город, который блистал новизной, событиями культуры, спорта. С удовольствием Санька всегда в него приезжал и расставался с грустью. «Всё-таки здорово, – радовался жизни Санька, глядя через ветровое стекло автомашины на приближающиеся очертания города. – То ли дело город, за каждым поворотом что-то новое, – рассуждал про себя Санька. – Не то что моя деревня. Вся жизнь в которой как на численнике календаря. По одним только запахам из форточек можно судить о времени года. Весна. Первая оттепель. Вместе с которой прилетает пернатая дичь. Из дворов проходим доносится аромат палёных перьев. Это значит, народ теребит и опаливает добытых на охоте гусей и уток. Что поделаешь, весна ведь! Вскрывается ото льда река, сетями вылавливается первая рыба. И вот вам, пожалуйста, из форточек мещанских домов разносится запах жареной рыбы. Далее лето. Тут как-то потише. Местные жители довольствуются рыбными разносолами. Это сырок, нельма, муксун и сосьвинская селёдка. Осётр и стерлядь. Осень. И вновь аромат палёного на огне пера. В оборот мещанам пошла боровая дичь – рябчик, глухарь, куропатка. Утка морская – турпан и чернядь. И к числу двадцатого октября – на реке рекостав. Охотники посерьёзней охотятся за дичью. Собаки подтверждению этому, таскают по улицам, по пойкам лосиной шкуры куски».

Эх... то ли дело город! Нет тут лосей с глухарями. Зато есть тут Надюшка, без которой Санька мыслить себя не мог.

Вот гараж, склад, разгрузка, документы, деньги... всё тянулось долго, казалось, что не окончится эта мура никогда. Впервые в жизни эти рабочие моменты оказались для Саньки второстепенны. А главный момент наступил, когда Санька вылез из душевой комнаты, переоделся. Набрал номер Надюшкиного телефона и услышав её «аллё!..», начал своё приветствие:

– Как настроение, Надечка?..

На что Наденька весьма равнодушным голосом ответила:

– Да вот с работы пришла, устала сегодня!

Обида и страх от слов этих на Саньку нашла: «Неужели встреча сорвётся?», – а душа аж кричала: «Не говори, Наденька, «нет!» Ведь я так её ждал». Но эмоциям Санька ходу не дал. И по-деловому перешёл в наступление:

– Надь, а я тебе сюрприз доставить хочу! Можно сегодня?..

Надюшка мастерски, как и навела в душе Санькиной тучи, с такой же лёгкостью их разведал:

– Давай, только я сейчас в душ и через часик буду готова!

– И улыбнувшись, добавила: – Уж на сюрприз твой, Саш, посмотреть сильно охота!

– До встречи тогда, – торжествуя в душе, сказал ей Санька и тихонечко положил трубку на место. Вышел на улицу, что говорить, ликовала душа! А как же всё получается – Наденька ждёт.

– Целый час ждать вот только... – с сожалением выдохнул Санька. – Пойду уж тогда прогуляюсь по улице.

Цокая каблуками по асфальту, шагал по городу. Громадное удовольствие, замечу я, гулять после глухой деревни по красивому городу с черепичными крышами, кричащими витринами магазинов, пёстрыми прохожими. И глядеть на всё это как бы со стороны. Отходил Санька своих тридцать минут по Ханты-Мансийску, вернулся в гараж, из кабины КамАЗа достал копчёные деликатесы. И размеренным шагом успешного человека, любуясь своим элегантным отражением в витринах магазинов, пошёл на свидание.

«А что... – думал про себя Санька. – Достиг я нормального уровня, чтоб женихом быть. Зарабатываю неплохо, водяру неделями не пью, да и что говорить, умею и украсть, и по-

караулить! Так что, если с Надюхой мне повезёт, женюсь!» – твёрдо решил для себя Санька, шагая по лестнице Наденькиного подъезда. Вот и дверь, звонок, едва слышная походка Надежды, щелчок, и...

– Привет, – проговорила она своим прелестным голосом, по достоинству оценив не только своего гостя, но и полутораметровые габариты северного сюрприза.

– Привет... – улыбнулся Санька, видом своим показав, что всё, что было у них и будет, всё прекрасно!

– Не знаю, Сашенька, что там, но пахнет так вкусно!.. – восхищалась Надюшка появлением Саньки.

– Это тебе, Надь, северный деликатес, – и важно протянул ей этот длинный и пузатый свёрток.

– А я его унесу? – недоверчиво спросила она.

– А ты попробуй, – улыбнулся Санька.

Надюшка взяла его и, ощущая приятную тяжесть чего-то упругого и необыкновенного, пошла на кухню, в восторге приговаривая:

– Не знаю что там, но аромат идёт... обалденный!

Санька радовался от таких слов наверное ещё больше, чем сама Надюшка. Ещё бы, он увидел Надюшку такой же милой и красивой, умной и стройной, такой, какой и мечтал увидеть. Более того, было видно, что появление Саньки вызывало у неё радость. Вот она жизнь-то! Вот такие минуты и есть награда за те испытания и лишения, которые нам когда-то пришлось испытать.

Надюшка донесла свой подаренный куль до кухни, положила его на свой блистающий чистотой стол, чуть отошла и спросила растерянным голосом:

– А дальше, Саш, что с ним делать?..

– А дальше, – многозначительно произнёс Санька, – дальше я тебе покажу и помогу.

– Давай... – в ответ обрадовалась Надюшка. – Ты показывай, а я тебе буду помогать и смотреть, хорошо?

– Конечно, – благодарно ухмыльнулся Санька. И тут же приступил к исполнению возложенных на него обязанностей.

– Так... – приговаривал он, взяв в руки уже знакомый по прошлому разу нож. – Разрезаем обёртку, – комментировал

вслух он свои действия. — А под мусор пакет у тебя, Наденька, есть?

— Есть, Саша! — сказала своим прекрасным голосочком Надя. И невидимым движением из какого-то кухонного шкафчика достала пакет. Не торопясь, деловито, Санька прорезал обёртку, смял её поплотнее в комок и положил в пакет. Надюшка же, увидев огромную рыбу на своём столе, испуганно сделала шаг назад и спросила:

— А это рыба?

— Да, это рыба, — смакуя успехом своего подарка, ответил Санька, — и мы, Надюшка, даже сейчас с тобой её попробуем! Нельма полутораметровой длины от головы до хвоста и толстенная тёша доказывали своё превосходство над остальными породами рыб. Да, именно она — царица всех рыб. Вы возразите, конечно, и скажете: есть осётр в Оби, есть и стерлядь! Я отвечу вам: осётр — хорошая рыба, но она, что на поле колхозном силос. Водится в любом регионе, включая Азербайджан. А нельмы вот в Азербайджане нет, и не сыщешь. Да и сама рыба эта, сама по себе уникальна не только по критерию редкости и пищевому значению. Представьте вы рыбину, схожую с карпом, весом от десяти до килограммов семидесяти, в белом мясе которой практически нет костей, лишь позвоночник и рёбра. Подносились рыбка и к столу царскому, употребляли её в слабосолёном виде, нарезалась из неё строганина как добавка к водочке, или в холодном копчении, как и у наших героев. Ничуть не хуже она смотрелась на столе у Надюшки, вокруг которой воцарилась идиллия, идиллия двух одиноких душ, которые изголодались по такому общению.

Как правило, мы не придаём значения таким моментам, мало того, относимся к ним потребительски, не предполагая, что количество их выпадает как в поговорке: «Раз, два и обчёлся». Надюшка наша и Санька в момент этот не думали ни о чем. Они просто наслаждались общением, единением душ.

— Ну что, Надь, — предложил Санька, — я вот сейчас буду её нарезать поперёк, вот такими кусочками, сантиметров по пять, как колбаску, а ты по кулёчкам раскладывай — и в морозилку.

— Давай, — легко поддержала Надюшка предложение Саньки.

И не скрывая своего изумления, произнесла:

– Я, правда, Саш, и не думала, что бывают такие крупные рыбины.

И чуть помолчав, вновь спросила:

– А они, – кивнув на эту рыбину, – людей не едят?

– Не, – засмеялся Санька, – наоборот, люди едят их. И мы с тобой сейчас попробуем.

И так же, как и Надюха, сделал паузу, после которой сказал:

– Если б, Надюха, не ты, я б тоже не узнал, кто такой Мопассан и кто такой Шукшин. А Шукшина, Надь, ведь я прочитал, – не утерпел от искушения похвастаться Санька. – Так хорошо пишет, я оторваться не мог, читая его. Особенно про мужика-сапожника, который был хороший стрелок и никогда не мазал, а в Гитлера вот промазал.

С иронией, засмеявшись, рассказал Санька. Надя же встрепенулась и сказала:

– Вот что, уважаемый!.. Ты весь уляпаешься сейчас, – и не спрашивая его разрешения, откуда-то выхватила фартук и стала его одевать на Саньку. Шоком, как электрическим током, прошило Санькину душу действие Нади. Откуда-то издалека, наверное, из тюремной камеры номер три чётко обозначилась мысль: «Она что, из меня петуха сделать хочет?». Санька резко отстранился к окну и из уст его вылетело само:

– Да ты что, Надюха, запахло ведь!

От реакции этой на желание Нади надеть на Саньку фартук, чтоб он не заляпался в рыбе, лицо её замерло в ужасе, после чего в печали она опустила свою голову вниз и вышла из кухни.

«Козёл ты, Саня, за это, козёл!.. Надо было одеть эту херню и дальше пудрить мозги ей. Какие могут быть тут понятия, да никаких! Что делать, как выправить ситуацию? А делать надо, надо просто идти и извиняться. Если сейчас упущу Надюшку, то в своей жизни упущу всё». Санька отложил нож в сторону, на цыпочках зашёл в сторону и без заискивания сказал:

– Ты уж, Надь, прости меня, вылетело само, что поддела-

ешь, вырос среди уголовников, вот и сидит во мне вся эта чушь. Я буду стараться такое больше не говорить!

Видно было по Наде, что эта выходка не по её восприятию жизни – грубо, дешёво. Она с пониманием отнеслась к извинению Саньки, по-серьёзному взглянула ему в глаза и сказала:

– Саш, ты знаешь ведь, что без этих слов сколько в нашей жизни нечестности, грязи, предательств. А если мы закуём себя в эти понятия, то ты ж сам прекрасно представляешь, как это страшно. Мама моя и папа – интеллигентные люди, мама в оперном театре проработала всю жизнь, папа преподавал и преподаёт на кафедре. Никто в нашей семье даже мысли не допускал материться или выругаться. Так что, Саш, если хочешь со мной общаться дальше, знай! Ладно, – примирительно улыбнулась, – не было этого случая, пойдём дальше резать рыбку – в фартуке! Пойдём, – сказала Надюшка и пошла вслед за Санькой.

Рыбку порезали, положили в морозилку, кусочек один Санька нашинковал маленькими пластинками и положил на блюдечко. Надюшка педантично зачистила всё вокруг, присела на стульчик, с любопытством поглядывая на янтарного цвета кусочки нельмы, спросила:

– Можно пробовать?

– А как же, – ответил Санька, – тебе подарено, тебе первой и пробовать!

– Тогда вот так сделаем, – улыбаясь говорила Наденька. Из холодильника взяла бутылочку водки и налила по стопочке, положила две дольки лимона, села за стол, подняла рюмку и, глядя Саньке в глаза, сказала:

– Спасибо тебе, Сашенька, за заботу, внимание, а она мне, Саш, так нужна сегодня, ведь я одна в этом городе. С тобой я чувствую себя маленькой, хрупкой девушкой, а тебе удаётся меня удивлять и радовать, спасибо тебе, за тебя и твою рыбку выпьем по рюмочке!

– Ага... – хмыкнул в ответ Санька и махнул в себя водку. «Ни хрена завернула тост, на ходу ведь придумала, – удивлялся про себя Санька, – я б не смог так вот. Колхоз, что говорить-то».

Водки Надюшка больше не наливала, с аппетитом поели деликатеса. Санька рассказал ей всё, что знал про эту рыбу – когда ловится, чем питается, а потом неожиданно предложил ей:

– Надь, может, пойдём в ресторан, там посидим, живую музыку послушаем?

Надюшка приняла озорную осанку и поддержала его:

– А что, мы ведь с тобой молодые, я запросто! – Заварила чайку, налила кружечку Саньке, чтоб не скучал.

– Пойду оденусь, – сказала Надюшка и ушла в другую комнату.

Вот и Надюшка нарядная, красивая, с радостным блеском жизни в глазах. Ком стеснения, какой-то личной неполноценности вселился в Саньку, он хотел что-то сказать ей, а не мог: ком перехватил горло, заискивающе улыбаясь, отвёл от неё глаза и уставился в пол. Надюшка улыбалась и улыбалась. Не прошло мимо её взгляда смущение Саньки, это позабавило её, и конечно же, она не придавала значение этому, а приветливо, по-дружески посмотрела на Саньку и сказала:

– Ну что, Сашенька, я готова!

– Ага... – мотнул головой Санька, встал со своего места, бочком пошёл ближе к выходу, пряча подальше в себя смущение. Вот туфли – побыстрее ноги в них, шаг – и он на спасительной лестничной клетке.

«Что-что, а на улице дышится посвободнее», – думал про себя Санька. Надюшка же, как и положено настоящей женщине, покопалась, посуетилась минуток ещё пять и с улыбкой вышла из своей квартиры. Цокали каблучки по лестничным маршам, в душе играли мелодии вальса, а в мыслях Надюшка и Санька вновь стали людьми, не думали ни о чём, кроме как об этом сиюминутном миге счастья, радости, единения.

– А ты меня сможешь защитить, если, например, в ресторане ко мне привяжутся хулиганы? – спросила Надюшка, подхватив Саньку под руку.

– Да как «не хрен» делать, моськи им расколочу с пре-
большим удовольствием, – самопроизвольно ответил Санька.

Надюшка остановилась, на лице её возник плаксивый вид, она, глядя куда-то вниз, проговорила всхлипывая:

– Саш, я ж просила тебя, пожалуйста, не говори больше мне таких слов, мне плакать хочется, когда я их слышу.

– Не буду больше Надь, честно говорю, – дружелюбно попросил прощения Санька.

– Ладно, я не обижаюсь, – ответила Надюшка, – просто такие слова режут мне слух! – И забыв об этих измахах, двое молодых людей, улыбаясь и наслаждаясь сюрпризами жизни, продолжили свой путь. А вот и заведение. Скопление народу вокруг стеклянного вестибюля не наблюдалось, день был обыденный – не выходной. Молодые спокойно зашли в ресторан и устроились за столиком, накрытым белыми скатертями. Видел Санька, когда шли по улице и здесь, в ресторанном зале, взгляды мужчин, с нескрываемым восхищением оглядывающих Надюшку. Видела их и Надюшка, более того, знала она о своём великолепии в обществе. Относилась к этому превосходству спокойно, ставя духовное начало выше внешней красоты. В уныние приходил Санька, когда виделась Надюшка его с кем-то другим, и чтоб больше не заводить себя, подальше гнал эти грустные мысли. Момент наступал ответственный – выбор меню! Если раньше заказ отталкивался от бутылки водки, брусничного морса и «горячушек», то тут ситуация была другая, а визит в ресторан походил больше на светский раут. Ну что сделаешь, многое нам приходится проходить первый раз. И Санька для деловитости нахмурил свои брови, глядя на услужливую официантку, торжественно вручающую кожаные книжечки ресторанного меню.

И Санька наш выбрал, наверное, самую правильную тактику сегодняшнего вечера.

«Пусть сама Надюшка, – думал про себя Санька, – выберет себе меню, а я подстроюсь, для важности другое попрошу что-нибудь – и сойду за умного. А если и будет пить, то пусть, я по-любому её перепью и трезвее буду», – решил Санька, открывая меню.

– А что тебе, Саш, нравится из спиртного? – спросила Надюшка.

– Как что? – аж поперхнулся от такого вопроса Санька. Чуть подумав, ответил:

– Да я Надь не сильно понимаю в спиртных напитках, для меня есть сильно крепкие – водка, коньяк, спирт. Есть сред-некрепкие – вермут, ликёр. Ну и слабенькие – вино, пиво. – Мелькнуло в голове слово «брага», но озвучивать его Санька не стал.

– А предпочтение из вин или коньяка отдаёшь каким-ни-будь сортам, например, «Совиньон» или «Рислинг»? – инте-ресовалась Надюшка.

Чтоб не потерять своё лицо и не попасться на фальши, наверное надо придерживаться одного условия, и ты не про-играешь – это не врать. Можно соврать, и вначале тебе пове-рят, а потом всё выплывет наружу и придётся за это платить по счетам. Понимал это Санька не по науке, а по простым человеческим понятиям. И прямо, немножко смущённо, от-ветил Надюшке:

– Не, вино есть креплённое, есть некрепленое, одно по-кислее, другое послаще. А так, винище есть винище, пере-пьёшь – по голове бьёт.

– Ну, Саш... – вновь с укором произнесла Надюша. – Да-вай тогда я сама выберу тебе вино?

– Ладно, – кивком головы согласился Санька.

Надюшка выбрала в меню вино и перешла к разделу сто-ловых блюд. Поизучав чуть, спросила:

– Ты мясное блюдо выбираешь к вину или рыбное? – И не дав ответить, предложила: – Давай я выберу нам сама?

– Давай, – с добродушной улыбкой согласился Санька.

– Тогда я выбрала, – довольная собой произнесла Надюш-ка и закрыла книгу меню. Проницательная официантка по-явилась незаметно из какого-то невидимого пространства, услужливо улыбнулась и спросила:

– Вы выбрали уже?

– Да, – ответила Надюшка. – Дорада, рыбка запеченная есть у вас?

– Есть, – ответила официантка.

– Нам по одной принесите!

- А на гарнир что предпочтёте?
- На гарнир?.. – задумчиво спросила Надюшка. – А мы без гарнира, хотим просто рыбки.
- Хорошо, – в ответ улыбнулась официантка. – А из спиртного заказывать будете?
- Конечно, – сказала Надюшка, – нам два фужера красного испанского вина, – и назвала марку.
- Может, возьмём бутылку, а там – сколько выпьем? – предложил Санька.
- Зачем лишние деньги платить за то, что нам не нужно, два фужера, – ещё раз повторила Надюшка.
- Ещё может что? – помявшись, спросила официантка.
- Ах да, – спохватилась Наденька, – чай, нам заварник зелёного классического чая.
- Хорошо, – сказала официантка, внесла памятную запись в какой-то мудрый рецепт, удалилась исполнять заказ изысканных клиентов.

Королём сегодня чувствовал себя Санька, беззаботным королём. Видя завистливые взгляды посетителей, чувствовал себя мужчиной. Ощущая лёгкость мысли, свободу действий, уйдя далеко от мирской суеты, страстей, погони за чем-то материальным, не приносящего духовного удовлетворения.

«Вот это да», – замер Санька от действия, которое творила официантка. К их столику она подкатила тележку, на которой стояла чаша, прикрытая куполообразной крышкой, в отполированном зеркале которой можно спокойно рассматривать себя и видеть интерьер зала.

«Что там... под крышкой этой?» – загорелся неподдельным интересом Санька. Как бы играя, официантка выставляла на стол посуду, приборы. Наконец-то пальчиками, галантно прихватив позолоченную шишечку на вершине купола, открыла его. Рыба, незнакомая рыба лежала на красивом блюде, издавая аромат, схожий с ароматом морской рыбы. Красиво украшенная разной зеленью, дольками лимона, соусом в красивой чашечке, заявляла о себя весьма громко.

– Как называется эта рыбка? – с иронией спросил Надюшку Санька.

– Дорада! – пояснила Надюша. – Это морская рыбка без косточек, содержит минералы и вкусная. – Дорада и два бокала вина стояли пред виновниками сегодняшнего торжества.

– За тебя! – подняла первая Надюшка бокал, неумело подморгнув своими красивыми ресничками.

– А почему это за меня?.. – забубнил, возражая, Санька. – Давай уж тогда за нас, ведь мы с тобой оба виновники сегодняшнего вечера.

– Тогда за нас... – выдохнув из себя воздух, согласилась Наденька, протянув свой бокал Саньке.

Чокнулись, Санька сделал глоток вина из своего бокала. Терпкий сладковатый вкус красного вина ощутил Санька. «А вроде и ничего, – подумал он, – по крайней мере, и не «кисляк», сладенькое чуток, и вкус винограда чувствуется, раньше не замечал».

– Ну как? – спросила своим бархатным голосом Надюшка.

– Да ничего, – ответил Санька, – очень интересный вкус, я раньше такое не пробовал.

– Оно с рыбкой сочетается, – сказала Надя. – Ты пробуй всё, только не спеши. И тебе ещё больше понравится.

Что-что, а как справляться с рыбкой, Саньку учить было не надо. Аккуратно, ножом и вилкой поддевал кусочки, ел их, между делом отвечал на вопросы Наденьки.

– А ты был женат?

– Не... не был.

– А почему?

– Ну как... – терялся в ответе Санька. Не скажешь же ей, что красивые девочки на него не клевали, а с корягами он жить не хотел. И пожав чуть плечами, ответил обыденно, как отвечают обычно все:

– Видно, не встретила такая!

– А я вот жила шесть лет, ребёнок у нас был, умер, – грустно сказала Наденька. – Потом разошлись, оказалось, ничего общего между нами не было. Так: быт и ребёнок! Не стало ребёнка, не стало и нас.

– Да... жизнь сложная штука, – выдохнул Санька, вновь поднял бокал, убедительно улыбнулся и предложил:

– Давай, Наденька, чтоб радостные стороны жизни всегда были с нами!

– Ой! – улыбаясь, воскликнула она. – Какой красивый тост! Ты знаешь, что одно из самых главных моментов жизни?

– Не, – осторожно сказал Санька.

– Да ты только что про это сказал, – воскликнула Надя. – Конечно же, радость жизни – вот главный символ нашей жизни. Я согласна с тобой Саша и хочу выпить за это, – эмоционально произнесла она.

Санька чокнулся с ней, подумав:

«Вроде выпила всего глоток, а залепетала, кстати, и я глоток сделал всего – и шибануло. Может, действительно интеллигенты не дураки, тянут мелкими глоточками вино и пьянеют, и не надо, как нам, литрами это винище пить...» Но интеллигентно, не озвучивая эту мысль, поднял свой бокал и пригубил глоточек. Вечер у молодых состоялся, играло в воображении вино, непринуждённо лилась беседа откровенная, оба чувствовали себя прекрасно, вот подняли бокалы в очередной раз, выпили. Вина был последний глоток. Последний кусочек дорады.

– Вкусно было, – довольно произнёс Санька. – Можно было бы ещё, – косо кивнул он на пустой бокал.

– А разве плохо говорить обо всём без вина? – без упрёка спросила Надюшка.

– Не... – испуганно возразил он, – наоборот, очень даже хорошо, хоть голова соображает. – Хотел сказать «что лепишь», но вовремя спохватился и сказал: – Голова думает!

– А у нас ещё есть чай, – озорно произнесла Надя.

– Точно, – обрадовался Санька, хотя подумал про себя: «Кто после винища пьёт чай». И положил перед собой руки, ожидая заварника с зелёным классическим чаем. «А интересно, – спрашивал про себя он, – то, что зелёный, понятно. А вот классический – это как? Хотя не будем гнать лошадей, – мысленно наставлял он себя, – попробуем, уз-

наем! Хотя, что тут такого». И спросил:

– Надь, а зелёный чай, это как?

Надюшка улыбнулась и пояснила:

– Вот ты пил чай, например, с мятой?

– Ну!..

– Дак чай с мятой, Саша, так и называется – чай с мятой. А классический чай – это чай без каких-либо добавок.

Чуть не сорвалось с Санькиных уст: «Как чифир, например». Но спохватился и в ответ понятливо кивнул головой. Официантка невидимыми движениями убрала посуду, приборы от рыбной трапезы, поправила стол, благоухая улыбкой поставила перед своими милыми посетителями красивый фарфоровый чайник и две красивых чашечки, таких, каких Саньке приходилось видеть только в журналах. Ещё несколько движений и... ароматный напиток обрамлял заключительную часть ресторанного вечера.

Расскажи кому, что был в ресторане с девчонкой, выпил там вина стакан, после чай и домой – засмеют ведь. Но как какой-то вирус, Санька отгонял сомнения прочь и наслаждался последними минутами вечера. Чай был хорош, без каких-либо открытий, просто ароматный чай из красивого чайника, из красивых чашечек, но с милой, красивой, умной, с которой можно болтать всю ночь напролёт, Наденькой! Но... эх, не было бы в нашей жизни «но»! Так было бы всё прекрасно. И хорошего, к сожалению, не бывает много и долго, на смену ему приходит конец, как в театре – занавес. И сейчас по полкружечки чая, официантка, счёт, глубокий вздох, добрый и внимательный Надюшкин взгляд и голос её:

– Ну что, Саш, насиделись как хорошо мы, пойдём?

– Пойдём, – кивнул головой ей Санька и поднялся со своего места. Интуиция и жизненный опыт подсказывали – за хорошим жди нехорошее. Как бы оспаривая эту аксиому жизни, Санька спрашивал: «А может бывают исключения, может с Надюшкой у меня будет всё хорошо, не сегодня, конечно, а в ближайшем будущем?» Конец зала. Вестибюль. Ночная улица. Светильники на столбах. Цоканье каблуков по асфальту. Какая-то пауза. Всё это не нравилось, но Сань-

ка шёл, отвечал невпопад. Знакомая улица. Наденькин дом и подъезд. Прощальные слова расставания.

– Саш, звони мне, а можешь заходить и не звоня, – шепнула на прощание ему Наденька, приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щёчку. Глянув благодарно напоследок Саньке в глаза, открыла дверь подъезда и ушла.

Как под гипнозом, Санька долго стоял на том же месте, боясь сдвинуться с места. Как во сне, сегодняшней вечер со своими красивейшими красками жизни промелькнул перед ним.

– Здорово! – не успевал он повторять про себя одну фразу: – Здорово! – Всё-таки, остыв чуть от эмоций, побрёл в сторону гаража, комнаты для приезжих водителей, в сторону своего верного друга КамАЗа.

– А ведь она меня приглашает к себе, приглашает! – приговаривал через каждый шаг Санька. Неслышно пришёл он к себе, разделся, лёг, ещё долго вспоминал эпизоды прошедшего вечера, ляпы свои, от которых становилось стыдно, и переполненная эмоциями душа успокоилась. Наверное, так бывало у всех, бывало так, кстати, и у меня, вот только... никогда ни о чём не жалею. А жди завтрашнего утра. Утро наступило быстро. Проснулся он от чувства, что проспал целый день, и Надюшки больше сегодня не видать. Встал, из сумки достал часы, глянул на время – десять утра.

«Слава богу», – облегчённо вздохнул Санька. Потихоньку пришёл в себя, расхотелся, умываясь под краном, улыбался от мысли, что сегодня увидит Надюшку. Вот вечером, правда, надо стартовать домой, но ничего, там вроде намечался ещё рейс. «Здорово вчера посидели, – прокручивал в памяти Санька вчерашний вечер. – В кабак сходили и не напились, голова не болит и в желудке нормально, не подташнивает. Нормально, пусть думает, что я непьющий. Хотя и в самом деле и не пью, подумаешь, газнём с парнями в гараже разок-другой, так это не в счёт». Щемило душу, сама просилась она к Надюшке на встречу. Ноги сами уже вели к выходу из базы. «Куплю цветочков», – решил Санька, подойдя к киоску.

– Каких вам, молодой человек? – спросила цветочница,

по своему виду, красоте и обаянию ничуть не уступающей Наденьке.

– Каких... – задумался Санька. – Наверное, вот этих пять роз, – показал на пять самых крупных красных бутонов роз.

– Вам оформить их? – спросила цветочница.

– Зачем прятать такую красоту в бумагу, – сказал Санька, отсчитывая ей денежку. С букетом цветов, с улыбкой на лице входил Санька в подъезд, прокручивая в голове приятные моменты вчерашнего вечера.

Палец нажал на звонок у двери Наденькиной квартиры. Чуть пошебуршав за дверью, домашненькая, в красивом махровом халате Наденька открыла дверь:

– Ой!.. – радостно улыбнулась она. – Это мне?

– Да, – перешагивая через порог, сказал Санька, вручая ей букет роз.

– Спасибо, – проговорила Надюша, букет унесла в комнату и принялась что-то искать в домашнем шкафу.

– Ты чай, Саш, наливай себе, я тут... – с оттенком озабоченности сказала она.

«Да ладно, – в уме сказал ей Санька, – копайся, я подожду. Готов сидеть у тебя хоть до утра и натошак!» Минут пять Санька сидел в тишине в Надиной кухне, минут пять Наденька что-то искала в своих шифоньерах. Но что это?

Во входной двери вдруг залязгал ключ, дверь открылась, кто-то, не снимая обуви, вошел – и вот он: лысый, с золотыми фиксами, широкоплечий тип с уголовным выражением глаз рявкнул:

– Ну ты что, обезьяна! Я тебя ещё долго ждать буду?

«Козёл...» – уничтожающе в глаза смотрел появившемуся врагу Санька. Нога для толчка нащупала точку опоры, слух ждал сигнал из комнаты любой, но только сигнал. Хотелось бить по лысой башке, бить, пока не запросит пощады, не закатит глаза в беспамятстве. Но сигнала такого из Надюшкиной комнаты не поступило. Наоборот, голос её, полный смирения, отозвавшись на «Обезьяну», произнёс:

– Сейчас!..

«Как?.. – запротестовал в душе Санька. – Наденька – и «обезьяна»?.. Что-то тут не так!» Лысый не стал ждать развязки, как появился внезапно, внезапно также и исчез, а Наденька, молча уже влетев в свои изящные сапоги, застёгивала замочки.

– Мне надо идти, Саш... – виновато произнесла она.

Ничего не понимая, Санька встал, вышел вместе с ней на лестничную клетку, не дожидаясь побрёл на улицу. Цветы, ресторан, беседы о Мопассане, Генри, Монэ потеряли смысл. Не веря в случившееся, Санька пришёл в гараж, погрузил вещи, пустил на прощанье городу из выхлопной трубы дымок и помчался домой. Голова гудела, иногда выходил из раздумья под рокот движка и видел, что идёт на четвёртой, на повышенных оборотах движка, включал пятую скорость и мчался вновь. Дом, стены дома и время могут только дать ответ на всё.

Время не заставляет себя ждать долго. С кровавой занозой в груди Санька жил каждый день, стараясь не вспоминать всё, что было связано с Надюшкой. Прошёл месяц, вроде зарубцевалась чуть в груди рана, рука вновь протянулась к телефонной трубке, набрала номер, и на том конце раздался голос прекрасной Надюшки:

– Аллё!..

– Привет, – сдержанно поздоровался Санька.

– Ой, это ты, Саш?

– Да... это я, Надь, – ответил ей Санька, забыв про всё, что произошло когда-то.

– А я про тебя вспоминаю... – обиженно сказала она.

– Я скоро приеду, увидимся?

– Конечно, приходи... я буду рада, – сказал голос, о котором Санька грустил каждый день.

– Надь, а кто был тогда?

– А... – грустно сказала Надя. – Это приходил бывший, он такой и есть грубиян. Это был памятный день, мы на кладбище ездили, помнишь, рассказывала?

– Да, – понимающе ответил Санька. – Ну, Надь, тогда до встречи! – попрощался и, ликуя в душе, повесил трубку.

На улице стояло Бабье лето! Почти танцуя, Санька шагал по двору своего дома. Вспомнилось опять грустное. Камера. Насосавшийся клоп на плече, его злые глаза. Наколка на груди у соседа по нарам, с которым пообщаться так и не удалось. «Нет в жизни счастья!»

– Есть!! – громко крикнул Санька на всю улицу, радуясь невесть откуда-то вновь появившемуся счастьем. – Есть в жизни счастье, есть!!! – выкрикнул Санька всему миру..

Слово поэта

В свое время известный русский критик, увлеченный творчеством писателей Севера, Константин Яковлев писал: «Очевиден факт: чем менее культурно развит малый народ, тем большую дистанцию ему нужно преодолеть между собственной и мировой культурой, тем большее значение приобретает для него русская литература. Но это не страшно, если она служит целям выявления и усиления национального начала. Можно смело сказать, что русская литература стала матерью мансийской литературы и, может быть, ни в одной другой степени ее влияние не имело исключительного значения на творчество всех мансийских писателей, особенно на поэзию Андрея Тарханова».

Константин Яковлев совершенно прав. Я, например, учился у русских, классических поэтов, всему: музыке слова, умению обобщать факты, строить образ. Ну, о природе, о любви к ней – особый сказ. Я с детства воспринимал ее тонко, одухотворенно и своеобразно – как язычник.

Вместе с тем, еще обучаясь в Ленинградском пединституте имени Герцена на Северном отделении, изучил почти весь мансийский фольклор, опубликованный в печати, в научных изданиях. Особенно меня восхитила поэма «Янгал-маа» («Тундровая земля»), автором которой является русский подвижник, собиратель вогульских, то есть мансийских, сказаний, былин, сказок Михаил Плотников. Эти фольклорные произведения и легли в основу поэмы, историческую и художественную значимость которой отмечали и отмечают многие ученые. В восторге от поэмы были Горький и Короленко, и даже поэты есенинской плеяды.

Любя природу, я давно познаю ее, это всестороннее исследование продолжается и сейчас. Благодаря своим душевным устремлениям и порывам на творческое познание, я создал, явил миру свою, как отмечают критики и литературоведы, оригинальную поэзию. И – слава Богу!

Недавно прозаик Леонид Бабанин предложил мне, поэту, войти на равных творческих правах со своими произведениями в его новую прозаическую рукопись, оплачивая издание за свой счет. Я с благодарностью согласился. Кстати, Л. Ба-

банин живет в нашем древнейшем поселке Березово.

Я выбрал для издания новые, а также избранные стихотворения в количестве 66. Подключил к ним три маленькие поэмы: «В Ханты-Мансийске», «Три столицы», «Живительный бор», ранее нигде не опубликованные. Поэмы оригинальны и по стилю, и по характеру изложенных событий. Уверен – читатель воспримет их с интересом, благожелательно. Не могу не сказать здесь несколько слов чисто о поэзии, в защиту ее. Дело в том, что в нашей российской печати все чаще стали появляться нерифмованные стихи с длинным изложением путаных мыслей, мол, вольному воля, что хочу, то и горожу. Читаешь такую перепутаницу и осознаешь, что это исходит от сочинителя с ленивой и неряшливой душой. И выдает он, бедняга, нам не поэзию, а свое хаотическое восприятие мира. О поисках гармонии тут и речи не может быть.

Стихи прежде всего должны быть красивыми – учит нас поэзия Пушкина, Лермонтова, Гете, Байрона, Петефи, Фета, Бунина... И следовать ее классическому примеру – значит, дарить людям истинную красоту, радость, вдохновение к жизни.

*Андрей Тарханов,
мансийский поэт, член Союза
писателей России*

Душа с душою говорит

ОПЕЧАТКИ

Название стих-ния	Стр.	Строка	Напеча-тано	Читать
Ахманка	178	2-я снизу	Ахмане	Ахманке
Сестры милосердия	207	5-я сверху	жизни	живем
Лиственница Меншикова	213	10-я снизу	Поом	Потом
Ночной разговор	220	13-я снизу	такового	такого

Приносим свои извинения.

Буря и мы

*Памяти замечательного крымского
поэта Леонида Чеховича*

Три кедра исполина держат мыс
Речной

корнями и ветвями.

Они, душистые, над нами,
Здесь бурю переждать решили мы.

Закат мерцает стихнувшим костром.

А туча движется навстречу,
Деревья начинают речи,
Их понимает рыжий оком.

И грянул гулко гром.

Закат угас.

Гром в темень, грохоча, катился,
Он в молниях как бы светился, —
И страх языческий родился в нас.

От струй дождя к стволам прижались мы.

Деревья нас оберегают,
Но молнии еще сверкают,
Исчез в потемках бури мыс.

Стволы в ненастье — духи доброты,
В них скрыто наше пониманье:
Мы в мир пришли не для страданья,
Не для ущербной маяты...

Нет тучи, грома. Небеса ясны.
Смотрите, звездный мир открылся,
Ликуя, радужно светился,
Он радовался за людей и мыс.

18–20 ноября 2009 г.

Апрельские открытия

*Неправомерно говорить о принципиальном
отличии человека от других форм жизни.
И он, и они суть одно.*

Современные философские выводы

Апрель загадки шлет ночами.
Не всё нам отгадать дано.
И верба желтыми глазами
Глядит опять в мое окно,
Она зовет.

И – настезь двери,
Поклон вам, верба и скворцы,
И звонкогорлые ручьи!
Я вашим жестам, чувствам верю, –

Вы дома и семьи частицы.
А рядом глухоманный бор,
Он хочет тоже породниться,
Зовет меня на разговор.
По краю бора сплошь осинник,
Кора его – как в серебре,
Она дает сохатым силу,
Есть соки жизни в той коре.
А для меня есть первоцветы
У вербы, у лесной межи,
И ласки милой на рассвете,
Сиянье неба для души...

Последний талый снег слетает,
Упруги ветки, льнут к губам.
Их аромат напоминает
Avman Basi¹ для наших дам.
Звенит ледок – хрусталь бокала.
Как чуток в полудреме бор!
Хвоинки вдруг затрепетали –
И грянул песню птичий хор.

¹ Avman Basi – испанские духи.

Явление дамы

Поэту Марине Александровой

Дух мороза вошел к этой дамой, –
Запах свежих снегов и хвои.
За окном в серебристом тумане
Хлопотали ее снегири.

Говорила, и нас восхищала
Взглядом карих сияющих глаз.
Понял я, как ее не хватало
В этом скучном застолье у нас.

Дед Мороз наряжал ее что ли:
Шубка беличья, шарф и кисы².
Цвета беж ее платье от воли, –
От просторов сосны и лисы.

У трюмо оглядела прическу,
И невольно рукой провела
По своей фиолетовой брошке.
Мимоходом коснувшись бедра.

Улыбнулась, собою довольна, –
Принимайте, мол, я хороша.
Я глядел на нее удивленно,
И моя трепетала душа.

17 января 2010 г.

² Кисы – зимняя, из оленьей кожи, обувь северян, расшитая по меху орнаментами.

Картина из детства

Сыну Илье

Позади Туман³ ревучий
С грозной пенистой волной.
А над Аманьей⁴ –

ни тучки!

Веет ветер луговой.
Он свершает омовенье –
И душа моя поет.
Вон и тетки Анны сени,
И цветущий огород.

Тетка, светлая, седая,
Мать целует и меня,
Говорит не уставая.
Плещет рыбой Аманья.
Я, как шустрый воробьишка,
По округе зырк да зырк.
На деревьях зреют шишки,
И кедровок слышен крик.
Рада вся моя природа:

Снова сын явился к ней.
Здесь рожден я в непогоду
Для нее и для людей.
Мать берет меня за руку
И за теткой в дом ведет.
Прощена моя разлука,
И душа моя поет.

30 ноября 2005 г.

³ Туман – название большого озера.

⁴ Аманья – речка, ее имя носит деревня.

Голос Космоса

Выдающиеся молодые поэты советского времени Геннадий Серебряков, Борис Примеров не приняли смутную демократическую власть. Они и поэт-фронтовик Юлия Дручина избрали путь жертвенности. Да светятся вечно их светлые трагические имена! В честь них эти стихи.

Придя на поляну полночную,
Никто в этот час не поет,
Картину бессмертную, звездную
Увидел —

горит небосвод.

Нет боле виденья пленительней,
Чем этот вселенский запах.
И Космоса голос живительный,
Похоже, таится в лучах.
И чувствую каждую клеткою, —
В порыве мое существо, —
Я стал, видно, дерева веткою
на самой вершине его.
И слышу я голос-послание
Из ваших глубин, небеса:
«Есть высшее в мире деяние, —
Есть жертвенность в жизни творца».

7 октября 2009 г.

В том порту

*...И потекли золотые удавы
от фонарей пристани...*

И. Бунин

В том порту вечереет,

и травы

И душисто, и лунно цветут.

В том порту золотые удавы

По дорожкам туманным текут.

В том порту и красивый, и стройный

Человек у прибоя стоит.

И, виденьем своим потрясенный,

За лучистое море глядит.

Ту – в рыданьях гармоник Россию –

Видит он сквозь года наяву:

Этот снег, и парящий, и синий,

Эти тройки, и эту Неву.

Видит берег до неба угрюмый,

Видит Пасху в сиянье весны...

Он, Иван Алексеевич Бунин,

До утра не уйдет от волны.

В Загорье

С небес сиянье голубое льется,

На родину Твардовского дивлюсь.

Он воду пил из древнего колодца,

Я от души святой воды напьюсь.

Вокруг березы водят хороводы,

И дом поэта Теркин бережет.

Сюда идут невидимые роты,

И каждый честь поэту отдает

За то, что он воспел солдат советских,

Собой Отчизну заслонивших здесь, –

Стояли насмерть на виду Смоленска,

И красными слезами плакал лес...

Живи, Загорье, вечно и красиво! –
Твардовского цветастая земля.
И земляки уж тем одним счастливы,
Что в душах их
 есть благодать твоя.

Вспоминая родные деревни

*Старинное селенье Корп в родном
Кондинском районе особо памятно мне.
Владея карасым озером, тонкострунной
березовой рощей и тремя роскошными липами
у края въездной опушки, оно открывало дали
на мои родные деревни.*

Откуда эти липы появились?
О том, наверно, знают старики.
Девчата-крали снова нарядились
В зеленые сапожки и платки.
Округа вся распахнута пред ними.
Вон Леуши на круче. Красота.
В Гражданскую
 друг друга тут казнили
И красные, и белые... Беда!
А дальше Пашня на горе зеленой,
Вершины елей часто в облаках,
Здесь тоже в прошлом бушевали войны,
Влетел отряд Кучума на конях...
В тот первый день Отечественной
 парни
Рубахи рвали пьяно на груди.
Ура кричали, коль товарищ Сталин
Позвал к победе,
 надо к ней идти.
И уходили.
 И не возвращались.
Погибли под столицей.
 Лишь один

Из них, что впереди Москвы остались,
Петруша Носов штурмовал Берлин...

Плывут на лодках с песнями девчата,
Отпущен небом им

счастливым сроком...

Мир снова в ожиданье бурь и града,

И что случится с нами –
знает Бог.

Ода украинской капусте

*Засол капусты в украинском селенье –
это праздничное событие в каждом доме.
Это веселый, с юмором, талантливый лад
крестьянской жизни. Мы с другом-компози-
тором воспринимаем такой лад радостно.*

Белокочанной, свежей, сочной

Капусты дух нас удивил.

И я воскликнул ненарочно:

Ах, если б мир капустой жил!

Той, по-крестьянски неповторной, –

С приятной легкой кислицей, –

Где пахнет кадкой животворной,

Укропом, клюквой налитой

Багряным соком от урёма⁵.

Капуста этот сок берет –

По жилкам листьев он течет.

Сюда прибавь моркови сок...

Цени блаженный миг, дружок!

Гляди, к столу идет сама

Горилка, как моя кума.

После капусты пряной, хрусткой, –

После волнительной закуски,

Душа невольно запоет.

⁵ Урёма – лиственный лес, растущий в поймах рек, затопляемых в половодье. В таких поймах, возле леса, и бывают болота.

Засол капусты – это воля
Традициям –

и посему

Пацан Тарас бежит из школы
На запах праздничный в дому.

Сверкают пятки –
так он мчится,

За ним, как смерч, песок клубится.

«Родные, к кадке я лечу!

Капустой я дышать хочу!»

Засол ведет седой, усатый
Петро Михайлович Скачко.

На внука смотрит, сердце радо:

Внук дышит часто и легко.

Гутарит дед: «Я помню – было

Горилки, как воды в Днипро.

Во мне тогда гуляла сила, –

Горилки выпивал ведро».

А внук дышал,

глаза сияли,

Он то же набирался сил.

«Ты, деда, из железа, стали,

Ты кузнецом в деревне был, –

Тарас с любовью похвалил.

И неожиданно спросил:

Ты явор, дедушка, спилил?»

Тот головой кивнул: «Мой друже,

Он для кадушки очень нужен».

У явора от неба свойства, –

Быть кадкой, ложкой для людей.

Для скульптора – быть Айвазовским,

Шевченко – кобзарем степей.

Он музыканту дарит гусли.

Он, явор, – это ж, – белый клен.

Летят порой осенней гуси

Над явором,

он в них влюблен.

Уберечь детей бы надо
Целым миром от беды.
Только нынче мир в разладе.
Он далек от Красоты.

Мир наживы —
 так позорно! —
И от страха и вражды
Он старается упорно,
Чтоб не стало Красоты.

Он не ведает, как тонко
Небо чувствует обман.
Он не слышит, —
 дети звонко
Плачут за обиды мам.

Дети трепетны сердцами,
Ждут от взрослых чудных слов.
Их смятенье, боль, любовь
Нынче познаю стихами.

6–7 мая 2009 г.

Крымский этюд

Волны фиолетовой лаванды
Близ карминно-розовой скалы.
Уплывают в марево шаланды,
Улетают в синеву орлы.

1978 г.

Близь нее зимой седеют
Наши дружные балки.
В черных водах свирепеют,
Бродят щуки-лешаки⁶.

Есть где щукам нереститься⁷, –
Луговина под водой,
Могут с вороньем сразиться
За свою икру весной.

Мы акулами прозвали
Этих страшных черных щук.
Пять озер с протокой взяли
В плен они,
и тихий луг.

Любовались мы протокой
В час луны и в час зари.
Приходилось нам, ей-богу,
С ней, как с другом,
говорить.

И от этого общенья, –
При буранах и кострах, –
К ней, протоке,
удивленье
И свое благодаренье
В наших родилось сердцах.

20–21 марта 2010 г.

⁶ Лешаки – простонародное произношение от слова "леший".

⁷ Нереститься – это когда щука мечет икру весной.

Ахманка⁸

Название – в звуках удивленья:
Ах! Мама! Как здесь хорошо!
Боры сосновые степенны,
Давно их небо бережет.

Озера темно-шоколадны,
И фосфоричны глубины вод.
Озера даже в зной прохладны,
Имеют крепость от болот.

В любой погоде – божья воля,
Забота от нее – своя.
Тут по весне – цветам раздолье,
Как изумруд, в борах хвоя.

Свои растения в округе:
Грушанки, лютики, шалфей.
А возле бора, возле луга,
Пушицу взял в полон пырей.

Сначала были разговоры
О волшебстве озер, болот.
Потом родился санаторий,
Молва о нем везде идет.

Спешат сюда с надеждой люди,
Я эту участь испытал.
Спешите! Есть в Ахмане чудо!
Я сам – без костылей – плясал.

17–19 марта 2009 г.

⁸ Ахманка – лечебный санаторий недалеко от Тюмени.

Деревенские девки

Молочные, грудастые, ядреные,
Выходят девки с песней на бугор.
У них уже коровушки подоены,
Заботливо ухожен каждый двор.

Азартно пляшут девки ягодинские,
Деревне с ними празднично легко.
Ах, крали! Ах, зазнобушки картинные!
В телах, как брага, бродит молоко.

И рядом с вами парни голосистые,
Они гулять готовы до утра.
А дома сеновалы ждут душистые,
И матери кричат: «Домой пора!»

Идете вы лебедушками, павами,
Как будто позади остался бал.
Галина знак дает глазами карими, —
И парень проскользнул на сеновал.

Снимает Галя платье серебристое,
Она желанна ловкому Илье.
И знают травы теплые, душистые
О тайне, что родилась в тишине.

Вздыхают девки жаркие и нежные,
Налиты страстью белые тела.
И понимают грешные, безгрешные —
Настала свадеб буйная пора.

Доработано 8 мая 2009 г.

* * *

Нет страшней измены боле,
Чем измена Красоты...
Что ищу я в этом поле?
Я ищу твои следы.

И блаженно, и лениво
На меже лежала ты.
Как мучительно красивы
Тела женского цветы!

Улыбался мир огромный
На признания в любви.
Верю – даже клевер скромный
Повторял слова твои...

Вспомни, как ты уходила?
Благодарный вижу лик.
Предала ты, позабыла
Этот праздник, этот миг.

Нет страшней измены боле,
Чем измена Красоты.
Каждый раз я вижу в поле,
Как цветут твои цветы.

21 декабря 1999 г.

Семейные времена года

(шутка)

Зима

Со мною ты не говоришь,
Два дня, как статуя, молчишь.

Стоит немытая посуда.

Зима.

Мороз крепчает.

Худо.

Весна

Звенят ручьи,

Поют скворцы.

Смеются наши сорванцы.

Ты беспричинно весела,

Меня при людях обняла,

Сказала громко, грех какой! —

«Пойдем играть в любовь домой».

Лето

Ромашкой пахнет луговой,

Кошу осоку за рекой.

И на меня тебе не лень

Смотреть влюблено целый день.

Осень

О первой вспомнила любви,

Глаза задумчивы твои.

И — словно нет меня совсем.

Эх, был бы у меня гарем!..

Душевный порыв

Лене Кармацких

Добро и Зло на поле битвы,
Бои идут по всей стране...
Услышал бог мои молитвы
И он послал тебя ко мне.

Ты озарила, освятила
Теплом души смятенный дом.
И улыбнулось мне светило
Вчера, уйдя за окном.

Ты августовской темной ночью
Своим чутьем, как та сова,
нашла в доме меня на ощупь,
Даря горячие слова.

И будоражил шорох платья
И непослушного белья,
Твои безумные объятия
Воспринимал безумно я.

Ты излечила властью тела
Мое больное существо.
Смешно шутила, тихо пела,
И стало сказочно легко.

Сияла лиственнь за окошком,
День золотился от хвои.
И стыдно было нам немножко
За чувства яркие свои.

7 августа 2009 г.

Ночной рыбак

Опять с восторгом едет в ночь
Старик отчаянный, бывалый,
От суеты домашней – прочь.
Ах, воли вечно не хватало!
И свежий ветер, и волна
Его зовут к удаче смело.
Вдали манящая стена
Тайги

по-августовски спелой.

Ждет старика обской залив,
Где муксуны сейчас резвятся,
И осетры на дне таятся.
Рыбак бывалый терпелив.
Он ставит сети не спеша,
Доволен небом и собою.
И чувствует его душа –
Он будет с рыбиной большою.
Причалив лодку,

долго он

Просторы озирал родные.
Услышал уток сладкий стон.
Барсук захрюкал за бугром.
Проснулись чайки шебутные.
Затрепетала сеть вблизи.
Старик уже – само вниманье.
Сказал: «Балуются язи,
Зари предчувствуют сиянье».
Вдруг взволновалась глубина.
Качнула лодку, сеть рванула
Враз закипевшая волна.
В лицо смеясь, водой плеснула.
Старик нахмурился.

Рукой

За сеть схватился что есть силы
И прыгнул в лодку.

И волной

Их по заливу закружило.

Сын милосердия (песня)

*Патриарху российской литературы –
Даниилу Александровичу Гранину
в честь его высокого юбилея*

Пули летят надо мной в синеву
В мире жестоком.
Снова всех честных в атаку зову
Я над окопом.

Снова в небесные дали гляжу.
Мир разобщенья,
Я твои козни душой отвожу
Ради спасенья.

Друг мой отважный спешит на грозу,
Всходит на кручу.
Братскую помощь ему донесу
Даже сквозь тучу.

Вы милосердые несли сквозь бои
И буреломы.
Небо вручило вам право любви
К людям и дому.

Девушка с домрой⁹

*По мотивам устного рассказа украинского
композитора Михаила Довганича о юной
учительнице музыки и пения
Марте Васильевне Регей*

Она с певучей домрой появилась
В селении Великая Тура.

В ее очах зарницами искрилась
Такая радость,

что она была

Весенним ликом,

как цветок, цвела.

Когда в ее руках звучала домра,

И голос на дороги счастья звал, –

Она была волшебницей доброй,

И каждый жест ее нас волновал.

Казалось нам –

в своем особом мире

Она живет, где песни и мечты.

Между собой мы звали Марту Лирой,

И мысленно дарили ей цветы.

Она мне открывала двери в завтра,

Я музыки творения постигал...

Несу в душе весенний облик Марты –

Как юности прекрасный идеал.

Стихотворение родилось в Пасху,

4 апреля 2010 г.

Закончено – 17 мая 2010 г.

⁹ Домра – украинский музыкальный инструмент

В осеннем тумане тайги
 Ты стоишь, как будто вдали
 И сердце мое в этот момент
 Стоит, как ты, в тишине
 Проведи нас, как в те дни
 С той туманной лаской
 Ты остаешься вдали
 И сердце мое в этот момент
 Стоит, как ты, в тишине

Осеннее танго тайги

Ты стоишь в тумане тайги
 И сердце мое в этот момент
 Стоит, как ты, в тишине
 Проведи нас, как в те дни
 С той туманной лаской
 Ты остаешься вдали
 И сердце мое в этот момент
 Стоит, как ты, в тишине

Подруга, ты была
 Как дитя, ты была
 Как дитя, ты была

И страшно, когда ты
 Все чаще приходишь
 Но тебе, бедному
 Пишут им, честь предать

Несправедливость

*– Я протестую, протестую! Протестую! –
бросал в лицо, проржавевшему
от несправедливостей миру, великий испанский
поэт Федерико Гарсия Лорка.*

*– Этот безумный, безумный мир!.. –
слова знаменитого американского режиссера
Стенли Крамера.*

*Автор то же заявляет, что мир людей,
к сожалению, по-прежнему остается
жестоким, продажным, несправедливым.*

Несправедливость...

Она из пещеры

Однажды с дубинкой по миру пошла.

Не ведала жалости, совести, веры, –

Окаменела в пещере душа.

Летели века.

Менялись державы,

И рушились троны владык и царей.

Несправедливость вилась возле славы

В богатых одеждах,

ханжа из ханжей.

Несправедливость чуралась идеи,

Которая к правде и братству звала.

Она заимела парадные двери.

Она и сегодня на лжи расцвела.

И страшно, когда на посты президентов

Все чаще приходят вруны и ханжи:

Но толпы бездумные на континентах

Внимают им, честь предавая души.

Что ждет нас?

Никто на планете не знает.

Повсюду измены, вражда и террор.

И к звездам поэт снова взгляд поднимает:

«Простите людей за вселенский позор».

1–4 декабря 2007 г.

Ханты-Мансийск

(песня)

Сыну Ивану

Кедрач опять в пурге мятежной,

Она холмов святых – горнист.

Нет города в России снежной

Красивей,

чем Ханты-Мансийск.

Березы в парках дарят сказки,

И белый небосвод лучист.

Нет города в России майской

Красивей,

чем Ханты-Мансийск.

Обь изумрудна на рассвете,

Иртыш в долине серебрист.

Нет города в России летом

Красивей,

чем Ханты-Мансийск.

По склонам круч – рябин горенье,

Лови же, друг, счастливый лист.

Нет города в стране осенней

Красивей,

чем Ханты-Мансийск.

О женском притворстве

Притворство женщин не от страха,
С притворством женщине легко.
Представьте, ей дала для блага
Природа это естество.

Притворство – как самоохранность.
Тут жест природы так же прост,
Как ящериц спасает странность –
Дарить врагу на память хвост.

Ведь если сразу нараспашку –
Мужской угаснет интерес.
О, нет, не повторит промашку
Она для радости повес.

Она замужнею предстанет,
Хотя сама, как дым, вольна,
Вдруг ни с того-сего устанет,
А то заявит, что больна.

И так притворством измывает,
И так измучает тебя,
Что сердце бедное устанет,
И говорит: «Любовь моя...»

Мужчина, не держи обиду,
Лишь женщина подарит рай.
Притворство как самозащиту
И как улыбку принимай.

Часы сомнений одиноких

Молний извилистый путь,
Грома раскаты и ахи.
Дай мне, гроза, отдохнуть,
И не придумывай страхи.

Клонится ель под окном,
Ветки от света лиловы.
Стал без тебя этот дом
Словно чужим и бедовым.

Раньше искали во сне
Руки любимое тело.
Ты сомневалась во мне,
К жизни иной улетела.

Пусть на притворства твои
Рушатся грома раскаты.
Мамины руки любви
Хочется нынче погладить.

Мама, явьсь же во сне,
Нынче не вынести муки,
Вижу я, вижу – ко мне
Тянутся мамины руки.

11–12 января 2010 г.

* * *

Поэту Галине Хорос

В душе у Вас – родник страданья,
Я целовать его готов.
Исходит море обаянья
Из Ваших глаз, из Ваших слов.

Волнуют:

 скромных ног движенье,
Игра волос, усмешка губ.
Вы рождены для наслажденья,
Для вдохновенья, вознесенья,
Но... мир жестокий с Вами груб.

И Ваша страсть то в небо рвется,
То просится к меже цветной...
И над страданием смеется
Тот недруг жалкий

 Ваш и мой.

Май 2005 г.

Остров Маргит

*Памяти великой мадьярки –
поэтессы Анны Беде*

Остров Маргит посреди Дуная,
Для мадьяр ты – как посланец рая.
Здесь отели, корты, клубы, даже
Желтовато-сахарные пляжи.
Здесь ходили мы с тобою, Анна.
День-художник к нам имел вниманье:
Рисовал лучами, облаками,
Набегавшими с реки волнами, –
Твоего искал он обожанья,
Нежная, улыбчивая Анна.

Остров Маргит полюбили клены,
Нет для них заботливее дома.
Тут важны в любое время года
Взгляд и пониманье садовода.
Видят с высоты почтенной клены
Иероглиф каждого затона.
Вот затон – как звонкая подкова,
Чуткий знак таинственного слова.
И затон зовет поэта Анну,
Анна разгадала эту тайну.
От душевных ран и после сечи
Остров красотой поэтов лечит.
И колокола над ним утрами
Благовестят вместе с небесами.

11–14 ноября 2009 г.

*P.S. В ночь на 14 ноября в полусне я увидел Анну.
Она смотрела на меня ласково и печально.*

* * *

Пихта ночью тревожится, в дождь.
В ночь с березы листва облетает,
И за этим она наблюдает
И грустит: «Как теперь запоешь?..»

Схож с деревьями старец-поэт, –
Ищет ночью строку огневую
Несмотря на слезу болевую,
Жить иначе не может поэт.

29 сентября 2009 г.

О деньгах

Где деньги, там и слезы.
И алчный женский смех.
Где деньги, там угрозы,
Там золото и мех.

Не надо быть провидцем, –
С деньгами ты – герой.
Попробуй разориться –
И ты уже смешной.

Мы деньги проклинаям,
Ах, лучше бы горы книг!
– О, небо! – мы взываем, –
Жить научи без них...

В бане

(шутка)

*Попарился – и на душе легко.
В бане поспишь – из тела беса выгонишь.*

Русские поговорки

1

Я сплю сегодня в бане,
Не спал я в ней давно.
И астра осиянно
Глядит в мое окно.
Она свидетель – ночью
Из бани мчался бес.
И зорька, между прочим,
Лучи умыла здесь.

2

Эх, банное леченье!
Не надо докторов.
Пляши, российский веник,
На спинах мужиков.
Поддайте жару-пару!
Дух поднимай огнем!
В российскую Сахару
Европу мы зовем.
Вы в нашей бане парьтесь
С отвагой, господа.
И тело злые страсти
Покинут навсегда.
И будет пониманье,
Что мы умеем жить,
Когда свои страданья
В пару горячем бани
Стараемся лечить.
Я парюсь постоянно,
И тело – как струна.
Почаще мойся в бане
И ты, моя страна.

Залетный ветер

*Памяти поэта-друга
Вадима Кузнецова*

Появился вихревой и влажный,
Растревожил изумрудный стан.
Песню подарил он кроне каждой,
Он солистом вдохновенным стал.

Может, Кисловодская долина?
Может, Пятигорска гребни гор
Дали путь ему к России синей,
Чтоб со мной имел он разговор?

И услышал я лихие вести,
Ветер думу подарил свою:
«Люди – обездушенные бесы –
Захватили Родину твою.

Поэтому поэты – как в изгнание,
Нынче всем я говорю о них:
Лишь поэты вознесут страданье –
Вечные пророки дум людских.

У меня своя о вас тревога.
Много раз я уводил грозу.
Ну, прощай!

Во-он парус одинокий...
Для России я его спасу».

Август 1991 г.

Вчерашний раб

Тирана нет.
И раб вчерашний
Поспешно занял трон пустой.
И вот уже –
 и жест монарший,
И взгляд холодный и немой.
Но, зная,
 что не продержаться
Ни дня без этих вон трудяг,
Он начинает притворяться,
Всем дарит именной пятак.
Он обещает людям блага,
Речами, властью упоен.
Горит, как рана,
 чувство страха
Уже за свой державный трон...
Предав доверие народа,
Он сгинул,
 как звезда в ночи.
Впредь
 не спеши с вождем, Свобода,
Ищи достойного, ищи.

* * *

*Кубанскому поэту-другу
Виктору Жорнику*

В душе звучит стихия моря. –
Я чувствую отлив, прилив.
Необъяснимо чувство воли,
Оно крылато, словно миф.

Ты, море, властно надо мною,
Ты ведаешь мою тоску.
Лечу себя твоей волною
На одиноком берегу.

2 ноября 1999 г.

* * *

Одиночество – не утомленье.
Одиночество – даже спасенье,
Ведь толпа – это хуже, чем лес.
Если я сохраню вдохновенье. –
Значит, здесь я – по воле небес.

17 ноября 2009 г.

Олеся

Памяти трагической жизни
Олеси Васильевны Статутяк,
жившей в Ханты-Мансийске,
уроженницы Западной Украины.

* * *

*Чти трагические судьбы,
сочувствуй им, – и душа твоя
станет богаче, удивительней.
Древняя заповедь*

Замер крик навек в Залесье
Двух случайных лебедей:
«Ах, Олеся! Ах, Олеся!
Нас прости от всех детей!»

Ты мечтала, ты рыдала:
«Где вы, мама и отец?!»
Сиротою вечной стала:
Нет их в небе, нет и здесь.

По закону милосердья
Приютил тебя детдом.
Ты жила, училась, веря, –
Будет и семья, и дом.

Ты мила,
и все бы славно,
Но откуда ветры бед? —
И мужа твои случайны,
И к работе страсти нет.

Давит душу знак сиротства, —
Неотрывный, роковой.
Стала думать о погосте, —
Мол, найду я там покой.

Опереться бы на друга —
Как у белых лебедей...
Вместо лада —
 часто выюга
Кружит в стане у людей.

Веру в счастье потеряла, —
Сирота, мол, как роса...
И душа твоя устала,
Крылья ты к груди прижала
И — прощайте, небеса...

13 апреля — 7 июня 2010 г.

* * *

Сегодня у дачи притихшей
Услышал я ворона крик.
И сразу возник предо мною
Встревоженно-трепетный лик.

Волшебны законы Природы, —
Посылы волнений моих
Находят тебя за горами,
На пляжах, в скопленьях людских.

И вещая птица тревожна,
Что нету со мною тебя...
стоишь ты у кромки прибоя,
Его красотой слепя.

Я знаю, что море вручает
Печали игривой волной,
И дарит нежданные встречи,
Смеясь над тобою и мной.

Я даже во сне волновался,
Я чувствовал токи твои.
А утром лиловые тучи
От моря грозу привели.

9 августа – 3 сентября 2009 г.

* * *

*Коля, сын И.А. Бунина, родился гением.
Он говорил стихами. Им восхищались,
его любили все. Он умер в пятилетнем
возрасте. Передо мной его фотография...*

Цветок цветет в руках у Коли.
Но взгляд
 в глубь неба обращен,
Как будто Коле нынче больно,
Объят тревогой странной он...

Не разгадать нам взгляд ребенка,
Он не для нас,
 он далеко.

Но Некто, чувствующий тонко,
Не мог не уловить его.
И понял –
 вновь родился гений,
И озарил его испуг:

Ведь этот гений
вне сомнений
Не вынесет душевных мук
В стране людских страстей и горя,
В стране мятежной по судьбе.
И этот Некто в небе горнем
Взял Колю ангелом к себе.

22–25 июля 2007 г.

Амбары

*Любимой бабушке Матре –
Матрене Александровне
в честь ее памяти*

Близ дома стояли амбары
Для духов, для блага семьи.
Дарила им бабушка Матра
Утрами признанья в любви.

Амбары – хранители ягод,
Орехов, сушеных грибов.
Лосятина вялилась к снегу,
Урак для зимы был готов.

Два темных амбара стояли
С подарками духам в тиши.
Их бабушка оберегала,
Их сквозняками ласкала, –
И были подарки свежи.

Две лесенки есть приставные, –
Красивы, удобны, легки.
Амбары стихий не боятся:
Имеют четыре ноги.

Амбары нам верно служили,
Они – как спасенье в быту.
И переселенье отсюда
Восприняли мы как беду.

Мы власти, конечно, боялись,
Но бабушке власть нипочем.
Осталась она при амбарах,
И будет в сохранности дом.

Летели невзгоды и войны,
В стремнине их –

мать и отец.

Но рядом амбары и Матра, –
И жизни явился венец.

10–12 октября 2008 г.

И вспомнилось...

Старинная песня полозьев,
И звонкий заливистый смех.
Кружит над кошевкой морозной
Копытами вскинутый снег.
И – нету печали в помине.
Ну, как сомневаться я мог!
Приехала Галя-Галина –
Волшебного поля цветок.
И, глядя на взлетные брови,
На свежесть и розовость щек,
Я вновь загорелся любовью,
Тобой восхищаюсь, дружок.
Твои обнаженные руки –
Как два милосердных крыла.
Ты нынче на счастье, на муки
Меня в небеса вознесла...
Теперь, одинокий, в метели
Гляжу я, как бесится снег.
Доносит порою он еле
Тот милый и радостный смех.

22–23 января 2008 г.

Сестры милосердия

*Посвящается женщинам санатория
«Ахманка» Тюменской области.
Раздумья тех исторических сестер
отвечают раздумьям нынешних
патриоток Отечества.*

Россия, твое оправдаем доверие!
От звуков оркестра румянится даль.
И движется поезд сестер милосердия
На поле сраженья, где гром и печаль.

Ах, сколько, сестренки, вы мук испытали!
И стоны, и зовы мужские для вас...
Солдаты вам души свои доверяли,
И к жизни вы их возвращали не раз.

Крестьянка Седых и княгиня Аверина
И сотни других благородных сестер,
Мы вам от любви, восхищенья поверили,
И слава о вас велика до сих пор...

Вернемся же в Русь двадцать первого века.
Опять негодьям живетесь легко,
И снова не ценится жизнь человека,
И золото снова – превыше всего.

Вернемся в деревни,
В наш день затуманенный,
Деревни спасали Россию всегда.
Хотя мы обманом и ложью изранены,
Но совесть жива, как спасенья звезда.

Здесь жены и матери – солнце доверия,
Угасли б деревни Отчизны без них.
Здесь женщина – это сестра милосердия, –
Спасает от бед и своих, и чужих.

Крестьянка Седых и княгиня Аверина
И сотни других благородных сестер,
Вы светите нам,
и в себя мы поверили,
И верю этой жизни до сих пор.

2001 г.

Герои России

*Кланяйтесь, люди, поэтам и
творцам земным.*

Виктор Астафьев

Герои есть еще в России,
А с ними мужество, любовь.
В свирепой стуже, в стуже синей
Идет на полюс Конюхов
И, как моряк на реях в бурю, —
А вдруг покажется земля, —
Он, космонавт, в небесной хмури
Антенну правит корабля.

Не спит в ночи художник века, —
Не спит великий Глазунов:
Он пишет образ Человека,
Который к подвигу готов.

Их мало, нынешних героев, —
Поэт, творящий на заре,
Геолог, путник топей, хвои,
Ученый с думой на челе.

Идет народ с надеждой в храмы.
О, Господи, от мук спаси!
О людях страждет постоянно
Наш Патриарх всея Руси.
Россия... Взлеты, паденья.

И взгляд врагов из-под руки...
Нужны героев поколенья,
Нужны для вечного спасенья
Не единицы,
а полки.

Прощальная тройка

*Я – деревенский человек.
Санки и тройка – как образы
моего детства, моей отшумевшей
жизни, – всегда со мной.*

Ах, санки! – вы детства начало.
Ах, тройка! – печальный конец,
Когда отзвенит у вокзала,
Всплакнув о былом, бубенец.

С кошевки, как та незнакомка,
Которую видел Крамской,
Взглянула насмешливо тонко,
Как будто уже я чужой.

Я понял – навек расставанье.
О, Господи, так же нельзя!
Она оглянулась прощально,
Судьба оглянулась моя.

Судьба окаянная знала –
Готов мне терновый венец.
Видать, потому у вокзала
Прощально всплакнул бубенец.

20 ноября 2004 г.

Апрель

Из облаков его соборы,
Из небосвода льется звон.
А на Земле жулье и воры
Приумножают плач и стон.
Они нам не дают покоя.
Апрель – боец, соратник наш,
Не терпит хамского разбоя,
Он вынул меч и скинул плащ.
Он бой ведет.
А Зло хохочет,
Кружа мечом, победы хочет.
Апрель согнал его на лед,
Зло в полынью, видать, уйдет.
Поняв опасность, Зло мгновенно
По льду пустилось наутёк.
И вот он берег – как спасенье!
Он принял яростный прыжок.
И лед пошел.
Гремят торосы.
Укрылось Зло в лесу густом.
Нужны живительные грозы!
Апрель нам дарит первый гром.

16–19 марта 2008 г.

Березовские дали

Белы Березовские плесы,
Красны у яра берега.
Березы рушатся с откоса,
С обрыва падают века.
Когда над Сосьвой рухнул берег,
И кто-то крикнул: «Ой, потоп!...» –
Упал он, словно камень серый, –
Тяжелый меншиковский гроб
В пучину вод реки таежной

И до предела ледяной.
«Неужто наказание Божье?...» –
Шептал вблизи казак хмельной.
Он, Меншиков,
 с молвой обвенчан,
И люди говорят не зря,
Что гроб из лиственницы вечен,
Лежит он в яме осетра...
Березов чуден майской ночью.
Иду я, красоте дивясь,
Зеленой лиственничной рощей,
Ее садил Светлейший князь.
Его часовня возродилась,
По-новой слава расцвела.
Его почтенную могилу
Природа в дали унесла.

Прелюдия к бабьему лету

Пронзительно лазурны
Просветы в небесах.
От паутин ажурных
Серебряны леса.
Еще у паутинок
Для взлета время есть.
И девочки невинно
Целуют в Храме крест.
А девушки о свадьбе
Мечтают день и ночь.
Парней веселых рати
Спешат им в том помочь.
И бабам-то не спится. –
В заветном бы поспеть!
Иная оголится
И... хочет ввысь лететь.
Скорей на бабьи стоны
День золотой, спешите!
У них ты – как икона
Для тела и души.

* * *

Кате Тайлаковой

Отпылала рябина на рыжем откосе.
Улетели опять на моря журавли.
Я остался один.
И последние слезы
Я оставил тебе для последней любви.

В этой жизни на каждой развилке ловушки,
Золоченые сети стоят по ночам.
После них –

взглянешь ты на меня равнодушно,
И уже не поверишь сердечным словам.

Но сегодня идешь, сохраняя отвагу
Ту, которую трудно по жизни нести.
Замираю порою на круче от страха
За Тебя, за любовь на опасном пути.

18 октября 2006 г.

* * *

Неужто я боюсь любви?
И лет своих пугаюсь?
Я за ошибки те свои
До слез сегодня маюсь.

Часа четыре до тебя,
А мнится даль – до Веги.
С улыбкой сравниваю я
Автобус и телегу.

В страданиях Чехов, Русь любя,
Достигнул Сахалина!
А жены декабристов?..

Я

Гляжу на них повинно.

Шлю к бесу разницу в годах!
Приму любую муку!..
За благодарный свет в глазах
Твою целую руку.

18 сентября 2009 г.

* * *

Сегодня ты, как луч, тиха.
Вчера была ты бурей южной,
Была в смятенье непослушной
Твоя горячая рука.

Вскипала плоть, как та волна,
Что хочет быть всегда девятой.
И ты ждала моих объятий, –
Быстра, насмешлива, нежна.

И руки вскинулись мои.
Но ты – опять в плену рассудка:
«Нужна на каждый случай шутка...»
И ты уходишь от любви.

Решила страсть залить водой:
Берестяной пристроив ковшик
Меж рук для влаги дождевой,
Частит в него коварный дождик.
Ты заливаешь наш костер.
Он вновь не вспыхнул до сих пор.

25 сентября 2009 г.

Лиственница Меншикова

*По легенде Меншиков любил сидеть,
мечтать у лиственницы, посаженной
им на высоком берегу Сосьвы.*

Я прикасаюсь взглядом к ветке.
Я в дали думой улетел...
Была под деревом беседка,
Здесь часто Меншиков сидел.
Глаза его огнем пылали,
Он видел, видел, как в бреду:
Петра, себя, друзей, бокалы
И ту нежданную беду.
Вздыхал.
Усталою рукою
Ласкал он, словно друга,
Ствол.
Поом походкою былою
В свою обитель гордо шел.
А в дни весны исповедально
Он мысли дереву вверял.
И рубцевались в сердце раны.
Он от мучений прозревал.
Признался он себе однажды –
Низринутый с вершины бог:
«Достоин уваженья каждый,
Кто в беды честь свою сберег».

Была ты нежною дворянкой
(по мотивам кубанских казачьих песен)

Катился вал войны гражданской,
Ломая судьбы, города.
Зачем идешь в поля, дворянка,
Гуляет там сама беда.
Гуляют кони вороные,
И сотня пьяная поет.
На груди юные тугие
Казак усатый упадет.
В тачанке ночью ты проснешься,
Она летит в разгульный край.
И самогонки ты напьешься
И крикнешь: «Девочка, прощай!»
Тебя в станице Голубицкой
Научат шашкою рубать.
И станешь ты в степях, как птица,
И наземь падать и взлетать.
Была ты нежною дворянкой,
Теперь сама ты – атаман.
И, как у знатной половчанки,
Есть именной в степи курган.

*1998 г., Кубань,
станция Старотитаровская*

* * *

Оксане Колодиной

Ты еще беззаботна душою,
Удивительно этим мила.
И живу целый день я тобою,
Словно в небе комета прошла.

*26 ноября 2006 г.
г. Пыть-Ях*

Священные горы

Раньше ханты-мансийские холмы именовались горами. Семь священных гор. Изучив культовые и бытовые назначения, автор дал каждой горе имя, которое они заслуживают в историческом и житейском планах.

Селенье. Берега лесисты.
И грозен красный крутояр.
У этого лесного царства
Есть свой хозяин –
 князь Самар.

Иртыш и Обь в его владеньях
Слились, смотрите, навека.
И горы в кедрачах священны,
Земля от Бога велика.

«Гора моленная»¹¹, как репа,
Кругла,
 и от цветов желта.
Тут разговор ведется с небом,
И Бога услышать – мечта.

Семь важных идолов таились
В кедровнике своей горы¹².
Они судьбой своей гордились,
Они на свете – для молвы.

От их горы, – подать рукою, –
«Гора священного огня».
Шаман не ведал здесь покоя,
Взывая к небу, зло кляня.

¹¹ «Моленную гору» нынче занимает окружной этнографический музей под открытым небом «Торум-маа» (Божественная земля).

¹² «Гора семи идолов» находится в километре в сторону моста через Иртыш.

В Самарово с горой привольной
Сроднились Алквист, Беринг, Брем¹³.
И юный Николай¹⁴ невольно
Был этой «горкой» восхищен.
На Север выбрала дорогу
«Гора пихтовых падунов»,
Любя иртышскую протоку,
Бегущую среди лугов.
Был у горы затон у яра –
Для рыбаков удачный стан.
Отсюда рано белый парус
Спешил к Оби
на свежий вал.

Сияла в мини-водопадах
«Гора хрустальных родников».
Как дети,
люди были рады
Игре божественных стволов:
То вдруг струя ударит шало
Из-под корней, лицо слепя,
То вдруг ручей – гонец увала
Окатит брызгами тебя.

Водой горы не забавлялись,
А в святость верили ее.
Водою этой окропляли
В лихие дни свое жильё.

В Ханты-Мансийске всем известна
Долина щедрая ручьев.
Дошли до нас, как чудо, вести
О ней в легенде тех веков:

¹³ Почетными гостями Самарово были: выдающийся исследователь наречий вогулов, остяков и самоедов финский профессор Август Алквист, руководитель Великой Северной экспедиции Витус Беринг, немецкий ученый-биолог А. Брем.

¹⁴ Николай Второй произнес, глядя на Самаровскую гору: «Хороша горка».

Самар открыл Долину эту
Случайно в грозное лето.
Спустившись к кедр-исполину
С горы, поросшей пихтачем,
Самар увидел вдруг Долину
В цветах и с голубым ручьем,
Который лихо, смело мчался,
Как в нартах молодой олень.
Самар ручьем залюбовался,
Но... угасал за тучей день.
Погладив трепетные ветви,
Самар решил на привал.
На древе он поставил метки —
Тамгу¹⁵,
 и здесь заночевал.
Князь утром совершил моление,
Губами к дереву припал,
И он назвал его священным,
И гору в честь его назвал —
«Гора священного кедра».

17 марта – 30 апреля 2010 г.

Новый вариант стихотворения

* * *

Есть у жизни все права,
Баловня Судьбы не любит.
Все равно его погубит
За великие слова

30 ноября 2005 г.

¹⁵ Тамга — личный священный знак.

Мольба к Богу

К истине шел терпеливо,
Мук моих не передать.
Господи, несправедливо
Жизни поэта лишать.
Пусть он живет – сколько хочет
Этот чудак на миру,
К жизни взывающий ночью –
Дать озарение злу.
И не свое ли горенье
Ты ему, Господи, дал?
В искрах его вдохновенья
Ты свою волю узнал.
Так отпусти же, Всевышний,
Вечность ему от весны.
Верой одарит он ближних
В эти и дальние дни.
Благ он себе не попросит,
Золота он не возьмет,
Лишь благодарные слезы
Тихо в ладони прольет.

1997 г. Ночь. Пасха

Ночной разговор

*И если я порою плачу,
Поверьте, только от того,
Что жить хочу совсем иначе,
А сделать это нелегко...*

Слова автора

Спят небеса.
Но их мерцанье
Ласкает нас, любовь тая.
– Ты почему проснулась рано,
Душа невинная моя?
– Еще я верю, друг любимый,
Тебе,
 нам исповедь нужна.
Мне не дает покоя дума,
Она нам до утра дана.

Твоя головушка повинна.
Она фальшиво весела.
Ушел ты от своей стремнины,
Она в цветах, в крови была.

Не будет больше дня такого, –
Ты вспомни помыслы свои, –
Тебе вручило небо Слово
Для вознесенья и любви.

Конечно, жить забавно можно,
Имея золото и дворцы.
Но миру больно и тревожно,
Ему, как свет, нужны творцы.

– Прости, – сказал душе я плача, –
И коли смотришь далеко, –
Поверь, я стану жить иначе,
Но знаю – это нелегко.

4–5 ноября 2010 г.

Наедине

*Часто мои думы возвращаются к сосновым
борам Шаима. Теплее становится на душе.
Именно там, в Шаиме, мне вспомнились
строки Сергея Есенина:*

*Если крикнет рать святая:
– Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: – Не надо рая,
Дайте родину мою.*

Медовые сосны Шаима,
И в лилиях белых затон.
Ты родиной этой любима,
Я то же тобой восхищен.

От пляжного звонкого гама
Плыви наша лодка, плыви
До плеса – укромого стана.
Где живы признанья в любви.

Вода серебрится, играет.
Пылает в лучах небосвод.
И кто там мечтает о рае?!
Он здесь, возле милой цветет.

Ты скинула легкое платье,
И с лодки нырнула в реку.
Я жду тебя, жду для объятий
На этом лесном берегу.

Ты даришь цветов ароматы,
Целуешь, любовь не тая.
И неба сейчас мне не надо,
Лишь видеть, лаская, тебя.

10–11 сентября 2010 г.

Разговор с рябиной

Рябина – мое дерево по жизни

Я в детстве увидел рябину
На круче

Сквозь дымку зари.

Мы ехали в лодке срединно
Рекою,

Неспешно гребли.

Рябина стояла у кромки,
В ладони держал ее яр.
Была она дочерью зорьки,
Платок ее нежен и ал.

Я ехал учиться.

Невинно

Сидел, на рябину глядел.
«Зачем ты родилась, рябина,
На круче,

Над самой стремниной?

Тебе кто-то так повелел?»

Мне голос почудился тонкий,
Недвижимый воздух дрожал.
– Родилась от неба на кромке, –
С печальной метой душа.

Два корня соседнего кедра
Спасают, меж ними расту.
Спасают ветвями от ветра,
Отводят от яра беду.

Ты много имеешь волненья,
И жалость ко мне затая...

Я здесь родилась по веленью
Небес,

Чтоб увидеть тебя.

22 сентября 2010 г.

Гори, огонь воспоминанья!

(о тюменских писателях)

Нет сегодня улицы Ванцетти,
В лебеде писательский наш Дом,
Где любого гостя и поэта
Угощали словом и вином,
Угощали воблой из Ишима
И стерлядкой с берегов Оби.
Было и восторженно и дымно,
И стихи звучали до зари.
Хлебосольный, щедрый по-российски,
Этот Дом радушно привечал
Вяч. Попова¹⁸ из Ханты-Мансийска,
Лирика, солдата-лихача.
На плечо гвардейца опираясь,
Шел поэт Калабин, друг, земляк,
И читал стихи, попутно каясь:
«Ты ведь знаешь, Вяч, я не слабак.
Пил вчера перцовку натошак,
Вот и намолол муки, чудак:
Я упал у станции в овраг,
Помнишь, тот глубокий, грязный, темный.
Как оттуда выбрался, не помню...»

Добродушный бородач Кукарский¹⁹
Говорил Булату²⁰ : «Ты, Булат,
Как мамашу чти язык татарский,
И поэзии будь верен, брат».
И, качая головой цыганской,
Шел легко к веселому окну,
Где с рябины пел скворец романсы,
Славя и поэтов, и весну.

А Булат отвечивал печально:
«Быть поэтом –

жить на сухари.

¹⁸ Вячеслав Вонифатьевич Попов, офицер-фронтовик, поэт-лирик.

¹⁹ Анатолий Кукарский, замечательный поэт-лирик.

²⁰ Булат Сулейманов, татарский поэт.

Но бывает день, наверно, странный, –
Мы с тобой шикуем, как цари...»

Приходил улыбчивый Сазонов²¹,
Превнося в беседы свой восторг,
И уральским веяло азонам,
Думами нехоженых дорог.
Он с Нечволодой Володей²² споря,
Уверял, что есть огонь строки,
Мудрость оставляющей от горя,
Пеплом посыпающий виски.

Ермакова²³ мы встречали стоя,
Он в войну сражался за Москву.
Вынесла его из пекла воля,
Сказочником стал он наяву.
Для детей в душе рождались сказы,
Всю любовь он детям подарил.
И его, мы знали из рассказов,
Каждый школьник здесь боготворил...
Вы, друзья, – как заново явились:
Осиянны все черты лица.
На Земле мы вас благословили,
Приняли вас нежно небеса.

* * *

У Весны озорной есть отменный подарок –
Свет небесной поляны пронзительно ярок.
Нам открылась она между туч удлиненных,
Берегут этот свет золотые колонны.
Есть поляна чудес и у кедров священных.
Гость небес освятил ее в День вознесенья.
Что задумалась Вега?
Не твой ли посланец

²¹ Геннадий Кузьмич Сазонов, прозаик, был геологом.

²² Владимир Нечволода, поэт-лирик.

²³ Ермаков Иван Михайлович, фронтовик, писатель-сказочник.
Умер в Тюмени.

Взял грибы здесь для пробы в лазоревый ранец?
Снова ждем мы посланца
В трудный вечер заката.
И спасется Земля —
В это верю я свято.

* * *

В войну морозы были лютыми,
Стонали лед и деревья.
А люди лес валили сутками,
Губами шевеля едва.

И снайпер в ледяном окопчике
Держался что есть сил,
пока
Фашист тридцатый черной точкою
Не падал в красные снега.

Вражда людей, ожесточение,
Дрожащий каждой веткой лес.
И, видно, кончилось терпение
У выжидательных небес.

И... получай, люд, наказание —
Орбит космических удар —
Морозы, град, штормов рычание,
Вулканов яростный пожар.

Сегодня вновь столпотворение.
Сегодня вновь кругом вражда.
И надо ждать землетрясения.
Стучится в каждый дом беда.

И станет вал крушить селения...
Но год и день, о люди, есть
Для размышления, спасения
Своей души и здешних мест.

Полевая межа

*Полевая межа –
Это поля душа.*

Полевая межа, ты любима,
Ты сегодня в июльском цвету.
И тебя в этой синей долине
Я душе для покоя найду.

Я оставил все распри далеко,
Я забыл про людскую вражду.
Удивительно быть одиноким
В полевом незнакомом саду.

Словно брат к голове прислонился,
Наклонился ко мне зверобой.
И душистый вьюнок, будто птица,
Говорит о меже полевой.
Праздник жизни!

Он перед глазами:
В каждой травке, в цветке и в душе.
Шар земной обнимая руками,
Я лежу на меже полевой.

* * *

Ты ветреной слыла девчонкой.
И, наделенная красой,
Ты на тропе скандально-звонкой
Не стала верною женой.
Тебя тянуло, как и раньше,
К вину, к веселью и грехам.
В своих желаньях стала старше,
Была царицей по ночам.
Но в жизни есть свои законы,
Есть полдень женского пути,

Потом начнутся ахи, стоны,
И от старенья не уйти.
И одиночество настанет,
И вспомнишь скромного того,
Кто признавался тихо: «Таня,
Тебя люблю... с тобой легко...»
Тебя смешила и сердила
Наивность эта в смирный час, –
Ты чуяла, что говорила
С тобой Любовь в последний раз.
Себя в тот миг не понимая,
Не понимая слез своих,
Ты отвечала: «Я – дурная...
Я рождена не для святых...»
Лихая тройка скрылась в далях,
Но одинокое житье
Тебя, похоже, не печалит:
«У жизни я взяла свое...»

6–7 февраля 2005 г.

В метро

Пять гладиолусов росистых
С Тобой явили Красоту.
Ты вдохновенна,
Ты лучиста,
Ты словно все еще –
 в саду.
Ты – миг гармонии Природы.
И по велению Христа –
Разъялись мраморные своды, –
Мир ждет спасенья, Красота!

1 сентября 1989 г.

* * *

Эта листвень в расцвете и силе,
И священной слыла на миру.
Но однажды я страх пересилил
И тихонько погладил кору.
И отпрянул –

малыш пятилетний,

От нее наказания ждал.
Встрепенулись пахучие ветки,
На вершине глухарь скрежетал.
И пахнуло теплом,

словно кто-то

Гладил голову нежной рукой.

Глянул ввысь,

в глубину небосвода, –

Шло сиянье из бездны златой.

Я, взволнованный,

в избу ворвался:

– Листвень гладила, мама, меня!

И никто надо мной не смеялся,

Мать смотрела, улыбку тая.

– Знать, защитницей будет, – сказала. –

У священных всегда свой секрет.

А душа моя вся трепетала,

В ней, смятенной, родился поэт.

К Балатону

Легенда знает: в Балатоне
Христос купался в час ночной.
И слышались блаженства стоны,
Играл Он с лунною волной.

Приняв давно благословленье
Христа

на благодать свою,
Ты, Балатон, таишь волненье,
И я шепчу тебе:
люблю.

О Балатон, ты словно море, —
Летят на волнах паруса.
И день и ночь цветут на взгорьях
Твои селенья и леса.

И гимном вод своих священных
Признал ты колокольный звон.
Незабываемы мгновенья:
Тебе внимаю, Балатон.

1–7 февраля 2008 г.

Закат

Желто-светлый закат –
Привилегия Севера
И душистого клевера.

Желто-светлый закат,
В детстве мы тебя видели
Из отцовской обители.

И клевали ерши
Под закатное пение
И свиное бдение.

Желто-светлый закат,
Ты есть Космоса таинство,
Ты поставил знак равенства
Между словом и молнией.

Подарил мне видение:
Лунных гор воспарение –
Зов к душе
 для спасения.

1987 г.

Волшебный декабрь

У декабря есть тройки вороны,
По духу им порывы снежных бурь.
У декабря есть грады золотые:
Москва, Ханты-Мансийск и Петербург.

Летят лесами тройки удалые,
Кругом, как в сказке,
 храмы, терема.

Деревья кружевные, расписные,
Горит оранжевая бахрама.

Полночная душа

Другу Александру Константинову

Меж сосен рыжих банька,
Темна и горяча.

Ее хозяин Ваня –

Полночная душа.

И силы и смекалки

Ему не занимать.

Сюда после рыбалки

Спешит.

Знобит зима.

А банька жаром пышет,

А банька весела.

И филин зрит над крышей,

Как верная жена.

Дом пятистенный рядом.

Варвара лад блюдет –

Хозяйка и отрада

К столу Ванюшу ждет.

Спать близнецы-сыночки.

Полночный час настал.

Глаза пылают волчьи,

Иван на них чихал.

Предбанник – рай от жара,

Скамейка широка,

Здесь любит млеть Варвара,

Услада велика.

Гуляет веник в баньке, –

Стонали кости чтоб.

И вылетает Ваня,

И падает в сугроб.

Бледна луна от страха,

И слышит небосвод

От Вани крики-ахи,

Трет снегом грудь, живот.

Имей такую баньку –
И сколько хошь живи
Без брани и без пьянки –
Для радости, любви.

12–13 мая 2007 г.

* * *

*Может быть, одиночество преодолимо только ритмами
действительной жизни – страстью и трудом...
...В поэтическом ощущении мира нет разрыва
между личным и общим...*

А. Блок

В доме большом и скучном
Живу в себя погружен.
Жить бы у моря нужно,
Где с волнами спорит гром.

Как-то под утро, ночью,
Явилось шуршанье шин.
В дом наш приехал с дочкой
Важный чужой господин.

Подал он руку дочке,
Богиней вышла она, –
Лунно сияли очи,
Улыбчива и стройна.

И, очарованный ею,
В окно я тогда глядел,
Его распахнут сумел.
Ветер, свежестью вея,
В каморку мою влетел.

Сразу пахнуло пальмой,
Глядящей вслед парусам,
Цветною пылинкой дальних,
Неведомых сердцу стран.

С неба лилось сиянье,
Воспряла душа моя.
Голос из мироздания
Услышал трепетно я:

«Ты мечтой очарован,
Это исход не твой».

Был я до слез взволнован
Истиною простой.

22 мая 2009 г.

И вылетает Вани,
Нивелирует в тень,
Павана на фоне
Исконной тишины,
Откуда звучит
Тысячи лет, тысячи лет

В зоне бедствия в суровом
Знать в себя погружен,
Жизнь бы у моря волну,
Где с водными контактом
Как-то под утро, морозом,
Включая призрачные тени,
В нем мир прелесть с торжеств
Важный разум восстаем
Потом он духу вознес,
Богиней вырван был,
Душою связан был,
Улыбка и стройна
И, черепашкой шаг,
В окно в тени глядел,
Его расклевывали суеверья,
Вот он, суждено век,
В шажках мою встала

Три столицы

1

На работе дятел рано,
Стук от клюва гулкий.
Дарит желтые поляны
Нам ручей Вогулка.
В кедраче его рождение,
Где падун туманный,
Где глухарь на удивленье
Жив –

старик опальный.

С высоты глядит на город,
И дивится птица:
Как растет он!
Как он молод! –
Гордая столица.
Да, мой град живет достойно,
Не изменит другу
Не в пример Москве разбойной,
Горе-Петербургу.

2

И свидетельствую я
От заботы-горя:
Проституток и воря
В двух столицах – море.
И стоит в России стон
От измен московских,
От повальных похорон,
От интриг заморских.

3

Что случилось, Ленинград,
Город мой священный?..
Я, студентом, Летний сад
Познавал, смятенный.
Познавал твои мосты,
Эрмитаж, проспекты.

Пик трагедии начался, —
Я народ в том не виню, —
Ельцин — сам не свой — поднялся,
Словно Ленин, на броню.

Он пока что не качался, —
Не прошиб еще коньяк,
Но себе уже признался:
Я, видать, большой дурак,
Что взошел на этот танк.

7

Ой, дележ поднялся дикий!
Он, Калиф, пришел на час.
Помогал ему безликий,
Неопознанный Чубайс.

Березовских, ходорковских
Набежала тьма — беда.
Поделили по-бесовски
Нефтяные города.

Прииски, фабрики, заводы
Брали, вроде, за пятак.
«Не нужны они народу,
Он, народ, у нас — чужак».

Больше всех Москва хватала,
В сейфы золото кидала,
Славя нравственный изъян,
Каждый час воров рожала,
И для мафий Мамой стала,
Мачехой — для россиян.

8

Но есть Москва совсем иная,
Она по-своему святая, —
Тверской бульвар, Литинститут.

Сюда с волнением идут
Те, у кого душа парит,
И с ними Пушкин говорит.

Театры, Храмы, Третьяковка...
Все это, право, островки
Среди простора лжи, тоски,
Разврата, страшной перековки
Российской праведной души.

9
Возвращаюсь в город славный,
Где Вогулка и кедрач,
Унося в душе вокзальный
Беспризорный детский плач.

В город красочный и строгий,
Он искусством дорожит.
У серебряного лога
Дом писателей стоит.

На вершине чудо-бора
Купола горят собора.

Биатлонный Центр звонко
К славе спорта мир зовет.
Губернатор Филипенко
Вновь гостей сюда ведет.

Из Аляски и Парижа
В град мой тянутся пути.
Для российского престижа
Будет он расти, цвести.

10
В двух столицах – людям ясно –
Нет хозяина-творца.
Не видать России счастья
Без тернового венца.

В Ханты-Мансийске

1

Дом писателей.

Поляна.

А за нею – кедров рать.

Выбегают зайцы рано

Покружить, да поиграть.

Белки тоже на поляне

И на крыше,

здесь видней

Купола музеев, храмов

И движения людей –

Трех знакомых шишкарей, –

Фрол – направо, Павел – влево,

Федор – прямо на базар.

Он несет обратно смело

Муксунов – живой товар.

Сам базар – лиха картина,

Тут нашли приют у нас –

Азия и Украина,

И орду прислал Кавказ.

2

Парк Победы – гордость града,

Воинам Югры поклон.

Им посмертная награда –

Каждый ликом вознесен.

На граните – ой, как много! –

Всех погибших имена.

Испокон твоя дорога

На крови, моя страна.

Власть твоя

сынов отважных

Никогда не берегла.

За тебя порою страшно,

Над тобой сегодня мгла.

Но у нас в Ханты-Мансийске

Доблесть, честность на слуху.
Парк Победы, обелиски
Греют душу на веку.
Военком товарищ Шишкин, –
Он трагически почил, –
Молвил как-то «Сам Всевышний –
Этот Парк благословил».

3

Губернатор Филипенко
Также ранний человек.
Он сейчас смотрит степенно
Из окна на первый снег.
Даже чувствует улыбки
Белых елей и берез.
Понимает он ошибки
Те, что новый век принес.
В кабинете телефоны,
Целый день в труде они:
Любо было там, на троне,
Слуги бдительны, – ни-ни...
Александр Васильич смотрит –
Обской кручи не видать.
Валит снег пушистый, добрый,
Он для дичи – благодать.
Мыслям мы мешать не станем.
Новый день – дела, дела...
На знакомую поляну
Снова лира позвала.

4

Дом писателей.
Охранник.
Недоверчивый, как лис.
Дома он сидит при ставнях, –
Вдруг нагрянет террорист.
Он инструкцией казенной,
Как наградой дорожит.
На писателей бездомных,

Как на жуликов, глядит.
Скучно бедному без дела.
А кругом поля пусты.
Комбинат наш рыбный еле
Дышит в небо, на кусты.
При охране всё в России, –
Храмы, свалки, каждый князь.
Их, охранников как силу, –
Всё наращивает власть.

5

Ждем богатого туриста,
Как инвестор едет он.
Центры спорта и искусства,
Знамо, есть.
Гостям поклон.
Казино вам не в новинку.
Вот игральные дома.
Жить хотим, как вы,
картинно.
Знай, мол, наших! Знай сполна!
Есть художники, поэты.
Ну, никак нельзя без них!
И зимой бывает лето,
Коль звучит прекрасный стих.
Вот музей. В нем – мастерская.
Ждет художник Райшев нас.
Он и вправду явь иная –
Для души и зорких глаз.
Худощав, и скромн ростом,
В простоте своей – велик.
От небес и до погоста
Озаряет жизни миг:
Человека и оленя,
Осетра и журавля,
Славит женское терпенье,
Муки, страсти бытия...
К солнцу тянутся ручонки
Всех младенцев.

Тает снег.
 Он, младенец, скажем, звонко, —
 Самый главный человек!
 Для него сияют речки,
 И поют цветы весны...
 Путь творений этих вечен,
 И гордимся этим мы.

6–16 февраля 2007 г.

Животный мир

Жизнь в лесу — это чудо,
 Как в бору в лесной тишине,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул.

В лесу у реки сосны,
 Шуршат —

Идут в лесу,
 И в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу.

Не слышно в лесу,
 Как в бору в лесной тишине,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул.

Одеты в лесу в мир весны,
 Туча дым —

Бор в лесу,
 Он в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу.

В лесу в лесу в мир весны,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу.

В лесу в лесу в мир весны,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу.

Он в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу.

И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул.

И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул.

И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул.

И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул,
 И слышно Катюшу, Лизу,
 И в лесу веселый гул.

Живительный Бор

1

Жива изба моя лесная,
Мы в бор за ягодой пришли, –
Подруги Катерина, Рая
И я – знаток родной глуши.

В избе у стен сосновы лавки
Широкие –

удобно спать.

В углу «буржуйка», – печка-сказка,
При ней поленья, благодать!

На подоконниках – по свечке,
Ночь позовет, свеча, гори.
Моей тайги закон извечный, –
Вниманье путнику дари.

Откроешь утром в мир сиянья
Тугие двери, –

бор сквозит,

Он в клочьях рыжего тумана,
Коль солнце рыжее парит.

Брусники гроздь ягель синий
В своих ладонях бережет.
Целительную крепость иней
Бруснике дал на целый год.

Спешит брусникой насладиться

Медведь,

Он ягоду гребет.

Синица –

Трепетная птица –

Клюет бруснику и поет.

2

Катя – бывшая гимнастка,
И стройна, и горяча.

Ей нужны объятья, ласка,
Помощь верного плеча.
Катя – лань на горной круче,
Гордо смотрит.
Но порой
Дерзко прыгает сквозь тучу,
Руша клятвы, мой покой.

Рая – тетива у лука, –
Для сравнения говорю, –
Как изящны ноги, руки!..
Раю я боготворю.

Рая – это вдохновенье.
Пламя томных черных глаз
Обжигало без стеснения
Сердце слабое не раз.

Я смотрю на Катю, Раю,
Их примерно я сравнил.
И давно уже страдаю:
Их обеих полюбил.

3
Катя с Раей – клад сомнений,
В сексе – вольность, дело их, –
Мол, живем для наслажденья,
Для услады дней своих.

Катя первая проснулась,
Потянулась, улыбнулась,
И в постель мою потом
Повалилась нагишом.

Наши поцелуи, стоны, –
Был я в молодости смел, --
Эти благости влюбленных
Снова я познать сумел.

Рая спит,
Лесному дому
Романтически верна.
И чему-то неземному
Улыбается она.

4

В сентябре первоначальном –
И роскошном и печальном –
Росы чисты и хрустальны,
Словно слезы малышей.
В бабье лето обаянье
Родилось среди людей.

Обаятельна улыбка
Возле зарева рябин.
Обаятельна ошибка,
Если даришь георгин
Не тому,
 кому бы надо,
И не той,
 что вдаль ушла.

Бор дарю Раисе с Катей,
Как велит моя душа.

5

Брать бруснику – наслажденье,
Если нету комаров.
Их и нет.
Девчата в шортах,
В кедах, даже без носков.
Ноги, словно у гречанок,
От Анапы так темны.
Тишина. Теплынь. Полянки
Ягод сладостных полны.

Рядом озеро. Песчаный
Берег. Это дикий пляж.

Воду здесь берем для стана.
Усмиряем свой кураж.
Смех и визг.
Мои девчата –
Словно нельмы на мели.
И ногами – как хвостами,
И руками-плавниками
Рыб в смятенье привели.
И кричат мои девицы,
Юмор юга, знать любим:
«Эй, босяк, поторопись...»
По тропинке да к водице
Я всегда хожу босым.

Час, наверно, мы плескались,
Как хотели – забавлялись.
А потом пошли домой
На обед и на покой.

6
Ночью Рая вдруг проснулась,
И зажгла свою свечу.
Подошла, меня коснулась:
«Бор увидеть я хочу».
Мы ступили на тропинку –
Ручеек из серебра.
Видно каждую хвоинку –
Полнолуния игра.
Раю краски удивляли:
«Ты на озеро взгляни...»
В недрах озера плясали
разноцветные огни.
Но недолго продолжалась
В глуби тайная пора.
Гладь нежданно воссияла,
Словно в сказке детства, стала
Чашей... полной серебра.
Стон восторга был по-женски

У Раисы – как испуг.
Мир космический, вселенский
Залил светом всё вокруг.
Сразу стали желто-белы
Воды, сосен купола.
На земле заголубели
Тени каждого ствола.
Тени, свет меняют странно
Даже лики в этот миг.
«Мы как будто марсиане...» –
Голос Раи нежен, тих.
Мы стоим под желтой кроной.
Душами обнажены.
Он настал – предел влюбленных –
По велению Вселенной
С Раей мы любви полны.

7

Вертолетная площадка
Возле бора, за избой.
Вижу мысленно палатки
И балки близь буровой.
Я сюда летал не праздно,
Праздник жизни познавал.
Он ковался этот праздник,
Где сейчас изба-привал,
Где в балке я крепко спал.

Вижу я балок мой старый,
Как тоска его гнетет,
Что к нему лихой и славный,
Бескорыстный, не для славы,
Тот геолог не придет.

Вертолет ждем у площадки.
Вспоминаю сам не свой...
Смотрят девушки украдкой,
Шепчет Рая: «Что с тобой?..»

Ах, вы, милые девчата,
Есть такие в жизни дни,
За которые расплата
И достойная награда
Лишь – у гробовой доски.

11–12 февраля 2010 г.

Содержание

Бабанин Л.Л.

Обезьяна 3

Тарханов А.С.

Пою я песню 159

Слово поэта..... 160

Душа с душою говорит 162

Буря и мы..... 163

Апрельские открытия 164

Явление дамы 165

Картина из детства..... 166

Голос Космоса 167

Бунтари 168

В том порту..... 169

В Загорье..... 169

Вспоминая родные деревни 170

Ода украинской капусте 171

«И душа с душою говорит...» 173

Певец Хворостовский..... 174

Слезы детей 174

Крымский этюд 175

«Ты явилась ко мне издалека...» 176

Черная протока..... 176

Ахманка 178

Деревенские девки..... 179

«Нет страшней измены боле...» 180

Семейные времена года (*шутка*)..... 181

Душевный порыв 182

Ночной рыбак 183

Наказанье 184

Сын милосердия (*песня*)..... 185

Девушка с домброй..... 186

«Сосна у забытой избушки...» 187

Голос поэта 188

Осеннее танго тайги	189
«Паруса снимает с лодок осень...»	190
Несправедливость	191
Ханты-Мансийск (<i>песня</i>)	192
О женском притворстве	193
Часы сомнений одиноких	194
«В душе у Вас – родник страданья...»	195
Остров Маргит	196
«Пихта ночью тревожится, в дождь...»	197
О деньгах	197
В бане (<i>шутка</i>)	198
Залетный ветер	199
Вчерашний раб	200
«В душе звучит стихия моря...»	200
«Одиночество – не утомленье...»	201
Олеся	201
«Замер крик навек в Залесье...»	201
«Сегодня у дачи притихшей...»	202
«Цветок цветет в руках у Коли...»	203
Амбары	204
И вспомнилось...	205
Сестры милосердия	206
Герои России	207
Прощальная тройка	208
Апрель	209
Березовские дали	209
Прелюдия к бабьему лету	210
«Отпылала рябина на рыжем откосе...»	211
«Неужто я боюсь любви?...»	211
«Сегодня ты, как луч, тиха...»	212
Лиственница Меншикова	213
Была ты нежною дворянкой (<i>по мотивам кубанских казачьих песен</i>)	214
«Ты еще беззаботна душою...»	214
Священные горы	215
«Есть у жизни все права...»	217
Осеннее танго	218
«Я потерял поэта-друга...»	218
Мольба к Богу	219

Ночной разговор.....	220
Наедине.....	221
Разговор с рябиной.....	222
Гори, огонь воспоминанья! (О тюменских писателях)...	223
«У Весны озорной есть отменный подарок...».....	224
«В войну морозы были лютыми...».....	225
Полевая межа.....	226
«Ты ветреной слыла девчонкой...».....	226
В метро.....	227
«Эта листвень в расцвете и силе...».....	228
К Балатону.....	229
Закат.....	230
Волшебный декабрь.....	230
В Рождество.....	231
Полночная душа.....	232
«В доме большом и скучном...».....	233
Лирические поэмы.....	235
Три столицы.....	236
В Ханты-Мансийске.....	242
Живительный Бор.....	246

Б12

Волки идут следом: Бабанин Л.Л. Обезьяна : повесть; Тарханов А.С. Пою я песню : стихи. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2010. – 256 с. : ил.

ISBN 978-5-7529-0973-2

В книгу «Волки идут следом» вошла повесть Л.Л. Бабанина «Обезьяна» и подборка стихов мансийского поэта А.С. Тарханова под названием «Пою я песню». Их произведения отображают жизнь и проблемы нашего современника, предназначены для широкого круга читателей.

ББК 84(2Рос-Рус+Ма)6-4+5

Волки идут следом

Бабанин Леонид Леонидович

Обезьяна. Повесть

Тарханов Андрей Семенович

Пою я песню. Стихи

Иллюстрации А.М. Туманова

Дизайн: Ю. Пушкарева

Верстка: Д. Корнилов

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 06534, выдана
16.01.2002 г.

Подписано в печать 25.11.2010. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5.

Тираж 1 500 экз. Заказ № 30.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»

620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24

Отпечатано в ООО «Атлас»

620142, г. Екатеринбург, ул. Фурманова, 32

177742012

Государственная библиотека Югры

Лирика мансийского поэта Андрея Тарханова, пишущего на русском языке, известна далеко за пределами Югры и получила международное признание. В издательствах Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Тюмени и за рубежом А. Тарханов выпустил 21 книгу. В этом издании поэт выступает с новыми стихами и поэмами.

У прозаика из поселка Березово Югорского края Леонида Бабанина на писательском счету два остросюжетных и злободневных романа «Плата по счетам» и «Вертолетная площадка». А теперь читателю предлагается романтическая повесть «Волки идут следом».